

УСКОП.

≡ ЖИВЫЕ, ПОЙТЕ О НАС! ≡

В. Орлов, А. Зинаев

ЖИВЫЕ, ПОЙТЕ О НАС!

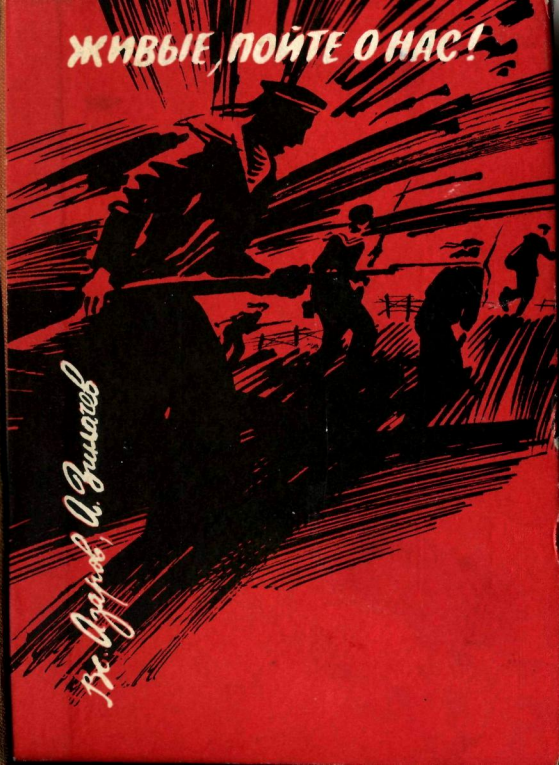

СХЕМА
ВЫСАДКИ
ДЕСАНТОВ
ПЕТЕРГОФ-
СТРЕЛЬНА
В ОКТЯБРЕ
1941 г.

1972

Ленцедат

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

АНДРЕЙ ЗИНАЧЕВ

«ЖИВЫЕ, ПОЙТЕ О НАС!»

Документальная повесть

Ленинград • 1972

Второе, дополненное издание

1-12-2
70-1972

Предисловие

В истории Великой Отечественной войны есть одна особая страница — отмеченная своим беспримерным мужеством оборона Ленинграда.

В планах фашистской Германии захват и уничтожение города Ленина значились в числе первоочередных задач. 15 августа 1941 года Гитлер в своем приказе говорил, «что лишь после того, как группа армий «Север» захватит Ленинград, можно думать о возобновлении наступления на Москву».

Войска Северо-Западного направления, дивизии народного ополчения героически сражались за Ленинград, сдерживая превосходящие силы врага. В этой битве в тесном взаимодействии с армией, с горожанами, превратившими Ленинград в неприступную крепость, наносили удары по врагу морские артиллеристы, летчики, пехотинцы.

С кораблей, из учебных отрядов и военно-морских училищ, из флотских экипажей сотня за сотней, тысяча за тысячей уходили на сухопутный фронт балтийцы, формируя все новые и новые бригады морской пехоты.

Восемнадцатого сентября 1941 года части 42-й армии закрепились на рубеже Лигово—Нижнее Койрово—Пулково. Но в это

время фашисты на участке между Урицком и Стрельной прорвались к Финскому заливу. Они заняли Петергоф.

В конце сентября — начале октября Балтийский флот высадил в районе Стрельна—Петергоф ряд десантов, из которых самым крупным был десант в ночь на 5 октября.

Обстоятельства, предшествовавшие высадке этого десанта, его трехдневная борьба в парках Петергофа с численно превосходящими вражескими силами, его значение в борьбе за Ленинград отражены в документальной повести «Живые, пойте о нас!».

Авторам книги — морякам, участникам Отечественной войны поэту Всеволоду Азарову и политработнику капитану первого ранга Андрею Зипачеву — с помощью многих людей, заинтересованных в том, чтобы героизм десантников не был забыт, удалось по крупицам восстановить картину сражения. За эту полезаную книгу, которая очень нужна для воспитания молодежи, Военно-Морской Флот выражает свою признательность авторам.

Сейчас благодаря рассказам некоторых оставшихся в живых его участников, сопоставленным со сведениями, полученными из наших и зарубежных архивов, мы узнаём правду о беспримерном мужестве балтийцев, которые в самых тяжелых испытаниях не склонили головы, остались верны своему воинскому долгу, делу Ленина, нашей славной Коммунистической партии.

Я знал многих из них, знал полковника Ворожилова — командира десантного отряда, знал комиссара Петрухина.

Когда Андрей Трофимович Ворожилов был начальником и комиссаром Электроминной школы, мне, молодому комсомольскому работнику, посчастливилось служить вместе с ним. Через несколько лет мы снова встретились в той же части. Он был начальником, я — военкомом. Годы совместной работы с Андреем Трофимовичем оставили в моем сердце большой след.

Андрея Трофимовича Ворожилова в Электроминной школе очень любили. Участник гражданской войны, штурмовавший Перекоп, кавалер ордена Красного Знамени, Ворожилов был для молодежи образцом.

Таким же авторитетом пользовался и военком отряда — полковой комиссар Андрей Федорович Петрухин.

Ворожилов и Петрухин всегда были готовы защищать Родину, а если надо, то и отдать за нее жизнь.

А сколько других замечательных людей было среди командиров, политработников и бойцов десантного отряда! Зорин, Мишкин, Федоров... Но пусть они, ожившие на страницах повести; сами поделаются с читателями своими надеждами, своей радостью и своей болью.

О петергофском десанте, судьба которого долгое время оставалась неизвестной, люди не забывали. Помнили кронштадтские моряки, всегда, конечно, помнили матери и отцы, жены и дети погибших.

Посланцы Кронштадта показали всему миру, как умеют сражаться русские матросы. И в том, что враг не сумел войти в Ленинград, есть заслуга и петергофских десантников.

«Живые, пойте о нас!» — написал безвестный боец десанта на листке, найденном уже после войны.

И живые пели песню отмщения, песню победы. Ее слова — в заключительных главах повести об освобождении Ленинграда от вражеской блокады, о воскрешении тех мест, где погибли балтийцы, где сегодня опять расцветает счастливая, мирная жизнь.

Эта песня — в главах о победном марше балтийских моряков на запад, об ударах, которые наносили наши армия и флот по фашистским преступникам, обстреливавшим Ленинград, пытавшим его муками голода.

Повесть Вс. Азарова и А. Зипачева «Живые, пойте о нас!» была опубликована Лениздатом впервые в 1969 году.

Моряки советского Военно-Морского Флота взяли книгу на вооружение.

В Ленинграде, Севастополе, Североморске, Балтийске, Таллине, Кронштадте, на кораблях, в частях, высших военно-морских училищах были проведены сотни читательских конференций. Отзывы о повести появились на страницах многих газет и журналов.

Такой читательский интерес к книге вызван, думаю, прежде всего тем ракурсом, в котором освещаются грозные и трагические события 1941 года.

На одном из частных эпизодов Отечественной войны — примере мужества балтийских моряков — авторы повести показали, что советские воины даже в самое трудное для Родины время были не обреченными, не жертвами, а победителями. Погибая, они верили, что отдадут жизнь не напрасно, что победа над лютым врагом человечества — фашизмом совершится.

Повесть «Живые, пойте о нас!» не только история. Она и эстафета, передаваемая в руки молодого поколения, достойного своих героев-отцов. Повесть эта адресована нашей замечательной молодежи, строящей коммунизм, стойкой и мужественной, владеющей боевым мастерством, готовой, если потребуются, защитить завоевания Октября, счастье Родины, дело Коммунистической партии.

*Член Военного совета, начальник Политического управления Военно-Морского Флота,
адмирал В. ГРИШАНОВ*

*Водометов молва,
Ослепительных струй непокой.
Пасть могучего льва
Великан раздирает рукой.*

*Поглядите, как белую пеной
Бушует каскад,
Как сирены
В воде окликают тритонов, наяд.*

*Строгих бронзовых статуй ряды
Охраняют дворец.
Дробный гомон воды —
Он подобен биению сердец.*

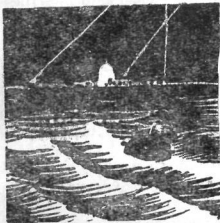
*И над парком плывет величаво
Печальная песнь.
Но не древним героям во славу
Звучит она здесь.*

*Песня славит иные сраженья,
Героев иных —
Не подвластных забвенью
Матросов,
Бойцов молодых,*

*Тех, что этих садов красоту
Заслонили собой,
Тех, что здесь в сорок первом году
Смертный приняли бой.*

1965 г.

Орлиное гнездо

Осень в Кронштадте наступила быстро. Впрочем, те, кто служил здесь в сорок первом году на фортах, на боевых кораблях, те, кто готовил в Учебном отряде молодое поколение балтийцев, и не заметили, как побронзовела листва, посуровело небо.

Положение наших войск под Ленинградом было тяжелым.

Фашисты вышли к Неве у Ивановских порогов, захватили Пушкин, Красное Село. Немногие километры отделяли теперь врагов от города революции.

Придавая особое значение в борьбе с Советами захвату Ленинграда, Гитлер на совещании генералитета группы армий «Север» подчеркивал, что с падением Ленинграда русскими «будет утрачен один из символов революции, являвшийся наиболее важным для русского народа на протяжении последних двадцати четырех лет», и что «дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить полная катастрофа».

Фюрер решил стереть город с лица земли. В директиве немецкого военно-морского штаба говорилось: «Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнить его с землей». Такая же судьба была уготована и Балтийскому флоту.

Кронштадт, его форты, линейные корабли, крейсера, морская авиация дни и ночи поддерживали своим огнем сопротивление войск, давших клятву не пропустить врага в город Ленина.

Оставался несокрушимым и приморский Ораниенбаумский плацдарм с его мощными фортами Красная Горка и Серая Лошадь.

Худощавый, невысокий полковник во флотской форме остановился неподалеку от Северных казарм. Он подошел к газетному щиту и стал читать набранные крупным шрифтом, рядом со сводками Совинформбюро, строки «Клятвы балтийцев»: «Пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие, не бывать фашистской сволочи в городе Ленина!»

Инспектор строевой и стрелковой подготовки Учебного отряда КБФ Андрей Трофимович Ворожилов много лет жил в Кронштадте. Он любил этот город-крепость с его певучими морскими горами, с пушкой, стреляющей в полдень, любил наполненные звонкими молодыми головами казармы Учебного отряда. Здесь, в Электроминной, Машинной школах, в школах оружия и связи, обучались его питомцы. Воспитатель молодых моряков знал, что они зовут его между собой «Батя». Да и в самом деле они были для полковника как родные сыны.

Сегодня Учебный отряд выглядел необычно. Словно вернулось время восемнадцатого, девятнадцатого незабываемых годов, огневых речей, митингов, после которых братва с кораблей сразу отиравалась на фронт.

Как и тогда, из Кронштадта и Ленинграда уходили на сухопутный фронт моряки. Цвет балтийской юности — свыше семидесяти тысяч краснофлотцев с кораблей, фортов, из военно-морских училищ, школ Учебного отряда. Стойко сражались они под Нарвой, Кингисеппом, Лугой. Бились на рубежах Котлы—Копорье—Красное Село—Урицк—Пулково. Андрею Трофимовичу Ворожилову и самому хотелось быть в их рядах.

Учебный отряд жил по давно заведенному распорядку.

Утреннее солнце ударяло в высокие окна казарм. В 7.00 по горну и пронзительной трели боцманских дудок матросы вскакивали, заправляли койки, умывались. И сразу же бросались к репродуктору. «От Советского Информбюро...» Слушали сводки, вести с фронта. Расходились хмурые, услышав уже привычное: «После упорных боев наши войска...»

— Опять отходят...

В эти дни в Электроминной школе, носившей имя героя-матроса Анатолия Железнякова, в Школе оружия, названной именем первого военного комиссара Балтийского флота Ивана Сладкова, и в других школах Учебного отряда командование получало от матросов и преподавателей сотни рапортов: «Пошлите на фронт...», «Прошу отправить на передовую...».

Командир Учебного отряда Владимир Нестерович Лежава, военком Андрей Федорович Петрухин читали эти листки, прекрасно понимая настроение моряков. Любый из командиров сегодня же сам с радостью пошел бы на фронт.

Митинг как бы разрядил чувства, накопившиеся в сердцах многих.

Как гудел просторный, вымощенный булыжником двор под ударами матросских каблучков!

— Под знамя смирно!

Это зычный голос любимца краснофлотцев лейтенанта Александра Петровича Зорина. Никто, кажется, в Учебном отряде не умел подать команду лучше. Тысячи моряков замерли в строю... Выносят знамя. Алое, оно плывет вдоль рядов, шелковым краешком касаясь взволнованных, разгоряченных лиц. Словно ветер пронесся с моря или с огненных полей войны. Где бы ты ни был, моряк, куда бы ни занесла тебя судьбина, в самые лютые часы испытаний, всюду ты будешь чувствовать этот трепет, ощущать, как незримо осеяет тебя священное боевое знамя.

Слово предоставляется военкому Учебного отряда Андрею Федоровичу Петрухину. У него доброе лицо, спленные руки мастерового. Моряки знают: Петрухин вырос в шахтерской семье, в комсомол вступил в год его основания. Говорит, словно размышляет вслух, медленно, выбирая самые нужные, правдивые слова.

— Еще недавно, товарищи, вы знали войну только по кинокартинам «Чапаев», «Мы из Кронштадта». Теперь война ворвалась к нам на родину — страшная, кровопролитная. Есть среди вас белорусы и украинцы из сел и городов, где бесчинствует враг. У стен Ленинграда вы сражаетесь и за ваши родные места. У меня лежат ваши рапорты с просьбой послать на фронт. И я думаю, что скоро исполнится ваше желание. Я буду вместе с вами. Поклянемся же друг другу, нашим матерям и отцам стоять до конца! Умрем, но не сдадим город Ленина!

Угрожающий гул моторов прервал речь военкома. Над Кронштадтом тоскливо и протяжно завывли сирены.

Сигнал воздушной тревоги был дан, когда над островом уже ожесточенно забили зенитки, а в небе стало темно от фашистских самолетов. Это начался очередной налет. Тем, кто не был принисан к боевым постам, полагалось уйти в убежища, подвалы, земляные укрытия. Но краснофлотцы, рассредоточиваясь, предпочитали

не прятаться. «Юнкеры» шли к гавани, с надсадным воем пикировали на корабли. Бомбы взрывались на пирсах, у бортов кораблей, в цехах Морского завода.

Лишь к вечеру прозвучал сигнал отбоя воздушной тревоги. «Пусть они будут прокляты! — услышал Ворожиллов. — На фронт нам, ребята, надо!»

Андрей Трофимович подумал о старом доме, совсем рядом с гаванью, где жила его семья. Он знал характер своей Прасковьи Тимофеевны. Наверное, жена с детьми не стала спускаться в убежище. Что ж, может, она и права! Да и куда там прятаться, — подвал не спасет от прямого попадания. А так дом крепкий. Если бомба разорвется рядом, выдержит.

Беспокоился о своей жене, о ребятах и комиссар Петрухин. У тех, чьи семьи в тылу, на душе было не намного легче.

Семья преподавателя Школы оружия Вадима Федорова — жена Зина и сын Валерий — была эвакуирована в тыл. Он часто писал им, но ни разу не получил ответа на свои письма.

Федоров был призван на флот во время финской войны, после окончания с отличием физико-математического факультета Московского университета. Спортсмен, не раз участвовавший в дальних туристских походах, поймавший много прекрасных уголков нашей родины, он полюбил и этот островной город с его традициями, памятниками, зеленью Петровского парка, розовыми свечами цветущих каштанов.

Вадима интересовала история Кронштадта. Раскрывая в читальне городской библиотеки старинные книги, он слышал голоса российских адмиралов, матросов — героев революции.

Для него все было ясно, определено, подчинено строгому распорядку. Он, интендант третьего ранга, препода-

ватель общей электротехники, вместе со всеми готов идти туда, куда велят долг и совесть.

...Кронштадт был насторожен. Моросил дождь. Холодный ветер срывал с кленов багряные листья. Он гонял их, вихрил у ног.

На почте у окошка с надписью «До востребования» уже хорошо знавшая Федорова девушка сказала:

— Вам снова ничего нет. Пишут...

«Пошлю им еще одно письмо», — решил Вадим.

«Привет, дорогая Зинушка! Привет, Лерик! — писал Вадим. — ...Надеюсь, что ты получаешь мои письма.

У меня все по-старому, изменений никаких нет. Пиши подробнее о Лерике, как его здоровье. Ведь ты понимаешь, как он мне дорог...

Не могу хладнокровно смотреть на маленьких детишек, перед глазами сразу возникает Лерик...

Для меня главное — хотелось бы принять в разыграншей битве деятельное участие.

Стыдно мне, командиру, сидеть в тылу.

Целую вас обоих много раз крепко-крепко.

Вадим.

Мой новый адрес: Краснознаменный Балтийский флот, 1001-я полевая почта. Школа оружия Учебного отряда».

...Фашистская артиллерия бьет по морскому городу. Содрогаются его старинные стены, открывают контрбатарейную стрельбу форты.

Разносится ответный могучий голос артиллерии главного калибра, линкоров «Октябрьская революция», «Марат». Не по зубам фашистам этот огневой «орешек»!

Нет, Кронштадт в ту пору не был тылом. И Вадиму Федорову не надо было стыдиться, что он не на фронте.

Город погрузился в ночной сумрак. В домах ни огонька. Затемненные окна — словно иллюминаторы гигантского боевого корабля, задраенные по сигналу тревоги. Пора возвращаться на дежурство в отряд.

Улицы опустели. Только патрули обходят кварталы, зорко всматриваясь, не прорвется ли случайная предательская полоска света, не сверкнет ли с чердака или из окна заколоченной, покинутой квартиры сигнал прокравшегося фашистского лазутчика.

Моряки из Учебного отряда также принимали участие в этих обходах. Вот и сейчас по уцелевшей с петровских времен чугунной мостовой, мимо огромной глыбы, на которой возвышается бронзовый адмирал Макаров, прошли несущие патрульную службу политрук Ефимов с краснофлотцами Борисом Шитиковым и Колей Вьюновым.

Обычно веселый, фантазер и шутник, Шитиков серьезен.

— Сегодня я проходил мимо Морского госпиталя. На «скорой» привезли жену нашего старшины. Ее ранило во время обстрела, дочку их пятилетнюю — насмерть...

— Ты рапорт подавал на фронт? — спрашивает Вьюнов.

— Подавал!..

— Я тоже...

Шитиков помрачнел.

— Знаешь, какая берет обида! Уже второй раз из нашей роты уходят ребята на фронт. Возвратился после наряда, вижу — пустые койки, на полу рассыпанная махорка, в углу брошенная гитара. Не поверишь, Николай, я от обиды заплакал. «Ждите, ждите»... Сколько можно ждать?!

Время обхода кончается, пора возвращаться в казармы.

Друзья отдают рапорт дежурному, ставят винтовки в пирамиду. В кубрике, разметавшись на койках, спят каскафлотцы. Тяжкие сны видят они в эти ночи.

— Коля, не спишь? — шепчет Шитиков лежащему рядом Вьюнову.

— Не сплю. Заснешь тут!

— Завтра пойду к самому Бате. Пусть скажет, отпустит ли на фронт... Не могу я так больше! Балтиец я или кто?

— Балтиец, — добродушно отвечает Вьюнов. — Только полковник сам знает, где нам лучше быть. Вчера полтрук меня вызывал. Спрашивал: «На финской воевал?» — «Воевал», — говорю. «В десант на Гогланд ходил?» — «Ходил», — говорю.

— К чему это он? — оживился Шитиков.

— Не сказал. Зачем-то ему надо. — Вьюнов протянул мечтательно: — Гогланд... Гогланд... Ледяная вода, винтовочный огонь, мы мокрые, как черти, а все ж здорово!..

Послышались шаги дежурного. Разговор смолк. Но Федоров — это был он — заметил говоривших. Подошел, присел на край кровати:

— Не спится?

— Не спится, товарищ командир.

— Да, многим теперь не до сна. Испортили нам сон фашисты.

— Послали бы на фронт, мы бы им такую побудку сыграли, проснуться не успели бы...

Шитиков и Вьюнов не знали, что скоро Вадим Федоров поведет в бой десантную роту, в которой будут и они, мечтавшие о схватке с врагами в эту бессонную крошадтскую ночь.

На Ораниенбаумском направлении

Три страшных месяца... Сентябрь,
Вой самолетов, треск зениток.
Кровавая над морем рябь
И черный дым над полем взвитый.
Как немцы к городу близки!
Гремят тяжелые раскаты.
Идут рабочие полки,
Горят и день и ночь закаты.
Вот рельсы, сваи баррикад,
В ограде заводской — бойницы,
Отсюда нет пути назад,
Здесь станем,
Здесь мы будем биться.

1941 г.

В тяжелые для Ленинграда сентябрьские дни, когда враг был уже у Колпина, у Пулковских высот, ощутимо реальной стала опасность прорыва немцев к Финскому заливу со стороны Урицка.

«Взять Ленинград любой ценой!» — таков был приказ Гитлера. И командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб был уверен, что его войска незамедлительно выполнят волю фюрера.

Группа армий «Север» поначалу продвигалась стремительно, делая по двадцать шесть километров в сутки. Нет недостатка в технике. Танки, артиллерия, минометы, каждый солдат с автоматом. Авиация? Превосходство ее над русской было налицо. Но почему же, чем ближе подходили немцы к Ленинграду, тем медленнее двигались гусеницы танков, колеса тягачей? Теперь войска группы «Север» делали в сутки чуть больше двух километров. Сопротивление русских становилось все более упорным.

Генерал-фельдмаршал мог учитывать данные разведки о войсках противника, но учесть и понять, что происходило в самом Ленинграде, который уже просматривался в мощную оптику Цейсса, было фашистам не под силу.

У стен города шли кровопролитные бои. Плечом к плечу с армией, Балтийским флотом встали дивизии народного ополчения. Студенты и профессора, пожилые рабочие — участники гражданской войны — и юноши, не достигшие призывного возраста. Коммунисты и комсомольцы составляли костяк этих дивизий. Армии Ленинского фронта требовалось одеть, накормить, вооружить. Заводы и фабрики перешли на круглосуточную работу. Те, кто не был на производстве, занимались не менее ответственным, жизненно необходимым делом. Город нужно было превратить в крепость, опоясать противотанковыми рвами и заграждениями, вырыть окопы, оборудовать запасные огневые позиции для артиллерии. Женщины Ленинграда, старики, подростки принимали участие в создании оборонительного пояса города.

Подвиг ленинградцев прославлен народом. О нем слаются былины и легенды. Но сухие цифры иногда впечатляют не меньше. В самом городе было построено более четырех тысяч дотов и дзотов. Семнадцать тысяч амбразур в окнах домов готовы были огнем встретить фашистов.

Одним из главных препятствий для наступающего врага была эскадра Балтийского флота и форты Кронштадта со своей мощной артиллерией. Они разили захватчиков огнем дальнбойных орудий, уничтожали его живую силу.

Во второй половине сентября фашисты по несколько раз в день предпринимали массированные, «звездные» налеты авиации на корабли. В Кронштадте воздушная тревога, объявлявшаяся утром, не прекращалась весь день.

Сотни самолетов противника встречали яростный отпор зенитной артиллерии флота и ее истребительной авиации.

Фашисты стремились уничтожить Балтийский флот. Было потоплено и повреждено несколько судов. Но враг не достиг своей цели. Корабли прочно занимали огневые позиции, вели непрерывную контрбатареиную борьбу с фашистской артиллерией, которая методически обстреливала Ленинград.

Попытка армий фон Лееба взять Ленинград штурмом провалилась. Тогда в обход, по направлению к Стрельне, были брошены 1-я и 291-я пехотные дивизии из группы «Север». На этом направлении фашистам противостояли кадровые армейские соединения 8-й армии Ленинградского фронта, моряки Балтийского флота, ополченцы.

Сражения шли за села и рабочие поселки. Превращенные артиллерийским огнем в груды развалин, они неоднократно переходили из рук в руки.

Так было в боях за Гостилицы, Кипень, Рошшу...

Восьмая армия, где становилось все меньше и меньше бойцов, а в некоторых дивизиях их насчитывалось не более тысячи, сражалась героически. Казалось, откуда у них берутся силы для сопротивления врагу!

Иссякли боезапасы. «Огня!» — кричали комбаты. «Побольше огоньку!» — требовали от артиллеристов шедшие в наступление бойцы.

Каждый ствол орудия, снаряд, мина были на счету. Боеприпасы надо было тратить мудро и расчетливо.

Даже когда *подготавливаемые Ленинградским фронтом контратакующие операции не приносили успеха, главное их значение заключалось в сковывании войск врага, в навязывании ему действий, не предусмотренных гитлеровскими планами.

Под Красным Селом и Урицком важен был выигрыш во времени. Доставался он нелегко.

Десятая стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Михаил Павлович Духанов, была передана 8-й армии 16 сентября. Уже в первые часы боев дивизия смогла нанести врагу существенные удары. Но огромное преимущество гитлеровцев в огневых средствах остановило наступающих бойцов.

Прошло три дня. В районе Красного Села против войск 8-й армии было предпринято новое наступление немцев. Они ввели в бой значительные резервы. Бомбардировщики висели над нашими войсками.

Гитлеровское командование рассчитывало, разгромив 8-ю армию, с ходу занять важные опорные пункты — Урицк, Стрельну, Новый и Старый Петергоф — и на плечах отступающих частей ворваться в Ораниенбаум, а затем в Кронштадт.

Это были одни из самых критических дней напряженной битвы под Ленинградом.

...В Старом Петергофе закрепился 19-й стрелковый корпус, командование которым теперь принял Духанов. Положение здесь с каждым днем становилось все труднее и опаснее. Атаки противника следовали одна за другой. Изматывали регулярные налеты авиации. 21 сентября Духанов получил приказ перейти в наступление со Старопетергофского рубежа на Стрельну — Урицк, навстречу войскам, атакующим гитлеровцев со стороны Ленинграда.

Генерал отлично понимал, что наступать трудно, даже рискованно. Он знал своих бойцов, верил в их безграничную самоотверженность. Но теперь полки оголены, снарядов мало, для длительной артиллерийской подготовки нет средств, плохо с продовольствием, с медикаментами.

Духанов особенно тревожился за 10-ю стрелковую дивизию, занимавшую после отхода от Красного Села оборону на главном направлении — от Финского залива до Английского пруда в Старом Петергофе.

Измотанная до предела, дивизия насчитывала в наиболее сильном своем полку всего сто семьдесят бойцов.

Навязывая немцам бой, артиллеристы давали возможность пехотинцам — ножницами, саперам — подрывными зарядами проделывать в проволочном заграждении «коридоры». На отдельных участках некоторым подразделениям дивизии удалось ворваться в окопы переднего края. Враг, превосходивший силами, контратаковал — и бойцы отходили. С наблюдательного пункта генерал Духанов следил за обстановкой. И как только фашисты приблизились к оборонительному рубежу между Старым и Новым Петергофом, артиллерия дивизии и оповещенные по радио форты Кронштадта взорвали землю под ногами врага.

Врага удалось остановить. Но испытания, выпавшие на долю дивизии, были еще впереди.

Михаил Павлович Духанов — участник боев на Стоходе в первую мировую войну, красногвардеец, член РКП(б) с октября 1918 года — был высокообразованным военачальником. Его ценили люди, шедшие с ним в бой.

Человек разносторонних интересов, любящий литературу, живопись наравне с родным для него военным делом, Михаил Павлович не мог отрешиться от сознания, что плацдарм, который он и его войска защищают, является частью Петергофа, созданного русским национальным гением, вдохновенным всемирно известных зодчих и безмянных крепостных мастеров.

Глубоко посаженными глазами он всматривался в лепку фронтонов старинных зданий, ловил себя на том, что в этом хаосе уничтожения различает дорогое ему с детства великолепие голубого неба, осеннего парка.

В те дни 19-м стрелковым корпусом руководил вместе с Духановым его верный боевой товарищ — бригадный комиссар Василий Павлович Мжаванадзе.

Невысокого роста, порывистый и в то же время удивительно спокойный, комиссар нравился Духанову.

Духанов чувствовал, что комиссару, как и ему, дороги эти уже тронутые тьмой разрушения бесконечно прекрасные места. И то, как относился его комиссар к людям, с которыми он стоял на смертном рубеже, дав клятву не сойти с него, соответствовало принципам, внутреннему убеждению самого Духанова.

В то время, когда линия фронта ежедневно менялась, спокойная выдержка Мжаванадзе ободряла командиров и бойцов.

В передышках между боями он рассказывал им о городе, который они защищают, рассказывал так, словно это был его родной город.

Взаимосвязь событий, зависимость главного от, казалось бы, значительно меньшего, совершаемого воином на

доверенном ему участке, становились ясными от его слов. Бригадный комиссар был душою корпуса, как и его командиры, веривший: их бойцы сумеют выстоять. А пока они бросались в неравные атаки, ценой тяжелых жертв удерживали только что занятый рубеж за оврагом, густо поросшим мелким кустарником.

В конце сентября обстановка еще более осложнилась. 291-я немецкая дивизия, подкрепленная танками, артиллерией и минометами, которых в 10-й дивизии было мало, начала новое наступление.

Казалось, горела сама земля. Взрывы снарядов выворачивали вековые деревья, до мокрых камней перепахивали землю за Фабричной канавкой. Этаж за этажом рушился Английский дворец, в подвалах которого находились бойцы дивизии.

Бой достиг высшего напряжения. Это чувствовали и воины народного ополчения, действовавшие в составе 264-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Они сражались на подступах к Петергофу рядом с бойцами 10-й дивизии. От батальона после пяти дней боев уцелело около двухсот человек. В неравных схватках с фашистами пали многие студенты Кораблестроительного института и судостроители Адмиралтейского завода, из которых батальон был сформирован в Ленинграде.

...Фашисты вторглись в Петергофский укрепленный район с юго-востока, вблизи дороги Владимирово — Мишино — Низино, а ждали их с запада, куда смотрели амбразуры дотов и дзотов. Надолбы, рвы и мины не могли остановить фашистов. Ополченцы сражались стойко. Но враг продвигался, имея преимущество в военной технике. У деревни Санино в течение двух суток держал оборону маленький гарнизон дзота ополченцев под командованием лейтенанта Юрия Никитина. Его бойцы, помощник командира старшина Виталий Середа и сам Никитин были

комсомольцами, студентами Ленинградского кораблестроительного института. Отрезанный от других подразделений батальона, взят в обороне своей роты оставался единственной действующей огневой точкой.

Юрий Никитин и Виталий Середа были опытными командирами, прошедшими боевую выучку во время финской войны в лыжном батальоне. За свои ратные подвиги Никитин был награжден медалью «За отвагу», Середа — орденом Красной Звезды.

Точным прицельным огнем из 76-миллиметрового орудия, пулемета, меткими выстрелами из винтовок бойцы-ополченцы задерживали продвижение гитлеровцев. Но вот враги предприняли очередную атаку. Они окружили взвод. По нему бьют тяжелые минометы. Один за другим выбывают из строя бойцы. Связь с батальоном прервана. Защитники взвода поклялись: «Живыми не сдадимся!» Но как передать товарищам, что свой долг они выполняют до конца?

Поздно вечером из осажденного взвода добрался до штаба связной. Он рассказал, что мог выйти только с наступлением темноты, после того как его товарищи, чтобы отвлечь внимание немцев, завязали перестрелку с автоматчиками.

— Командир ранен в обе ноги. Мало осталось там наших. Да и те почти все ранены...

На командном пункте батальона внезапно зазвучал зуммер. Дежурный телефонист взволнованно крикнул комбату:

— Вызывает Никитин!

Командир батальона Бондаренко и те, кто стоял рядом с ним, отчетливо услышали молодой громкий голос: «Мы окружены. Немецкие автоматчики засыпают нас гранатами. Почти все ранены, но не сдаемся!..»

В телефонной трубке что-то щелкнуло, связь оборвалась. Это была последняя весть из взвода.

По огненным взрывам в ночи ополченцы догадались о судьбе своих товарищей.

Оставшиеся в живых продолжали сражаться, как герои. И таких было много — не упомянутых в то время в сводках Совинформбюро, скромных защитников города Ленина.

...Они приехали в Ленинград из Одессы — братья Язень и Ростислав Мармуры. Учились в Кораблестроительном институте, вместе пошли в народное ополчение. Когда немецкие танки наступали в районе Ропшинского шоссе, уверенные в своей легкой победе, внезапно перед танком, шедшим впереди, появился боец. Это был Евгений со связкой противотанковых гранат. Он уже был ранен, голова обмотана бинтом... Гитлеровский танкист даже опешил, притормозил ход. Но потом хлестнул по смельчаку из пулеметов. Евгению не хватило нескольких секунд, чтобы, войдя в мертвое пространство, бросить под танк гранату. Товарищи видели, как упал Язень Мармур, чтобы больше не подняться...

Ополченцы стойко защищали свои позиции. Там был и шестнадцатилетний доброволец, боец охраны штаба батальона испанец Гонсалес Эулохио Фернандес, учащийся Судостроительного техникума. Гонсалес лучше, чем его товарищи по батальону, знал, что такое фашизм. Враги полонили его родной город Авиедо в Астурии.

Мальчику было двенадцать лет, когда его отец, железнодорожник, взял в руки винтовку, вступил в армию республиканцев.

Сын тоже хотел воевать с франкистами. Он видел в небе итальянские фашистские «кондоры», желто-черные немецкие «юнкерсы» с крестами на плоскостях, которые несли смерть его родине.

Сейчас же он видел, как раскалываются от ударов гитлеровских бомб дома, загораются дворцы на его восточной родине, куда тоже ворвалась смерть.

Лео — так называли его в батальоне — вел под Ленинградом свой особый счет мести фашистам.

Глядя на почерневшую гладь Финского залива, прислушиваясь к близкой перестрелке и к тяжким, точно удары исполненного молота, залпам батарей фортов, Лео говорил:

— О, это хорошо. Это — Кронштадт!

Молодой испанец смело ходил в атаки на врага. Бил из ручного пулемета спокойно, короткими выстрелами и только по ясно видневшимся целям. Это были хладнокровие и воинская расчетливость. Когда под Петергофом разгорелся жаркий бой, Лео со своим пулеметом внезапно вырós на левом фланге батальона и заставил надолго замолчать фашистов.

В конце сентября ополченцы вынуждены были отступить из города в парк Петергофа. Гонсалес заплакал, увидев горящий Большой дворец, поверженные скульптуры, поваленные взрывами снарядов и бомб вековые деревья.

— Такого нельзя простить...

Он еще не знал, что скоро перешиagnet «огненный рубеж» — Фабричную канавку и станет бойцом 10-й дивизии, которой прикажут: «Ни шагу назад!» А пока его батальон отходил. Он истекал кровью. Многих его товарищей уже не было в живых. Погибли сотни бойцов, и никто не мог прийти на помощь батальону в его неравной схватке с врагом. Не смогли в эти тяжелые минуты помочь ему и находившиеся у Розового павильона, где размещался штаб батальона ополченцев, моряки-зенитчики под командованием лейтенанта Григория Занько.

Батарея отходила к Петергофу от Стрельны, захваченной фашистами.

Теперь она стреляла не только по воздушным, но и по наземным целям. Тяжело было зенитчикам вести огонь по родным местам.

— Что скажешь, Лаврентьев? — обратился Занько к комендору, уроженцу Стрельны.

— В Стрельне мой дом, в нем остались мать и сестра. Но там немцы. Я устанавливаю трубку. Открывайте огонь, товарищ командир!

В этом бою батарея выпустила по врагу около четырехсот снарядов.

Возле Розового павильона батарея сама оказалась в критическом положении. К тому времени расчеты ее были уже неполными. Многих бойцов пришлось похоронить тут же, рядом с их пушками. Еще не гвардейцы, просто рядовые бойцы, зенитчики Занько не думали о том, что их борьба войдет в историю бессмертной обороны Ленинграда. Они просто выполняли свой долг.

Если бы Григорию Занько, преподавателю истории в селе Мирлобовка, комсомольцу, предсказали тогда его будущее, он поразился бы и не поверил. Страшную тяжесть принял молодой артиллерист осенью 1941 года на свои плечи, принял и понес.

...На батарею Занько пикировал «юнкерс».

Бойцы, казалось, слились с орудиями. Они знали — победит быстрота. Кто же первым нанесет удар — воющая, неотвратимо пикирующая грозная машина или же зенитный расчет балтийцев?

«Юнкерс» не успел сбросить бомбы. Сбитый зенитным огнем, он свалился в двух километрах от батареи.

Зенитная батарея, досаждавшая немцам, подверглась обстрелу фашистских орудий. Только во время одного из артиллерийских налетов в расположении ее разорвалось

шестьдесят снарядов. Были разбиты баллистический преобразователь, дальномер. Теперь батарея могла стрелять только по наземным целям.

Фашисты решили уничтожить батарею, взять зенитчиков живыми. Они пошли в атаку. Но моряки огнем своих пушек и пулеметов сорвали ее. Вскоре все-таки батарея оказалась в окружении врага.

— Неужели будем подрывать орудия? — с тревогой спрашивали артиллеристы своего командира.

— Ни за что!

Батарея решила вырваться из окружения.

Была ночь, безостановочно шел холодный дождь. Он леденил душу. Батарея отступала по железнодорожному полотну к Ораниенбауму.

Воя, пронеслись мины, враг стрелял по путям отхода. Первое орудие прошло через железнодорожный мост, второе пробило его настил и, зацепившись колесом за доски, повисло в воздухе. Пушку вытягивали под шквальным огнем.

Неимоверными усилиями к утру батарейцы сумели прорваться к своим.

За шесть дней непрерывных боев батарея Занько уничтожила до тысячи немецких солдат и офицеров, подавила шесть минометных и две артиллерийские батареи. Это был подвиг!

Вместе с ополченцами и моряками-зенитчиками на подступах к Петергофу вел бои 79-й истребительный батальон. В нем насчитывалось около двухсот человек. Сформирован он был из коренных жителей Петергофа — школьников старших классов и совсем пожилых людей, не подлежащих призыву. Их задачей была охрана внутреннего порядка в городе. Но сейчас, когда враг вплотную подошел к их родному Петергофу, батальон был выдвинут на передовые позиции.

Из штаба 10-й дивизии «истребители» получили приказ держать оборону на участке: железнодорожное полотно — Красный проспект. Во что бы то ни стало надо было приостановить гитлеровцев, рвавшихся в Петергоф, помочь отходившим с тяжелыми боями нашим войскам.

...Ранним утром, чуть забрезжил рассвет, немецкая пехота, поддерживаемая танками, повела наступление вдоль участка железной дороги Стрельна — Новый Петергоф. Истребительный батальон своим левым флангом вступил в бой. Пускалось в ход все — пулеметы, винтовки, гранаты. Бойцы связывали вместе по три ручных гранаты, чтобы бросить их под танки врага. Яростная стрельба велась из каждого окопа. В одном из них лежали Владимир и Глеб Горкушенко — старшеклассники Петергофской средней школы, вооруженные ручным пулеметом. Владимир и Глеб увидели, что на них идут немецкие автоматчики. Все ближе, ближе... Молодые пулеметчики уже отчетливо различали лица врагов.

— Давай! — крикнул Глеб брату, лежавшему за пулеметом.

Пулеметная очередь заставила гитлеровцев залечь. Вскоре позиция, с которой стреляли братья Горкушенко, подверглась минометному обстрелу. Был убит старший брат — Володя. Теперь по фашистам стрелял раненный в голову Глеб. А когда в пулемете остался последний диск, юноша пошел навстречу врагам во весь рост.

— Комсомольцы не сдаются! Я отомщу за брата! — крикнул он.

Кровь застилала глаза. Но Глеб стрелял из пулемета, пока не упал, сраженный автоматной очередью.

В ночь на 23 сентября остатки 79-го истребительного батальона после упорного сопротивления вынуждены были отступить.

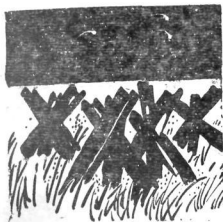
К первым числам октября обстановка в Петергофе сложилась тяжелая. Почти не стало батальона ополченцев. Фактически не было и 79-го истребительного батальона. Зенитная батарея Занько прорвалась к своим лишь с двумя орудиями. А в самих 10-й и 11-й дивизиях, куда они влились, тоже было всего по несколько сот бойцов.

Судьба Ораниенбаума и Кронштадта находилась в смертельной опасности. Бойцы понимали это. Среди них было много балтийских моряков, особенно в 10-й дивизии. Всмотреваясь в грозный затуманенный Кронштадт, в минуту редкого затишья между боями они говорили:

— Эх, братвы бы нашей сюда побольше!..

Несмотря на отступление, гибель товарищей, потерю пригородов Ленинграда, никто не думал отходить дальше занятого ими теперь рубежа.

**„Выстоим,
товарищ
командир!“**

Немало погибнет нас,
Но будем тверды, как сталь.

*(Надпись на знамени 6-го
социалистического латышско-
го полка времен гражданской
войны)*

Прощайте, Революции стрелки!
Как гильзы, золотых ромашек кипы.
Пыльцой опорошили вам виски
Мятежно расцветающие липы.

От дома и от Латвии родной
В борьбе за красный Петроград, за Волгу
Шли смелые стрелки на смертный бой,
Навеки сохраняя верность долгу.

Прорезали салюты небосвод,
И братья в восемнадцатом не знали,
Что здесь, на поле Марсовом, взойдет
В гранитной чаше алый цвет печали,

Что будет отсвет Вечного огня
И в Латвии сиять на братской тризне
В честь тех, кто счастье радостного дня
Для нас завоевал ценою жизни.

1964 г.

Вечером в один из последних сентябрьских дней сорок первого года в полуразрушенном цокольном этаже Английского дворца, где держали оборону моряки из 10-й дивизии, появился невеселый, с веселой улыбкой человек в странной одежде — не то гражданской, не то военной. Моряки лежали за пулеметами, до боли в глазах всматриваясь в противоположный берег Английского пруда, где находился враг. Они даже не заметили, как сюда вошел этот человек. Тронув одного из пулеметчиков за плечо, он сказал:

— Я Фрицис Пуце.

— Ну и что же? — равнодушно, не поднимая головы, отозвался пулеметчик. Его черный буплат и брюки были перепачканы глиной. На порывевшей бескозырке еле угадывалось слово «Марат».

— Мы латышские стрелки, — сказал Пуце.

Моряк обернулся к нему:

— А-а-а, слышал... Ребята что надо!

В войсках 19-го корпуса восхищались подвигами стрелков латышского полка. Теперь, пройдя неповторимый свой путь, латыши влились в 10-ю дивизию.

Фрицис Пуце был командиром полка. Сейчас он шел к командиру дивизии, чтобы доложить, что полк хотя и понес большие потери, но до конца будет стоять на этих новых боевых рубежах.

— Латыши, говорите? — повернув к нему лицо, спросил моряк. — Видеть не видел, а в газете про вас читал. Молодцы! — Он крепко пожал Пуце руку. — Спасибо вам, друзья, или, по-нашему, братки.

Моряк указал, как найти КП командира дивизии, и повторил:

— Спасибо! Мог бы от всей Красной Армии сказать такое, сказал бы. Ей-богу, сказал бы!..

Латышские стрелки под Петергофом... Нелегкими дорогами дошли они сюда.

Когда-то их отцы и старшие братья — красные латышские стрелки — по призыву Ленина насмерть стояли за Петроград и Москву, громили белогвардейцев в мятежном Ярославле, уничтожали интервентов на полях Украины. Прах красных стрелков покоится в Ленинграде на Марсовом поле.

В сорок первом оружие получали их сыновья, чтобы бороться против немецких фашистов.

— Мы можем погибнуть, но революция победит. За это стоит сражаться, — говорил в начале войны первый секретарь Лиепайского горкома партии, член Центрального Комитета Компартии Латвии Микелис Бука.

По призыву Бука были сформированы первые полки латышских рабочих. Пролетарские отряды латышей сражались, превращая свои дома в крепости, отстаивая каждую пядь родной земли.

В середине июля 1941 года полк, родившийся в Лиепае, был переименован в 76-й отдельный латышский полк. Он стал кадровой частью Красной Армии.

...В израненном парке Александрия вместе с ополченцами Ленинграда, с бойцами 8-й армии мужественно бились латыши. Их боевой счет рос с каждым днем. Но приходилось туго. Порой бойцы унывали — отступаем... В такую минуту в одной из землянок появился командир полка Фрицис Пуце.

Фрицис был не только смелым бойцом, но и хорошим агитатором. В Испании, в Интернациональной бригаде, он руководил культурной и политической работой среди латышей.

...Увидев Пуце, стрелки забросали его вопросами. Их мучило одно — тревога за Ленинград. Что будет дальше?.. Казавшийся еще более молодым, чем он был

ла самом деле, неторопливый в движениях, Пуце молча сзудшал, сидя у порога на венском стуле, кем-то подобранном и принесенном сюда. Потом он встал, прошелся по землянке, почти касаясь низкого потолка, усмехнулся:

— Никак отходную сыграть задумали, а? Эх, латышские стрелки...

И, немного помолчав, начал говорить медленно и убежденно:

— Ваши отцы были верны Ленину, оберегали его от врага в Москве и красном Петрограде. И сейчас, когда Ленинграду грозит опасность, мы должны быть такими же, как красные стрелки семнадцатого-восемнадцатого годов.

Командир полка остановился, взглянув на краснофлотцев, пришедших к латышам — своим соседям по окопам.

— Ваша кровь, товарищи балтийцы, и наша кровь проливается на одной земле. И называется эта земля советской. Ленинград и Рига — наши родные города. Под Ленинградом мы бьемся за свою Ригу!

Перед уходом из землянки Фрицис Пуце сказал:

— Вижу, трудно вам, друзья, а держаться надо. — И еще раз повторил: — Надо держаться!

— Выстоим, товарищ командир! — почти хором ответили бойцы.

В тот же день Фрицис Пуце выстроил свой полк. Он читал на родном языке: «Мы, командиры, политработники и бойцы 76-го латышского стрелкового полка, торжественно клянемся защищать колыбель Октябрьской революции — город Ленина и до последней капли крови, не жалея сил, обещаем бороться до окончательной победы над фашизмом и изгнания последнего изверга с нашей земли. Фашистам не покорить нашего любимого города Ленинграда...»

То, что увидели латышские стрелки сейчас в умирающем Петергофе — горящие дома, разбитые фонтаны, вздыбленные бомбами и снарядами улицы, будило в их сердцах ненависть к врагу. Надолго запомнятся им бои за Лиенаю, за многие другие города и поселки, но бои в Петергофе и его окрестностях запомнятся по-особому.

Деревня Агакули... Командующий 8-й армией генерал В. И. Щербаков приказал латышскому полку выбить из нее гитлеровцев. Латышами была предпринята ночная атака. Командир полка Фрицис Пуце шел впереди бойцов, сжимая в руке пистолет, не оглядываясь, твердо веря, что все идет за ним. Командир полка звал:

— За мной, за свободную Латвию!

Теперь они сражались на рубеже между Старым и Новым Петергофом.

В этом бою вражеская пуля пробила плечо Фрициса Пуце. Но он не покинул поле боя.

Немцы сопротивлялись отчаянно. Несколько раз дело доходило до рукопашной схватки. И все-таки деревня была занята латышами. Но Фрицису Пуце не удалось увидеть победу своего полка. Его сразил осколок вражеской мины. Это было 3 октября сорок первого года.

Полк возглавил Янис Паневиц. В землянке, за столом, наскоро сколоченным из неотесанных досок, он писал приказ, не стыдясь слез: «Добрую память о Пуце сохранят командиры и бойцы нашего полка, как об отзывчивом товарище, смелом и отважном командире и преданном бойце за великое дело Ленина...»

Утром приказ был объявлен бойцам полка. На последней строке его чтение было прервано возгласом:

— Отомстим за командира!

Казалось, весь строй выкрикнул эти слова.

Вскоре латышские бойцы закрепились у гранитной фабрики. Здесь уже находился пришедший в Петергоф другими дорогами войны отдельный латышский батальон, которым командовал тоже участник освободительной войны в Испании — коммунист Жанис Фолманис (известный латышский писатель Жан Грива).

Сын батрака, Жан с юности посвятил себя делу борьбы за свободу. В Риге вступил он в подпольную компартию Латвии, написал свои первые революционные стихи.

У батальона была примечательная особенность — он боролся с гитлеровцами под флагом, вытканым и подаренным Жанису Фолманису ткачами Валенсии в 1937 году.

Жан пронес его с собой через концлагеря оккупированной гитлеровцами Франции, привез в родную Латвию, когда она стала свободной. И вот теперь это знамя здесь, под Петергофом, осеняет его бойцов. Командир батальона, сражаясь в этих местах, не раз размышлял: «В Россию было вывезено много испанских детей. Неужели никого из них нет среди защищающих Ленинград? Вот бы встретиться... Не могу забыть Испанию тех дней...»

А через несколько дней он прочитал во фронтовой газете о молодом испанце-ополченце, сражавшемся почти рядом, под Петергофом, Гонсалесе Эулохио.

«Надо встретиться. Дети! Испанские дети...»

Но пока было не до этого. Батальон не выходил из боя. Храбро сражался он за Большой дворец, за каждую улицу, за каждый дом. Но латыши несли потери. В одном из тяжелых боев они потеряли сразу двадцать бойцов. Хорошили убитых с воинскими почестями, под трехкратный оружейный салют. С непокрытыми головами у могилы стояли товарищи. Среди них был и Гонсалес, о котором писала газета и которого так хотел повидать командир латышского батальона. Каким-то путем Гонсалес узнал, что латыши сражались и на его родине. Лео

не мог успокоиться, пока не увидит их своими глазами. И вот он стоит среди бойцов батальона латышей в трагическую минуту — на похоронах убитых. Лео смотрел на склоненное над свежевырытой братской могилой знамя — подарок испанцев и еле сдерживал слезы.

Жанис Фолманис, стоявший рядом с ним, видя, что Лео плачет, обнял его за плечи, сказал по-отцовски, ласково:

— Успокойся, сынок. Крепись!

Вперед выступил политрук роты Андрей Балодис, известный в батальоне поэт:

— Я скажу вам стихами.

Пусть ночь как лед, не задрожат солдаты.
Нас ненависть ведет, в руках вытовки сжаты.
И на огонь завеса тьмы упала.
Несется черный конь, и служба сердцу сжала.
Отходит враг, и тишина смертельна.
Над Володаркой мрак, и догорает Стрельва...

Новый обстрел вражеской артиллерии не дал ему дочитать стихи. Опустив тела друзей в братскую могилу, латыши снова залегли в свои окопы, чтобы отбивать вражеские атаки.

...В то время мало было минут затишья. Но когда они появлялись и полковая рация сквозь вой, музыку, разряды улавливала ясный и спокойный голос Москвы, латыши затаив дыхание слушали:

«На Ленинградском фронте продолжаются ожесточенные бои с наступающим противником. Весь город участвует в обороне.

Летчики Ленинградского фронта, войска, корабли и подразделения Краснознаменного Балтийского флота наносят на врагу сильные контрудары. Воины Н-ской части в течение нескольких дней удерживают в своих руках обороняемый населенный пункт».

— Это о нас! — торжественно утверждали латышские стрелки, хотя речь шла не только о них.

К концу сентября сорок первого года их полк был рассеян надвое. Устоять против сильно вооруженного врага было невозможно. Отдельными подразделениями латыши отходили на запад. Отступая почти одновременно с ополченцами, зенитчиками и «истребителями», латыши закрепились за Фабричной канавкой. Они встали здесь рядом с русскими, украинцами, белорусами, казахами, чтобы больше не сделать ни шагу назад. Отходить дальше было нельзя. Позади был Кронштадт — огневой щит Ленинграда.

На небольшом участке оранienбаумской земли уже в это время стала создаваться Приморская оперативная группа. Враг еще не знал, какой грозной силой станет она в будущем!

**Полковник
Ворожилов
получает задание**

Вы легендой покажетесь будущим людям.
Никогда мы кронштадтских ночей не забудем.
К темным брустверам вал набегает сурово.
Отблеск месяца лег на штыке часового.
Кто идет? Для врага здесь дорога закрыта.
Ленинград! Мы — твоя огневая защита.
Мы в бою друг за друга встаем, брат за брата,
Это стойкость и гнев, это верность Кронштадта.
Я узнал заряжающих гордую радость,
Как бойцы, торопясь, подносили снаряды.
Я увидел, как били врага комендоры,
Защищая тебя, Революции город.
За священное Марсово поле, за Смольный
И за каждую горстку земли твоей вольной.
Ленинградский боец — это мужества имя,
Пусть гордятся потомки отцами своими.
Вы легендой покажетесь будущим людям.
Никогда мы кронштадтских ночей не забудем!

1941 г.

В районе Стрельны и Петергофа фашистские дивизии прорвались к Финскому заливу. Теперь враг находился совсем близко от Кронштадта.

Для защитников города-крепости Петергоф был не просто одним из прекрасных пригородов Ленинграда. Позолоченная статуя Самсона, раздирающего пасть льву, славила Полтавскую победу. В довоенные годы в День Военно-Морского Флота моряки Кронштадта демонстрировали здесь свою боевую выучку.

Словно сказочные богатыри, лихо бросаясь с шлюпок с поднятыми над головами винтовками, по пояс в воде устремлялись участники показательных учебных десантов на петергофский берег.

«Ура балтийцам!», «Слава морякам!» — звучало в многотысячной толпе ленинградцев и гостей города, съехавшихся на морской праздник. Школьники, подростки с завистью и восхищением глядели на моряков, мечтая стать такими же.

Теперь петергофский Большой дворец, Константиновский и Львовский дворцы в Стрельне захвачены фашистами. Берега опутаны колючей проволокой. Замаскированные орудия бьют по кораблям и улицам Кронштадта. Кронштадтские форты ведут по ним ответный огонь.

С началом темноты и до рассвета над Петергофом мертвенно вспыхивают освещающие береговую полосу ракеты. Пронесется трассы пулеметного и автоматного огня.

В последних числах сентября, в одну из темных кронштадтских ночей, полковника Ворожилова и военкома Учебного отряда Петрухина вызвали в штаб Краснознаменного Балтийского флота.

Служба в Учебном отряде КБФ сдружила их, и сейчас, направляясь по вызову командующего, моряки беседовали о близких их сердцу делах.

Они явились немного раньше назначенного времени. Постояли во дворе штаба, закурили. За темной полосой залива угадывался настороженный Оранienбаум, зловещими красными сполохами пожаров вырисовывался Петергоф.

Командующий флотом вице-адмирал Владимир Филиппович Трибуц поднялся навстречу пришедшим. Моложавый, быстрый, он широко ступал по ковровой дорожке своего кабинета. Серые ясные глаза глядели проницательно и спокойно.

Крепко пожав руку командиру и военкому, Трибуц пригласил их сесть.

— Мы вызвали вас сюда, товарищи, по неотложному делу. После взятия немцами Петергофа обстановка на этом участке фронта очень осложнилась. Товарищ Фрумкин, прошу вас, доложите, — обратился вице-адмирал к начальнику флотской разведки.

— У Петергофа, по нашим данным, стоят первая и двести девяносто первая пехотные дивизии, полк СС, танковая бригада и артиллерийские части. Командующий группой «Север» фон Лееб поставил перед ними задачу выбить из Оранienбаума отступившие сюда части Восьмой армии и морскую пехоту.

Член Военного совета Николай Константинович Смирнов также присутствовал здесь. У его глаз лежали тени от бессонных ночей. По-вологодски окая, Смирнов сказал:

— Восьмая армия измотана в боях, фашисты жмут что есть силы. Форты Красная Горка и Серая Лошадь помогли армейцам закрепиться. Мы должны удержать Оранienбаумский плацдарм.

Адмирал, затянувшись папирисой, порывисто встал:

— Перед нами стоит важная боевая задача: Военный совет Ленинградского фронта приказал высадить тактический десант. Оранienбаумский плацдарм и полоса

обороны КБФ — это часть общей круговой обороны Ленинграда. Конечная задача десанта — рассеять петергофский «клин» и помочь Восьмой армии, находящейся в Ораниенбауме, соединиться с нашими частями под Ленинградом возле Урицка. Не скрою, дело опасное. Мы посоветовались и решили поручить руководство этой операцией вам, друзья, — сказал комфлота, обращаясь к Ворожилову и Петрухину. — Формируйте отряд, отбирайте людей по вашему усмотрению. Орлов отбирайте.

— Балтика орлами славится, — заметно обрадованный, ответил Андрей Трофимович. — Не подведем, товарищ командующий!

Петрухин благодарно взглянул на комфлота. Трибун, уловив этот взгляд, сказал Ворожилову:

— Лучшего комиссара, чем Петрухин, вам не подбирать. Я слышал, вы с ним давнишние друзья.

— Так точно!

— Очень хорошо. А теперь обсудим детали.

Разговор продолжался долго. Уточнялось все: количество людей, вооружение десанта, средства высадки...

Выйдя из штаба флота, Ворожилов и Петрухин несколько минут молчали. Велика была мера ответственности, сроднившая их. Обняв Ворожилова за плечи, Петрухин произнес:

— Ну вот, Трофимыч, а ты горевал, что нет работы настоящей. Да ее, этой работы, на всех хватит.

В эти дни в Учебном отряде, на кораблях, на кронштадтских фортах, в Военно-политическом училище шел отбор моряков в отряд полковника Ворожилова.

Зачисляли только тех, кто сам просил об этом. Желающих было много. Ворожилову, Петрухину, командирам и политработникам подразделений, откуда шел поток до-

бровольцев, предстояло отобрать лучших — самых дисциплинированных, физически сильных.

Рослые, мускулистые... Были среди них и спортсмены, имевшие разряды по боксу, гребле, плаванию.

Гудели коридоры Учебного отряда, гремели подковки ботинок по цементному полу. В кубриках пела гитара, заливалась гармошка. Моряки окликались своих знакомых.

Многих прибывших в те дни в Учебный отряд Ворожилов и Петрухин знали лично. И не мудрено. Ведь отряд был кузницей кадров флота. Теперь комендоры, электрики, минеры, обучавшиеся здесь, становились морскими пехотинцами.

Никто еще не знал, какие боевые задачи будут поставлены перед ними, но каждый уже видел себя десантником, идущим на фашистов, в бушлате, перекрещенном пулеметными лентами, с высоко вскинутой над головой гранатой, как ходили на врага матросы в гражданскую войну.

В одном из кубриков Северных казарм своей «коммуной» обосновались моряки, посланцы корабля, имя которого известно всему миру. На черных ленточках бескозырок сияло гордое «Аврора». Они прибыли в Кронштадт из Ораниенбаума.

Лучших своих людей направил на сухопутье легендарный крейсер. Они были разного возраста. Александр Андреевич Афанасьев — ленинградец, командир отделения котельных машинистов, родившийся в девятисотом, и ровесники Октября Павел Токарев, сигнальщик Сергей Рябчиков и совсем юный Иван Доронин — марсовый. Вместе с ленинградцами сюда пришли башкир Александр Гуряев, волжане Саша Копнин, Семен Еремеев, Василий Яшин, украинцы Григорий Белик, Виктор Колотько и уроженец славного города Владимира Николай Солдцев.

— Здравствуй, Веселовский! И ты тоже здесь? — окликнул политрук Василий Ефимов своего тезку, комендара с форта «Обручев».

Ефимов хорошо знал этого долговязого парня с жилистыми сильными руками, копной русых волос, надавших на чуть рябоватое, широкоскулое лицо.

Веселовский был ленинградцем, до призыва на флот работал водопроводчиком. Ефимов запомнил его еще повзрослевшим, стриженным под нулевку. Когда другие после трудного строевого учения, придя в казармы, валились на койки, этот только посмеивался.

«Что, думаешь, в пехоте легче? — подтрунивал он над соседом по койке. — Теперь мы в Балтфлоте, да еще Краснознаменном! Тут надо плясать от радости. Гляди, — указывал он на бескозырку, — сколько букв, и все золотом горят!» Большие карие его глаза улыбались.

На других льяные хрустящие робы тонорщились, а он словно влит был во флотскую форму.

Веселовский много читал, в ротной Ленинской комнате был частым гостем.

Ефимов тогда сразу выделил его. «Комсомолец, ленинградский мастерской! Будешь в роте агитатором».

— Так зачем пожаловал? — спросил Ефимов своего крестника, служившего теперь, после окончания Школы оружия, на форту.

— Насилу получил увольнение, отпраился, чтобы забрать к вам. Ребята говорят, у вас набирают народ в какую-то боевую операцию. Я тоже записался. Да не знаю, отберут ли. Замолвите слово за меня Бате.

— Попробую, — сказал политрук.

Ефимов знал, что у Веселовского были не только опощения, но и взыскания. Помнил, как во время войны с белофиннами Василий просил, чтобы его послали на фронт. Не отпустили. И тогда этот сорви-голова без раз-

решения сбежал с моряками-разведчиками на штурм линии Маннергейма.

Его вернули, дали пять суток гауптвахты.

Теперь он стоял перед Ефимовым, повторяя:

— Товарищ политрук! Честное слово, не подведу!

Уговорите полковника.

А Ворожилов тем временем принимал только что прибывших в Северные казармы добровольцев-краснофлотцев с Морского завода.

В его цехах вместе с кадровыми рабочими латали брону, ремонтировали оружие моряки, специалисты, спянные с кораблей, погибших или тяжело израненных в бою.

«Николай Мудров, — читал Ворожилов направление, — ружейный мастер».

— Так, значит, и сам неплохо стреляешь?

Перед ним стоял высокий, мускулистый парень с пристальным, цепким взглядом. «Комсомолец, был в Особой стрелковой бригаде морской пехоты, оборонял Таллин». Мудрову так хотелось рассказать этому впервые увиденному им, немолодому, с морщинками у глаз человеку обо всем, что он выстрадал, что перепес.

Тонул... Да, тонул после того, как с верхней палубы транспорта «Казахстан», где Николай стоял у пулемета, его швырнуло взрывом в воду. Рядом, захлебываясь, гибли товарищи.

До сих пор чувствует он, как намертво сжал брошенный с тральщика копец. Даже тогда, когда моряки подыали его на корабль, он не мог разжать пальцы.

«Казахстан», несмотря на то что фашистская бомба разорвалась в машинном отделении, удалось спасти.

И о том, сколько раз подавал Мудров рапорты с просьбой послать на фронт, ему хотелось рассказать Ворожилову.

Но он молчал и только глядел на командира.

— Откуда родом?

— Из Калининской области, село Красный Холм.

— Там, кажется, у вас леса?

— Да еще какие! Отец и я охотники.

— Это хорошо, — одними глазами улыбнулся Ворожиков. — Охотникам и у нас найдется работа. Да и зверь крупный...

Николай Мудров понял: его просьба удовлетворена!

А в это время комиссар Андрей Федорович Петрухин знакомился с зачисленными в разведзвод отряда добровольцами-моряками с минного заградителя.

У этого минзага была особая, необыкновенная история.

Построенный на верфи в Копенгагене, корабль предназначен для смотров, увеселительных прогулок царя и его семьи. Тогда он назывался императорской яхтой «Штандарт».

После революции корабль сменил не только название. Он был модернизирован, перевооружен и стал минным заградителем; в Отечественную войну вступил в полной боевой готовности.

Командовал минзагом капитан второго ранга Николай Иосифович Мецкерский, бывший князь, принадлежавший к числу тех молодых офицеров царского флота, которые с первых дней Октября перешли на сторону востановившего народа.

Невысокий, с лицом, обветренным от долгого пребывания на мостике, Мецкерский был истым моряком. Служить под его началом для молодых балтийцев считалось честью.

В сороковом году минный заградитель вместе с другими кораблями Краснознаменного Балтийского флота пришел в Таллин. Как только над башней древнего Выш-

города взвилось огромное красное полотнище, минзаг с большого рейда вошел в гавань столицы Эстонской Советской Социалистической Республики.

Молодой украинский рабочий, ныне краснофлотец, Павел Добрынин был среди тех, кто плечом к плечу с эстонскими трудящимися утверждал Советскую власть в Прибалтике.

Год службы на минзаге стал для него годом нелегкой школы.

Знания, полученные в Кронштадте, Павел применял на практике быстро, умело.

В июле минный заградитель стоял на малом ремонте в Лиепае. Здесь и застала Павла Добрынина война.

Теперь на корабль вместо учебных были погружены боевые мины. «Минировать воды фарватера Финского залива — оградить Ленинград от вражеских кораблей!» — таков был приказ командования.

Умение владеть оружием, быстрота, сноровка — все, чему требовательно и любовно обучали командиры, пришло на помощь.

Когда минный заградитель успешно выполнил первое боевое задание и пришел в Кронштадт, Николай Иосифович Мецкерский представил к награждению группу особо отличившихся моряков.

Десять человек с минного заградителя были направлены теперь Мецкерским для участия в десанте.

Для Добрынина, так же как и для его верных друзей — Ивана Круташева, Ивана Музыки, Николая Гаврика и других минзаговцев, отобранных в десант, Учебный отряд был знакомым, родным.

Это сюда по путевке комсомола прибыл из Харькова рано потерявший отца слесарь трамвайноремонтного царка Добрынин. Осенью 1939 года он был зачислен в Кронштадтскую школу оружия имени Сладкова.

Павел высок, широкоплеч. Густые брови над зоркими, чуть прищуренными глазами, мягкий овал подбородка, на плечах синий воротник, на бескозырке по ленточке золотом: «Учебный отряд КБФ». Из горла рвется, стремясь слиться с дружными голосами товарищей, песня — задорная, матросская:

И сказал я Нюрке черноокой:
— Нюра, пду я в моряки.

Вот и сбылась твоя мечта, Паша. Выше голову, тверже шаг, кронштадтский моряк Добрынина!

Петрухин переводил взгляд с одного лица на другое.

— Товарищи! — сказал он. — Положение вы знаете. Враг рвется к Ленинграду. Мы будем выполнять опасное задание. Готовы ли вы к нему?

По огонькам, вспыхнувшим в глубине глаз, по молчаливым кивкам комиссар понял, что получил ответ, которого ждал.

В тот же день вечером, когда Павел вышел к воротам покурить, неподалеку, у Северного вала, он заметил мальчонку. Тот подошел к краснофлотцу и негромко сказал:

— Дяденька, я вас попросить хочу. Подарите мне... брюки. Не пожалеете?

— Зачем тебе?

Мальчик не ответил. Только повторил:

— Прошу вас, подарите...

В голосе мальчика было что-то заставившее Добрынина внимательно посмотреть на него. Подросток лет двенадцати-тринадцати. Одет просто. Длинные брючки, курточка какая-то. Из-за того, что голова мальчика, ничем не покрытая, была опущена, лица не разглядеть. Добрынин не смог потом объяснить, отчего его сердце так сжалось. Он велел пареньку подождать. В казарме вытащил из вещевого мешка новые, очень хорошего

сукна брюки. Они были сшиты на сбереженные деньги. «Когда демобилизуюсь, приеду в родной Харьков в таком клеше — все рты пораскрывают!..»

— На, возьми!

Мальчик испытующе поглядел на Добрынина, принял протянутый сверток, подержал в руках и вернул.

— Ты чего?

Боясь, что моряк рассердится или, может быть, уйдет, мальчик торопливо заговорил:

— Дяденька, спасибо! Мне не брюки нужны. Я хотел проверить, какой вы есть. Я хочу вам подарить свою самоделку. Вот, возьмите, дяденька, может быть, вам сгодится. Возьмите. Пусть он будет с вами, пусть ваш будет...

И, круто повернувшись, убежал, оставив в руках Добрынина самодельный нож. Ручка ножа была с цветным фибровым набором, хорошо отшлифована.

Добрынин возвратился в казарму.

Совсем не бывал в Кронштадте до формирования десантного отряда другой его участник — Алексей Степанов. А ведь он родился невдалеке — в Старом Петергофе.

Отец Алексея, железнодорожник, отработал в этих местах тридцать пять лет. До войны служил дежурным слесарем на участке Ленинград—Ораниенбаум.

Алексей, как и все петергофские мальчишки, любил дворец, старинный парк. День открытия фонтанов был как бы и его личным праздником. Но особенно нравилось ему с прибрежных камней следить за стремительным движением военных катеров, мчавшихся по направлению к Кронштадту.

Незадолго до начала войны, закончив школу, Алексей определился на Кировский завод в Ленинграде. Он привык ездить в город раними поездами. Подружился

с товарищами, привязался к пожилому мастеру, своему наставнику и учителю.

Когда началась война, старший сказал молодому:

— Леша! Пойдем воевать.

Они вступили в Кировскую дивизию народного ополчения. Дивизия мужественно сражалась на близких — ох каких близких! — подступах к Ленинграду.

После кровопролитных боев кировцы, среди которых был и Степанов, в конце августа вернулись в Ленинград.

В райвоенкомате Алексея Степанова направили во флотскую разведку.

В прифронтовой полосе возле Ораниенбаума будущих разведчиков обучали топографии, немецкому языку. После нескольких успешно выполненных заданий в тылу врага их включили в состав кронштадтского десантного отряда.

Перед отправкой в Кронштадт разведчиков собрали в ораниенбаумском Китайском дворце. Еще недавно Алексею был здесь со школьной экскурсией.

Тускло поблескивал под матросскими ботинками дворцовый паркет, по которому прежде разрешалось ходить лишь в войлочных тапках.

Леша вспомнил — здесь однажды, во время школьной экскурсии, стояла Таня Голубева, девочка из класса, которая ему очень нравилась.

Теперь в зале не было больше картин, старинной мебели. Только птицы на шелковых тканых обоях по-прежнему взмахивали золотисто-зелеными крыльями.

Разведчиков проинформировали:

— Вам придется высадиться в тыл врага, может быть в Петергоф...

Больно кольнуло сердце. Ведь прощаясь с матерью, Алексей говорил:

— Мама! Петергоф мы не сдадим.

...Приземистый, пыхтящий низкой трубой буксир доставил разведчиков в Кронштадт.

Им выдали бушлаты с нашитыми на спину белыми полосками. Надо, чтобы те, кто пойдет вслед, знали, что впереди свои. Десантникам по списку раздавали винтовки, уже послужившие, видать, не одному поколению балтийцев. Моряки получали гранаты, ножи, патроны...

— Бери, братва, продаек на три дня: консервы, сухари, плитки шоколада, спирт во флягах, махорку.

И вот уже партийные и комсомольские билеты в перстораемых шкафах, письма и фотокарточки близких оставлены товарищам. Моряки были рады, что пойдут в бой во флотской форме. Ведь незадолго до того, когда прошел слух, что десантников переоденут в армейское обмундирование, политрукам, командирам рот, самому Ворожилову не давали прохода. На каждом шагу ловили Батю. Порою забывая субординацию, называя его просто Андреем Трофимовичем, просили:

— Ведите нас в бой только во флотском.

Ворожилов не мог сам принять такое решение. Только после согласия Военного совета флота он сказал своим бойцам:

— То, о чем вы просили, выполнено. Верю, не опозорите нашу форму, честь флота. Каждый из вас должен сдержать слово, данное Родине.

Флотская форма! Бушлат цвета черной ночи, золотые пуговицы на нем — как звезды. Beskozyрки, мигманки. Сколько дорогого связано с вами и с тобой, полосатая тельняшка! Разве изменят вам моряки в свой грозный, в свой, может быть, смертный час?!

Прощание с Кронштадтом

В бой уходят ребята,
Бушлат нараспашку,
Уголок полосатый
Выступает тельняшки.

Ой, какпе ребята!
Сила, удаль, сноровка.
Патронташ и гранаты,
Под рукою винтовка.

И с гранатой,
Вскинутой над головою,
В битву в черных бушлатах,
Слитых с черною тьмою.

Вдоль крутых буераков
Взвейся, Балтики ветер!
Краснофлотцы!

В атаку,
В наступленье,
в бессмертье!

Пусть блеснут с бескозырок
Снова грозные искры,
Наше гордое —
«Краснознаменный Балтийский»!

И ни шагу назад,
Страх балтийцам неведом.
Лозунг наш — Ленинград,
Наша клятва — победа!

Октябрь 1941 г.

Многие на флоте — разведчики, действовавшие по ту сторону линии фронта, корректировщики главного калибра фортов, летчики, летавшие в тыл врага, — приносили в штаб, как пчелы в улей, капля по капле драгоценные сведения.

Благодаря им удалось нанести на карту почти все огневые точки противника в Петергофе.

Десантный отряд был разбит на пять рот по четыре взвода в каждой: два стрелковых, один пулеметный и один минометный.

В тяжелые дни обороны Ленинграда флот выделил максимум того, что мог: пулеметы Дегтярева, «максимы», минометы. 19 снайперских и 75 автоматических винтовок получили лучшие стрелки. Командному составу и разведчикам были выданы пистолеты «ТТ». Боезапас десанта насчитывал 1908 гранат, 560 мин, 33 тысячи ружейных патронов.

Поздно вечером 4 октября командиры в своих ротах разъяснили боевую задачу: в ночь с четвертого на пятое высадиться в занятый врагом Новый Петергоф.

Вопросов почти не задавали. Задача была понятна каждому.

Моряки сознавали, какая опасность угрожает Кронштадту, флоту, Ленинграду после захвата немцами Петергофа.

В боевом приказе от 2 октября, подписанном командующим КБФ вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем, членом Военного совета дивизионным комиссаром Н. К. Смирновым и начальником штаба вице-адмиралом Ю. Ф. Раллем, говорилось:

«1. Противник оказывает упорное сопротивление в районе Петергоф наступлению частей 8-й армии и удерживает рубеж Троицкое, слободка Егерская, аэродром, Эрмитаж и дальше побережье Финского залива до Сосновая Поляна.

2. 8-я армия силами 19-го стрелкового корпуса ведет бой за овладение Петергоф, Знаменка, Луизино, нанося удар вдоль побережья Финского залива.

3. Скрытно высадить морской десант в районе Петергоф при поддержке корабельной и береговой артиллерии. Нанести удар во фланг и тыл противника, имея целью совместно с частями 8-й армии уничтожить противника, действующего в районе Петергоф.

Командиру морского десантного отряда, высадившись на участке от Каменной стены включительно до дома отдыха, прочно закрепиться с востока и юго-востока по западному берегу безымянного ручья восточнее Знаменки, с юга перехватить перекресток дорог восточнее Новый Петергоф, имея главной задачей во взаимодействии с частями 8-й армии нанести удар во фланг и тыл противнику, окружить и уничтожить его группировку в районе Новый Петергоф, аэродром».

Перед самым выходом десанта Ворожиллов зашел к себе на Октябрьскую проститься с женой и детьми. По старому флотскому обычаю он надел перед боем все чистое.

Ворожиллов обнял жену, детей Галю и Юлию, снял когда-то подаренные ему самим Фрунзе часы, положил их на комод.

— Если что, — сказал он жене, — передай их Юлию. Но ты не волнуйся: через три дня вернусь. Мы пойдем по тылам, чтобы дать жару фашистам.

Дверь за Ворожиловым закрылась. Только часы тихо тикали на комод.

Немного ранее побывал у себя дома и Петрухин.

— Сегодня уходим, — сказал он Анне Александровне.

Они стояли в темном углу бомбоубежища. На тюфяке, принесенном из дому, спали дети — большая дочка и четырехлетний сын. Петрухин не стал будить их и, чтобы отвлечь жену от мысли о предстоящей разлуке, начал рассказывать о тех, с кем идет на задание:

— Если бы ты знала, какие к нам пришли парни! Орлы, просто орлы! С такими не пропадешь!

Петрухину пора было уходить, и Анна Александровна подвинулась по крутым ступеням бомбоубежища проводить мужа.

Пока он был рядом, Анна Александровна старалась сдерживать слезы. Но вот он скрылся за углом, смолкли шаги. Прижав ко рту угол шерстяного платка, которым она была укутана, Анна Александровна повторяла про себя: «Больше я его не увижу».

Ночью десантники собрались на свой последний митинг.

Моряки в полной боевой готовности. Настроение у всех приподнятое. Придирчиво осматривали друг друга, подтрунивали над «особо отличившимися».

В первом ряду на правом фланге выделялся своим огромным ростом Борис Шитиков. Его добродушное лицо, освещенное белозубой улыбкой, как-то не соответствовало всему грозному виду моряка. Широкою грудью

перекрестили пулеметные ленты. Из-под бушлата были видны подвешенные к поясу гранаты, на боку в кожаных ножнах висела финка.

Каждому десантнику полагались четыре гранаты, по этот великан, флотский чемпион по боксу, ухитрился прихватить целых семь.

— Смотри, Борис, пояс лопнет, — подшучивали ребята. — Надо будет фрица за глотку брать, а у тебя руки заняты...

— А я еще парочку гранат в карманы сунул, — весело ответил Борис.

— Во дает! — захохотала вокруг брата.

— И я набил карманы патронами...

Штиков посмотрел на стоявшего рядом товарища. Карманы его бушлата были оттопырены. Борис лихо подмигнул своему другу Володе с «Октябрины»:

— Слышишь, Володька, покажи ему свой «карман».

У Володи, электрика с линкора «Октябрьская революция», как-то подозрительно раздулся живот.

— Патроны, друг, — сказал, улыбаясь, Володя, — можно и в тельняшку засыпать. Так-то...

Пока еще не открыли митинг, кто-то из моряков зашел:

Даль синее на просторе,
Не скучай, не плачь, жена, —
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна.

Эта песня из популярного перед войной фильма «Семеро смелых» отвечала настроению тех, кто готовился уйти в свой опасный путь. И, как всегда бывает, за одной песней следовала другая. Казалось, все песни, которыми так щедро была мирная краснофлотская жизнь, вспомнились им сейчас.

Солнечный довоенный Кронштадт, построение, походный марш, дальние плавания — всюду была с моряком подруга-песня. А сейчас из такого знакомого мотива, дорогих слов рождалось главное — тоска по утраченному, вера, что все, чем полон был счастливый день, вернется...

Среди моряков-комсомольцев, чьи песни громче всех звучали на плацу, были и курсанты Военно-политического училища. Вот коренастый, румяный, веселый, недавно закончивший училище политрук Михаил Рубинштейн. Двадцатипятилетний молодой коммунист, он был назначен в конце сентября 1941 года инструктором комсомольского отдела ПУБАЛТА и очень гордился тем, что и его зачислили в десантный отряд.

Товарищи обычно называли его Мишкой. Рос он без родителей.

Главной трудовой школой для Михаила стал московский завод «Серп и молот». Здесь закончил он фабрично-заводское училище, получил специальность электроаппаратчика. На заводе стал комсомольским вожаком. Отсюда был послан комсоргом в одну из средних школ Москвы.

Теперь же комсоргу выпала другая боевая дорога — флотская.

Михаил шел в десант заместителем политрука пятой роты. И его дружок, младший политрук Петр Киреев, был рядом с ним.

Он родился на Днепропетровщине, в бедняцкой семье. В Кронштадт попал по комсомольской путевке. Одновременно со службой на флоте он учился на вечернем отделении Ленинградского педагогического института имени Герцена.

Комсомольцы ценили и уважали Киреева. В 1938 году его избрали членом пленума Ленинградского горкома ВЛКСМ.

И песня, подхваченная моряками, об орленке, взлетевшем выше солнца, была и о них, орлятах комсомола, обо всех, с кем пойдут они сегодня в десант.

Показались командиры.

— Сми-и-ирно!

Вперед шел высокий, в длинной шинели, в адмиральской фуражке с золотыми лаврами комфлота Трибуц. Его знали все. Морякам был хорошо знаком и бывший когда-то таким же краснофлотцем, как они, член Военного совета Смирнов.

Трибуц, Смирнов, Лежава, Батя — Ворожиков, Петрухин и другие командиры взошли на пологий деревянный помост.

— Балтийцы! — взволнованно начал свою речь Ворожиков. — Пришел долгожданный час. Немало врагов довелось нам повстречать на своем веку. Всех одолели. И фашистов одолеем. А кто из нас погибнет, тех народ не забудет. Я иду с вами, многих из вас знаю лично. Мы, ваши старшие товарищи, уверены: ни один в этом бою не дрогнет.

Выступает с напутственным словом адмирал Трибуц. Нелегко ему отправлять в эту опасную операцию флотскую юность.

— Мы верим в вас, дорогие друзья-моряки! Вы не попрамите чести отцов, покажете врагу, как умеет воевать Краснознаменная Балтика!

В ответ по рядам прокатывается громовое флотское «ура!».

— Балтийцы выстоят! — крикнул политрук Ефимов.

Его слова потонули в громогласном: «Выстоим!»

Говорят десантники. Их речи тоже коротки, суровы, как клятва. Вот один, кареглазый. Из-под бескозырки — непокорная прядь волос. Это комсорг роты, смельчак, заводила.

— Заверяем — никто не дрогнет! Только вперед! На том держались и будут держаться русские матросы.

Среди провожающих — писатель-моряк Всеволод Вишневский. Он глядит на комсорга и словно узнает в нем свою юность. У певца героического флота за плечами десанты на Волге и в Крыму, высадки во вражеский тыл, в которых он, тогда молодой балтийский матрос, принимал огневое крещение. А сейчас уходят в битву сыны.

— Молодые друзья! — говорит он тихо. Голос его дрожит. Участник четырех войн, капитан второго ранга, он с трудом сдерживает волнение. — ...Четверть века назад отсюда, из флотского экипажа, уходил я на фронт в отряде Анатолия Железняка. Я помню его слова: «Драсться будем до тех пор, пока рука сможет сопротивляться. Да здравствует то, чего не сокрушит ни штык, ни пулемет, ни сама смерть. Да здравствует революция!» Командиру моему Анатолию Железнякову было тогда двадцать три года.

Он был делегатом Второго Всероссийского съезда Советов, участвовал в штурме Зимнего дворца. Имя Железняка — легенда, о его боевых делах друзья говорили с восторгом, враги — с ненавистью. Это он с небольшой группой моряков гнался на паровозе за белогвардейским бронепоездом, взял в плен вооруженную команду, под красным знаменем привел бронепоезд в Москву.

Смерть боялась этого смелого, сильного, красивого человека. С наганом, висевшим сбоку, с карабином за плечом — таким появился он в январскую ночь восемнадцатого года на трибуне Таврического дворца, где заседало контрреволюционное Учредительное собрание. Железняка произнес слова, ставшие историческими: «Нараул устал. Прошу прекратить заседание и разойтись по домам».

...Друзья! Вы покидаете сегодня Кронштадт, идете на сушу защищать дело революции. Бейтесь так, как дрался за Родину Железняков. Будьте достойными своих отцов! Удачи, счастья вам, дорогие!—Вишневский срывающимся от волнения голосом напутствует тех, кто повторит непреклонное «Мы из Кронштадта!».

— Жаль, что всех вас обнять не могу. Но вот тебя, — обращается Вишневский к стоящему рядом моряку-комсомольцу, — обниму за всех.

Митинг окончен. Перед десантниками распахиваются старинные, с коваными якорями ворота. Впереди — Ворожилов и Петрухин. Часовые отдают честь уходящим.

Отряд под командованием полковника Ворожилова шел по улицам родного города.

Было далеко за полночь. Кронштадт спал после трудного боевого дня. Только у ворот домов стояли небольшие группы дежурных противовоздушной обороны да раздавались шаги комендантских патрулей.

Вот один из них поравнялся с головной шеренгой отряда.

Так и шли они какое-то время рядом: по тротуару — патруль, по булыжной мостовой — десантники. Слово хотелось этому командиру и двум краснофлотцам влиться, войти в ряды вооруженных моряков, отправляющихся сейчас на фронт.

— Победы вам, ребята! — окликают патрульные.

— Спасибо, — отвечает кто-то из рядов.

А люди глядят вслед морякам. С надеждой и щемящей грустью.

Взрослые и подростки — помощники старших, маленькие бойцы МПВО.

И ты, мальчик, подаривший десантнику Добрышину свой самодельный нож.

И девочка, дочь моряка, протянувшая Ворожилову букетик осенних цветов.

Кронштадт провожает своих сыновей. Провожают улицы, и старинные, циклопической кладки стены петровских цейхгаузов, и затемненные окна невысоких домов...

Любовь, верность, щедрая на отцовскую ласку, морская твоя душа, Кронштадт!

Черная, вязкая, словно смола, неподвижна вода в канале. Молчалив парк. И город на какое-то мгновение кажется так тих, так спокоен, словно не бушует рядом с ним война.

Отряд вытянулся вдоль пустынной, ведущей к Ленинградской пристани улицы.

Берег рядом.

«Тихо, до чего тихо, — думает Добрынин. — Нет ветра...»

Небольшие волны подходят к пирсу, тычутся в него, за ними набегают другие. В темном небе звезды. Петрухин на ходу смотрит на светящиеся стрелки ручных часов. Двадцать семь минут второго. Все, как рассчитано. Бойцы уже подошли к пристани.

— Отряд, стой!

Ленинградская пристань! Ты провожала в семнадцатом матросов, идущих на помощь революционному Петрограду. Отсюда отправлялись в девятнадцатом кронштадтцы на борьбу с Юденичем. И потом столько раз уходили отсюда твои военморы на Волгу и на Украину, на Урал — туда, где раздавался грозный клич: «Революция в опасности!»

А сейчас ты провожаешь, старая, самых молодых своих сыновей!

Возглавлять операцию высадки десанта Военный совет Краснознаменного Балтийского флота поручил коман-

диру ОВРа¹ КБФ капитану второго ранга Ивану Георгиевичу Святову, бригадному комиссару Рудольфу Викторовичу Радуу и начальнику штаба ОВРа капитану второго ранга Валентину Алексеевичу Саломатину. Командиром высадочных средств был назначен капитан второго ранга Георгий Семенович Абашвили.

Все эти люди, командиры и личный состав кораблей, на которых шел десант, тщательно готовились к боевой операции.

За несколько часов до выхода десанта у пирса Ленинградской пристани было сосредоточено двадцать катеров типа «КМ», каждый из которых мог принять двадцать пять человек со стрелковым оружием, пять сторожевых катеров — «морских охотников», бронекатер для охранения и артиллерийской поддержки морской пехоты при высадке на берег.

Святов, один из опытейших морских командиров, за решительность характера и густые усы прозванный Чапаем, требовал высшей степени ответственности, мастерства и хладнокровия от всех и каждого, а в первую очередь от самого себя.

Десантники различают стоящие поодаль «морские охотники», прижавшиеся к пристани «каэмки», множество шлюпок, на которых им предстоит сделать переход.

Моряки снимают с плеч винтовки, приклады глухо стучат о деревянный настил.

— На посадку становись!

Радисты — с переносными радиостанциями. У нескольких моряков под теплым сукном бушлата почтовые голуби, у других — ракетницы.

Балтийцы глядят на противоположный, в тьме и мятущихся сполохах ракет, занятый врагом берег.

¹ Охрана водного района.

А. Ф. Петрухин.
Фото 1941 г.

А. Т. Ворожилов.
Фото 1941 г.

В. В. Федоров.
Фото 1940 г.

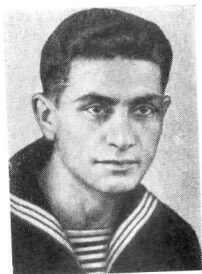
В. Н. Ефимов.
Фото 1941 г.

Б. И. Шитиков.
Фото 1941 г.

Н. В. Мудров.
Фото 1941 г.

Г. К. Васильев.
Фото 1940 г.

П. И. Добрынин.
Фото 1940 г.

В. А. Веселовский.
Фото 1941 г.

А. С. Степанов.
Фото 1941 г.

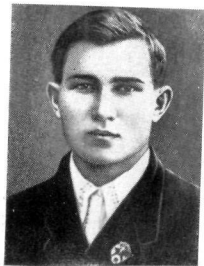
М. П. Духанов.
Фото послевоенных лет.

В. П. Мжаванадзе.
Фото 1942 г.

Ю. Г. НИКИТИН.
Фото 1941 г.

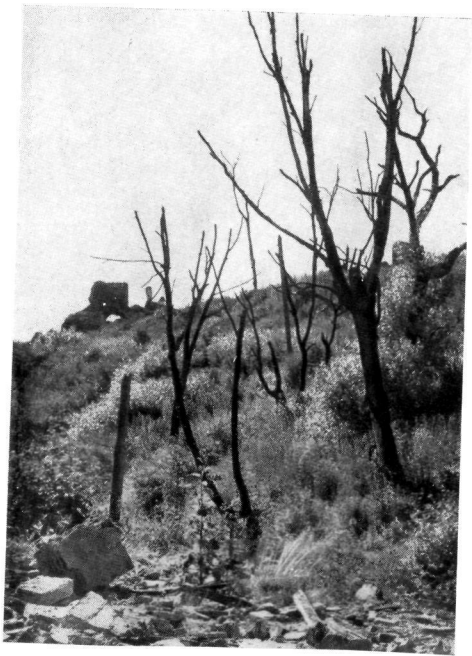
В. А. ТОКОВОЙ.
Фото 1941 г.

Фрищес Пуце.
Фото 1941 г.

Гонсалес Эулоаго Фернандес.
Фото 1940 г.

Овраг возле гранитной фабрики. Фото М. А. Величко.

А. П. Зорин.
Фото 1940 г.

Н. А. Приходько.
Фото 1941 г.

В. А. Бобников.
Фото 1941 г.

П. Е. Кирейцев.
Фото 1942 г.

Г. В. Труханов.
Фото 1941 г.

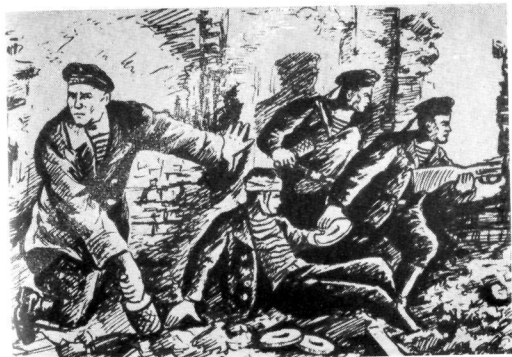
И. З. Мишкин.
Фото 1941 г.

Б. И. Михайлов.
Фото 1941 г.

П. С. Зубков.
Фото 1940 г.

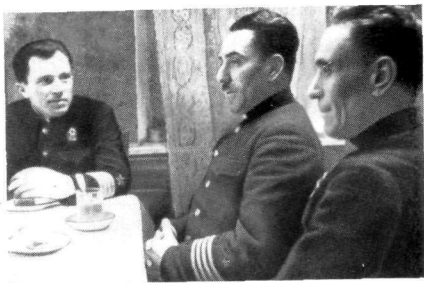

Десантники ведут бой. Рисунок участника петергофского десанта
Г. К. Васильева.

Люди! Ручка
земля!
Любимый балдапот
Умираем но не сда-
емся Катронос не
Убит Петруши
дерется вторые
сутки в командир
В. Тамаронов!
Трамкам! Прощай-
те братишки!
В. Федоров
701277

ЖИВЫЕ ПОИТИЕ
У НАС
МИШКА

Записки, найденные в освобожденном Петергофе.

А. Ф. Петрухин, В. Н. Лежава и А. Т. Ворожилов.
Фото 1940 г.

В. М. Гришанов, А. Ф. Петрухин (первый и второй слева), В. Н. Лежава (четвертый слева), А. Т. Ворожилов (крайний справа) у обелиска в честь моряков, погибших на Карельском перешейке.
Фото 1940 г.

Посадка продолжается. Она идет в полной тишине. Лишь изредка, ударившись о гравату или винтовку, звякнет фляга на ремне.

Матросы уже на шлюпках и катерах. Винтовки зажаты между ног. Гудят моторы «казмок». Они будут буксировать шестивесельные шлюпки с десантниками.

Последними на разные катера садятся командир и комиссар десанта.

В это время откуда-то из темноты, с высокого пирса, донеслось:

— Ребята, помните, вы из Кронштадта! Победы вам!

Это был голос одного из краснофлотских воспитателей — мичмана Алексея Петровича Борзова. Ох как хотелось ему отправиться в бой со своими учениками! Но командование не дало «добро».

До последней минуты Алексей Петрович ждал, надеялся. А теперь, когда наступила минута прощания, напутствовал их кронштадтским приветом.

— Победа! — донеслось к нему с уходящих катеров.

И вот уже катера и шлюпки слились с темнотой, взяв курс на Петергоф. Смолкли голоса моторов, успокоились расхопившиеся волны, опустел причал.

Катера то клевали носом, то словно взбирались на волну, натужно шумя моторами.

Андрей Трофимович Ворожилов шел на катере, которым командовал старшина Константин Рыков. Полковник был весел, шутил с бойцами. Советовал десантникам запастись патронами:

— В противогазные сумки кладите, в карманы, за пазуху. Помните, это наш хлеб.

Патронов было много. Они лежали россыпью в ящиках, на корме.

Андрей Трофимович зашел к командиру катера в рубку:

— Хорошо ведете катер, старшина! Небось Машинную школу кончали?

— Вашу, товарищ полковник.

Ворожилов, размышляя о чем-то своем, промолчал. В воображении его вставал петергофский берег, парк, где им предстояло высадиться. Зажатый между каменной стеной Александрии и Фабричной канавкой, круто всходящий к расположенному выше дворцу, этот плацдарм таил в себе угрозу.

Думал Ворожилов и о том, что они высаживаются без артиллерийской подготовки. «Пожалуй, так оно и лучше... Свалимся на немцев внезапно».

И ему вдруг отчетливо представилась ночь, когда он, молодой боец Красной Армии, шел на штурм Перекопа.

Он словно ощущал под ногами зыбкие солончаки, видел Сиваш, гнилое, гнилое место, где сбившегося с проторенного пути всадника вместе с конем затягивала мертвая соленая вода.

«И все-таки мы победили в этом штурме», — думал Ворожилов.

Под монотонный, ровный шум мотора полковник размышлял в эти минуты и об армейцах, бойцах стрелкового корпуса, с которыми морякам надо было вступить во взаимодействие.

Ворожилов знал о больших потерях 8-й армии, куда входил и этот корпус. Из последних сил бьются они на рубеже между Старым и Новым Петергофом, преграждая немцам путь на Ораниенбаум.

Ворожилову называли в штабе флота имя командира корпуса генерал-майора Михаила Павловича Духанова.

«Добрый солдат, славный боевой товарищ», — говорили в армии люди, знавшие его лично.

«Главное — пробиться нам и армейцам друг к другу, выбить фашистов из Петергофа!» Ворожилов твердо надеялся на это.

Швыряло шлюпки, соленые брызги били в лица десантников.

На заливе было холодно. Моряки тесно прижимались друг к другу. Хотелось курить, но строгий приказ Ворожилова: «На переходе ни огонька!» — свято выполнял каждый.

Десантники говорили вполголоса. Вокруг лишь тьма, пробитая осенними звездами, да огненные вспышки над Ленинградом. Снова, наверное, авиационный налет...

— Нам бы только вырваться на берег, — услышал Добрынин, — будут знать моряков!

Павел посмотрел на сидевшего рядом незнакомого краснофлотца. Он его, кажется, где-то видел раньше. Точно. Светлая полоска на бушлате — разведчик!

На последнем инструктаже, который вчера проводил лично Батя, они были вместе. Нанутственные слова командира всплыли в памяти: «Смелость, смелость и еще раз смелость — вот что требуется от вас. И помните: вы глаза и уши отряда!»

Бывает так: в минуты опасности захочется поделиться самым сокровенным с человеком, который находится рядом с тобой, пусть даже неизвестным.

Вот и сейчас к Павлу обратился сосед:

— Тебя как зовут?

— Павел.

— А меня Алексей. В Петергофе моя любовь осталась. Тоней звать. Мы с ней вместе в школе учились.

— А почему ты думаешь, что она там?

— У нее больная мать. Наверное, не успели вывезти.

— Разговори!.. — негромко окликнул командир, стоявший на корме.

Прямо на берегу — теперь, видать, уже недалеко — взвилась, разбрызгивая искры, цветная сигнальная ракета.

— Себя подбадривают.

Удивительно, как явственны в соленой ночной свежести моря посторонние запахи. Так и теперь откуда-то дохнуло горькой, стелющейся над водой гарью.

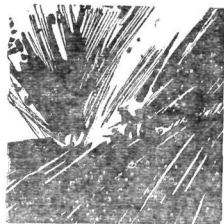
— Город жжет!..

Слово «фашист» не произносили, говорили коротко «он», но по интонации угадывалось, о каком лютом, ненавистном враге идет речь.

Голоса сами собой стихли. Катера заметно сбавили обороты моторов.

Прошло несколько томительных минут ожидания...

Прощайте, шлюпки, палубы катеров, последняя часть Кронштадта, последняя связь с ним!

**Кронштадтцы
в Петергофе**

«За Ленинград!» — пронесся зов,
И в ледяную воду, в пламя
Пошла атака моряков
На берег, занятый врагами.

Здесь каждая тропинка, дом
Встречали автоматным громом.
Бойцы промчались бережком
Знакомым, ой каким знакомым.

Уже, казалось, не поднять
Голов, но побеждает смелость,
И к тем, кто встретил день опять,
Пришла из некла боя зрелость.

1942 г.

Немцы вошли в Петергоф, таивший в себе и сейчас угрозу для них.

Фашистам, захватившим Петергоф, была страшна зловеющая близость столицы Балтийского флота — Кронштадта, его северных и южных фортов, этих цитаделей с мощной артиллерией, подземными крепостями и арсеналами, с одетым в черное гарнизоном.

«Черные комиссары» — так стали называть враги балтийских матросов. Позднее немецкая солдатня говорила о балтийцах суверенно-панически: «Черная смерть».

За безымянной речкой у Петровской гранильной фабрики, где сражались, сдерживая силы врага, бойцы 10-й стрелковой дивизии, в начале октября стали твориться непонятные для немцев вещи. Их разведчики доносили, что дивизия обескровлена, что помощи ей ждать неоткуда. И все-таки дивизия продолжала вести бой. На смену погибшим приходили живые. Они были в обычной одежде советских солдат, шли в бой с таким же оружием. Но к кличу, рвавшему воздух: «За Родину!» — присоединились страшные для немцев: «Даешь!», «Полундра!» — это флот с Ораниенбаумского «пяточка», с фортов, кораблей посылал своих бойцов на передовую.

Петергоф, со слепотой выбитых взрывами дворцовых окон, с мертвыми фонтанами, с пересекавшими парк окопными и поваленными деревьями, был дик и зловец.

Словно гигантские муравьи, ползали в парке за укрытиями немцы, натягивали на колья колючую проволоку, ставя заграждения у берега в три, а то и в четыре ряда. В Верхнем саду и Нижнем парке, как огромные пятнистые жабы, глядели из-за деревьев, прятались на бетонированных площадках замаскированные пушки, стояли раскоряками минометы. И одежда солдат тоже была палево-грязной, как пожухлая осенняя листва, лица — тускло-серыми, как накапывающаяся на прибрежные валуны,

шипящая в камышах морская вода. Низко надвинутые каски, казалось, срезали лбы.

Солдаты подносили снаряды, заряжали пушки, бившие по Кронштадту, потом прятались, зная, что возмездие неизбежно, что через минуту, словно курьерский поезд в небе, прошуршит посланный с одного из фортов гигантский снаряд. И другой, и третий... Только когда ночь осветится вспышкой взрыва или зоркий корректировщик, находящийся на берегу в непосредственной близости от врага, подаст сигнал подавления цели, комендант форта передаст батареям короткое: «Дробь!»¹

А потом опять готовность номер один, новая артиллерийская дуэль!

Немцам чертовски мешал Кронштадт — форпост ненавистного им Ленинграда, мешал Ораниенбаум — брат Кронштадта!

Им казалось, что даже в названии этого городка таится какая-то насмешка. Какой там к черту Ораниенбаум — «апельсиновое дерево», когда на нем растут такие железные гостиницы! Форты, которым по военным нормам давно бы пора капитулировать, стреляют, самолеты взлетают с аэродрома под обстрелом противника, умиряющая армия за ночь неожиданно оживает, бронепоезд, прорвавшись из глубокого тыла через оккупированную Латвию в Эстонию, а оттуда в Ленинград, начинает курсировать, действовать на ораниенбаумской «Малой земле». Вот почему так нужно фашистам любыми усилиями разгромить ораниенбаумскую группировку, подобрать ключи к Кронштадту. Пока стоит нерушимо Кронштадт, пока в боевой готовности его корабли и форты, Ленинград защищен и от нападения фашистского флота, надежно прикрыт со стороны моря.

¹ Сигнал прекращения стрельбы.

...Неуютно, не спится фашистам в захваченном ими Петергофе. Днем и ночью видят они перед собою грозный, пышущий пламенем Крошштадт.

В одном из флигелей бывших царских конюшен расположился штаб немецкой 1-й пехотной дивизии. Здесь, сравнительно далеко от берега, у края каменной, старой, идущей от самого моря стены, за которой начинался парк Александрия, гитлеровцы чувствовали себя в относительной безопасности. Штаб размещался в подвале, куда тянулись серые и красные нити телефонных проводов. Телеграфисты, шифровальщики принимали и передавали приказы, донесения.

Поздно вечером 4 октября только что вернувшийся из расположения своих войск командир 1-й пехотной дивизии генерал-майор Клефель занялся просмотром бумаг. На столе лежал небольшой белый листок с набранным готическим шрифтом названием солдатской газеты, с черным тевтонским орлом, державшим в когтях окаймленную кружком свастику.

«Солдаты фюрера! Вы слышите последние вздох окруженного Ленинграда. Скоро вы вступите в этот богатый город. Ничто не может его спасти. Еще усилие — и армии группы «Север» отпразднуют победу...»

Завтра эти газеты раздадут солдатам.

Клефель прислушался. Крошштадт не стрелял. Может быть, хоть в эту ночь удастся спокойно поспать.

При несомненном превосходстве своих сил фашистские дивизии несли на этих илистых, болотистых берегах значительные потери.

Сроки, назначенные Гитлером для захвата Ленинграда, давно уже истекли, а немцы все еще топтались в лощинах у свинцовых, угрюмых вод Финского залива, у серо-красных, напоминавших крепостные, заводских стен огромного, ненавистного им города.

Город Октября поражал их своей таинственной, почти мистической силой сопротивления.

И среди слов, внушавших гитлеровцам особенный страх, наравне со словами «комиссар», «большевик» было грозное «матрос»!

Старики, бюргеры на покое, рассказывали внукам, волчатам из «гитлерюгенд», о схватках с красными моряками во время немецкой оккупации 1918 года. Они помнили русских матросов на бронепоездах в степях Таврии, помнили моряков Черноморского флота, которые предпочли утопить свои боевые суда, нежели сдать их врагу. Представление о революционных русских матросах сочеталось для немцев с воспоминаниями о красных немецких матросах, восставших в Киле, о моряках, шедших за Тельманом на баррикады Гамбурга.

...Старинные стенные часы, доставленные расторопным адъютантом из какого-то разграбленного дома, гулко пробили четыре удара. В этот час катера с крошштадтским десантом уже подходили к петергофской пристани. На катерах первой, согласно плану, шла флотская разведка.

Катер с группой разведчиков, которую возглавлял Иван Круташев, приближался к берегу. Моряки теснились в кубрике. Стоявший на борту краснофлотец делал промеры глубины лотом. Когда вместо лота в руках проверяющего оказался шест, разведчики один за другим появились наверху.

— Давай, ребята! Моря — по колено!

— Отставить разговоры. Докладывать глубину, — строго оборвал Круташев. Через несколько минут он тихо приказал: — Приготовиться к высадке!

Высаживались быстро. Прыгали, не чувствуя обжигающего холода, по пояс, по грудь в воде.

Берег молчал. Ни выстрела, ни ракеты. Держа наготове винтовки и гранаты, моряки, ускоряя шаг, цепляясь

за скрытые под водой валуны, раздвигая камыши, падая, упорно продвигались вперед.

Павел Добрынин ступил на песок. Через несколько секунд рядом с ним появились Николай Применко и Иван Круташев.

Вдруг ослепительный луч прожектора, вырвавшийся откуда-то сверху, полоснул по берегу и медленно пошел вправо от них. Моряки прижались к земле. В это время второй катер с разведчиками ткнулся в песчаную отмель. Василий Веселовский со своей группой уже был в воде, на подходе к самой кромке берега. Он шел, крепко прижимая к себе ручной пулемет. Стучало в висках, сердце колотилось так сильно, что, казалось, окружающие слышат его стук. Глаза, привыкшие к мраку, видели лежавших за валунами товарищей. Веселовский различал белые полоски на их бушлатах. Неуклюже шагая по воде, он спешил к ним.

Где-то в городе, над Большим дворцом, взлетали и быстро гасли в небе осветительные ракеты.

Десантники кинулись к проволоке. Орудия ножницами, рвали ее, проделывая ходы для идущих вслед. Враги были застигнуты врасплох.

В первые же минуты боя моряки смяли передовое вражеское охранение, уничтожили гранатами пулеметные гнезда. А к берегу подходили, сбавляя обороты моторов, другие катера, таща на буксире шлюпки с моряками.

Внезапно Нижний парк залило светом ракет. С вышки у ширса по десантникам застрочили пулеметы. Шрапнелью ударили орудия. Это враг после короткого замешательства понял: в Нижний парк ворвались матросы.

Рота старшего лейтенанта Александра Зорина уже на берегу.

— За мной, братва! — звал Зорин товарищей.

Непрестанно били фашистские автоматы.

Павел Добрынин почувствовал боль в виске. Его задело пулей. По щеке текла кровь. Через минуту он уже не помнил о боли, шел вперед.

Пробивая дорогу десанту, разведчики роты Зорина приняли первый бой.

В пепельно-черной пелене, поставленной дымзавесками, к берегу подходил катер, на котором шел Ворожилов.

Командир десанта первым прыгнул в воду, подняв в руке пистолет. Полковник был невысок, — волна захлестнула его с головой.

— Эх, — с досадой сказал командир катера старшина Константин Рыков, — не сумел дотянуть до более мелкого места!

Вслед за Ворожиловым моряки бросились в воду, подхватили командира. Вот он уже плывет саженками, загребая левой рукой.

Сделав несколько гребков, он встал и, широко шагая, двинулся вперед бойцов.

И тут произошло непоправимое: пуля пробила грудь командира десантного отряда. Он покачнулся и рухнул плашмя в воду, успев произнести только:

— Вперед!

Моряки вынесли командира на берег, положили его на пирс.

Командование отрядом принял на себя комиссар Петрухин.

Узнав о гибели друга, он подбежал к Ворожилову и, сняв бескозырку, молча опустился на колени. Застегнул бушлат на груди товарища, провел ладонью по его поблескивающей седной голове.

А десантники продолжали высаживаться на берег. Они опрокидывали шлюпки и, толкая их вперед, вели

дружный огонь. Десятки пулевых пробоин превращали шлюпки в решето, но матросы не останавливались.

О гибели Ворожилова бойцы узнали не сразу, они думали, что идут за любимым командиром, хотя его тело уже остывало на дощатой петергофской пристани.

Перед командиром второй роты лейтенантом Николаем Приходько стояла задача: выбить немцев из Эрмитажа, а потом с помощью пехоты, которая подойдет со стороны Фабричной канавки, идти на соединение с остальными ротами десанта.

Лейтенант хорошо знал этот павильон. В мирные дни, когда праздничная толпа гуляющих устремлялась к Большому каскаду, к Аллее фонтанов, он любил уходить в ту часть парка, где не таклюдно, где близость моря располагает к раздумью.

В Эрмитаже он часто стоял у огромных, от пола до потолка, окон. Отсюда можно было любоваться и синими в ясные дни водами залива, и прямыми, как стрелы, нарядными аллеями парка.

Но сейчас Приходько не думал о красоте маленького дворца. Сейчас это был узел обороны врага, опорный пункт, который нужно во что бы то ни стало захватить.

...Проходы в проволоке были сделаны на большом расстоянии друг от друга, но это никого не останавливало. Срывая с себя бушлаты, матросы набрасывали их на проволоку и рвались к гранитным валунам, защищавшим Эрмитаж со стороны моря.

Лейтенант шел впереди роты. Мускулистый, юношески стройный, Николай Приходько обычно был застенчив, порою робок. Сейчас эта сванность исчезла. Он непрерывно стрелял из пистолета, торопливо перезаряжая его.

— Вперед! За мной! — все время повторял он.

Точно заговоренный от пули, Приходько бежал в полный рост, не пригибаясь, слыша рядом с собой тяже-

лый тонот сапог, хриплое дыхание, выкрики: «Бей гадов!»

Огонь с немецкой стороны все усиливался. Теперь фашистам приходилось удерживать не только советскую пехоту слева, но и моряков, непрерывно наступавших со стороны моря.

Фашисты... Какие они? С мальчишеским жадным любопытством Приходько хотел увидеть врага, бить его, мстить за родную землю.

Что-то красное полоснуло с балкона темного здания Эрмитажа. Николай сделал еще шаг вперед и упал мертвым.

Краснофлотец Михаил Тепляк швырнул туда, откуда была огненная струя, гранату. Кто-то за ним — другую. Тяжелое тело гитлеровца рухнуло с балкона. Фашистский пулемет смолк. Но вовсе били немецкие автоматы.

Разъяренных моряков нельзя было удержать. Десантники прыгали в разбитые окна, в проем развороченной стены, откуда зиял черный ствол орудия. Артиллеристы были перебиты.

В сумятице боя десантники сперва даже не заметили, что в Эрмитаже с ними вместе сражаются и красноармейцы. Это была группа бойцов, которой командовал лейтенант Петр Кирейцев. Они входили в сформированный за Ораниенбаумом, в Большой Ижоре, батальон, который потом вошел в 10-ю стрелковую дивизию и пошел на помощь десанту. Но только незначительная часть его во главе с Кирейцевым сумела пробиться в Нижний парк.

— За мной, товарищи, поможем морякам! — кричал командир сорванным голосом.

Они шли, преодолевая лютую проволоку, завалы из деревьев и противотанковые рвы, шли сквозь огонь и смерть.

В наступающем рассвете лейтенант разглядел разбитый оконный проем в северной стене какого-то старинного здания.

— За мной! — звал Кирейцев.

Теперь моряки и пехотинцы сражались рядом.

Бой шел в пороховой мгле, рассекаемой вспышками гранат и выстрелов.

Внезпно Тепляк услышал знакомый голос.

— Да це ж ты! — кричал одетый в армейскую форму здоровяк. Это был недавний кронштадтский моряк Петро Тацюля, ушедший на сухопутье. Он сражался в группе Кирейцева.

Матросы повеселели:

— Нашего полку прибыло!

Стреляя на ходу, бойцы продвигались вверх по деревянной лестнице.

Наконец выстрелы паверху смолкли. В груди цебия, у искореженных взрывом пулеметов, лежали тела убитых гитлеровцев.

— Кажется, всех уложили, — зло проговорил Тепляк.

Но из-за разрушенной стены вновь грохнула автоматная очередь.

Тепляк швырнул туда одну за другой две гранаты. Странной показалась ему внезапно наступившая тишина. Он вышел на чудом уцелевший балкон. В парке слышались хлопки выстрелов, подымался густой черный дым. Моряки наступали. Откуда-то из-за разодранной тучи мягким лучом брызнуло осеннее, уже высоко стоявшее в небе солнце. Полюбоваться этой картиной склонному к мечтательности Тепляку не удалось.

Через несколько минут началась новая атака. Взвизгивали пули, взбивая фонтанчики пыли. Фашисты стреляли из-за деревьев почти в упор.

В небе появились самолеты. Они летели низко над

парком. Стремительные тени черными крестами падали на высеченные солнцем аллеи. Вместе с небольшими бомбами опускались листовки. Ветер относил их в сторону моря. Одна упала в ров Эрмитажа, где отстреливались моряки. «Из Кронштадта будет море, из Ленинграда — поле», «Дамочки, не ройте ваши ямочки», — прочитали бойцы безграмотную стряпню белооардейских холуев Гитлера, заготовленную впрок для ленинградцев, рывших оборонительные сооружения вокруг своего города.

Послышались насмешливый свист, хлесткая ругань. Отбомбившись, самолеты ушли. По земле стлался едкий пороховой дым. Он тяжелыми волнами окутывал деревья, оседал на ржавых листьях.

Выпала редкая минута затишья.

— Теперь бы, ребята, поесть...

Десантники грызли сухари, наспех открывая ножами банки консервов, достапали мясо, крупные желтые бобы. И говорили обо всем на свете, только не о бое.

— Вот у меня... — сказал задумчиво Алексей Степанов.

— Опять про свою из Петергофа?

— Про нее... Как подумаю, что здесь фашисты, сердце кровью обливается.

— Знаем — любовь!..

— А она, брат, не котелок, не потеряешь, — устало протянул моряк.

Молчал только Тепляк. Он лежал на спине и рассеянно смотрел в небо, тяжело переживая все случившееся: бой, гибель командира, товарищей...

Постепенно стихли и голоса других. Моряки услышали лязг гусениц. Танки круто развернулись на балюстраде Большого дворца и тут же открыли огонь по запыавшим оборону десантникам. К небу влетели черные столбы земли, в поздри был тошнотворный запах тротила.

Осколок ударил Михаила Тепляка в надбровье. Он упал головой на автомат. Володя подполз к другу, пытался приподнять его. Глаза Тепляка были полуоткрыты, глядели осмысленно. Но сердце уже не билось.

— Прощай! Фрицы за все заплатят... — Володя вытащил автомат Тепляка, поцеловал товарища в губы.

Танки продолжали обстрел Эрмитажа. Немецкие солдаты, прячась за деревьями, высматривали в парке черные бушлаты, следили за вспышками винтовочных выстрелов. Отстреливаясь, десантники отходили на юг. И там слышалась флотская «полундра».

В Эрмитаже в обороне залегли пехотинцы.

Комиссар Петрухин лежал за бруствером наспех вырытого окопа. Он был черен от копоти, словно шахтер, вышедший из угольной лавы.

Все, чему был верен этот человек, — его комсомольская юность, партийная зрелость, жизнь государства, которое и он помогал строить, — соединилось в последнем его назначении.

Петрухин думал о людях, которых он вел в бой.

Огромные пространства, где наш народ бился с фашизмом, сосредоточились для него на этом плацдарме, на перекрытых траншеями, перекрытых завалами деревьев аллеях, где воздух, земля в пожухлых листьях были крещены струями огня и свинца.

В этом ожесточении, грохоте и лязге время словно остановилось. Но день все-таки длился, и где-то в его середине десантники уже заняли всю прибрежную линию обороны.

Группы моряков выбили немцев из дворцов Марли и Монплезира. Фашисты не принимали ближнего боя. Они отходили к Большому дворцу.

В окне, рядом с Петрухиным, командир пятой роты Вадим Федоров. Петрухин и раньше, в предвоенные ме-

сяцы их совместной службы, по достоинству оценил этого собранного, уравновешенного человека. Теперь они словно побратались.

«Если останемся живы, — думал Петрухин, — эта дружба уже навсегда!»

О чем беседовали они сейчас?

О том, что не работает рация. Она разбита. Связь с Кронштадтом не установить.

Петрухин тяжело вздохнул: «Ох, Вадим, Батю бы к нам...»

— Что будем делать? — как бы повторил он молчаливый вопрос Федорова. — То же, что делали до сих пор: драться! К ночи нам должны подбросить боезапас из Кронштадта.

— А если нет, — снова ответил он на непрозвучавший вопрос, — все равно будем пробиваться к Ораниенбауму.

Посоветовавшись, решили, что временно штаб отряда лучше расположить в Монплезире. Там сейчас размещается перевязочный пункт.

Под сильным огнем, перебегая, отстреливаясь, Петрухин и Федоров добрались туда. Близость Монплезира к морю обеспечивала связь с катерами из Кронштадта, которые ждал комиссар этой ночью.

Петрухин передал по цепи местонахождение штаба. Но и немцам, просматривавшим весь парк, оно вскоре стало известно. У Монплезира начали рваться снаряды. Били танки, стоявшие у Большого дворца. От Воронихинских колоннад по морьякам стреляло орудие. Десантники, занявшие оборону вокруг Монплезира, залегли в траншеях, откуда только что были выбиты немцы.

Уже темнело, когда в атаку на моряков пошли эс-совцы.

— Не стрелять! — подал команду Петрухин. — Подпустить поближе.

Вадим Федоров уже был среди своих бойцов. Здесь же находился заместитель политрука роты Михаил Рубинштейн.

— Приготовить гранаты! — приказал Вадим Федоров.

И когда фашисты, стреляя из автоматов, были уже близко, звонкий молодой голос политрука, перекрывая шум стрельбы, отчетливо донесся до моряков:

— За Родину! Смерть фашистам!

Забросав гранатами наступавших, моряки поднялись в контратаку.

Из дворца с винтовкой наперевес бежал Петрухин. За ним с громким «ура!», обгоняя друг друга, устремились бойцы. Рвались гранаты. Слышался треск автоматных и винтовочных выстрелов. Бой длился недолго. В ход пошли штыки...

Впервые за этот день только какая-то часть десантного отряда во главе с Андреем Федоровичем Петрухиным столкнулась в штыковом бою с ненавистным врагом.

И враг не выдержал напора. Гнев, боль, ненависть были так сильны в сердцах балтийских моряков, что ни пушки, ни танковые атаки не помогли немцам.

Наступил вечер. Помогая раненым добраться до укрытия, подбирая убитых товарищей, оставшиеся в живых моряки снова заняли оборону у дворца Монплезир.

Так закончился первый день битвы матросского десанта на отвоеванном у немцев плацдарме — в прибрежной части Нижнего петергофского парка.

Красные ракеты

Катера из Кронштадта,
Разведчики с Малой земли
К морякам и солдатам
Пройти сквозь огонь не смогли.

Только сполох над сушей,
Захваченный берег молчит.
Горло яростью душит.
Волна ударяет в гранит.

Битт кровавый и грязный,
Жестокое мужество лиц.
У расколотой рации
В землю уткнулся радист.

В беснокойном эфире
Не слышит Кронштадт голосов.
Жизнь и смерть — как две тяжкие гири
На чаше весов.

1965 г.

Эта и последующие ночи в Кронштадте были полны тревожным ожиданием.

Командиры плавсредств, возвратясь с задания, доложили руководившему высадкой десанта капитану второго ранга Ивану Георгиевичу Святкову: операция началась благополучно.

Связь командира отряда кораблей поддержки с командиром десанта должна была проводиться на волне 180.

С началом движения средств десанта была открыта радиовохта.

Между десантниками связь намечалась только визуальная. Были обусловлены и сигналы десантного отряда с берега: серия красных ракет вертикально вверх — «нахожусь здесь», две зеленые ракеты — «прекратить огонь», три белые ракеты в направлении цели — «показ цели для попадания».

Но тшкетно вслушивались в Кронштадте радисты. В наушники не пробивался писк морзянки.

Дальномерщики, корректировщики фортов усталыми от напряжения глазами вглядывались в петергофский берег. Во вспышках взрывов, во множестве цветных ракет, выпускаемых на берегу, невозможно было уловить световые сигналы десанта.

Огонь пулеметов, автоматных и винтовочных выстрелов свидетельствовал: моряки ведут упорный бой.

В комнате старого кронштадтского дома Прасковья Тимофеевна Ворожилова с детьми Галей и Юлием ждали мужа и отца, вслушиваясь в тиканье часов. Они, как и их владелец, честно, безостановочно трудились всю жизнь, не зная ни минуты отдыха.

Ворожилов глядел с портрета на стене — подтянутый, строгий, с орденом Красного Знамени на флотском кителе. Жена и дети не знали, что он убит фашистской пулей, а бойцы, оставшись без своего командира, ведут в Нижнем

парке смертный, беспощадный бой. И командует теперь ими не Батя, а его верный друг Андрей Петрухин.

Обо всем этом семье Ворожилова и Петрухина узнали только много лет спустя.

По приказу командующего флотом 5 октября, в 10 часов 30 минут и в 17.00, катера пытались доставить в Петергоф сражающимся десантникам боезапас. Но сильный артиллерийский и минометный огонь противника помешал им подойти к берегу.

В этой операции был потоплен «морской охотник»-412.

Враг понимал, что и в дальнейшем Кронштадт будет предпринимать попытки помочь своему десантному отряду. Беспокоила его и непрекращающаяся активность войск со стороны Ораниенбаума.

Там, где еще недавно возле извилистых оврагов, у безымянного ручья, захлебывались одна за другой ожесточенные атаки гитлеровцев, сейчас яростно рвалась в район Нового Петергофа советская пехота.

Атакующие части 10-й стрелковой дивизии и противодействующие им немцы несли в этих боях большие потери.

Нашим войскам помогала артиллерийская группировка 19-го стрелкового корпуса. Ее батареи малых и средних калибров находились непосредственно в боевых порядках. Недаром в ходе этих боев фашисты, засевшие в Петергофе, стали называть овраги, тянувшиеся у безымянного ручья, оврагами смерти.

Большую помощь сражавшимся оказывала артиллерия Кронштадта и Ижорского укрепленного сектора.

Над головами моряков проносились 12-дюймовые снаряды, каждый из которых весил полтонны. Таких снарядов было выпущено свыше трехсот.

Всего за дни, когда десант насмерть бился с врагом в Петергофе, на опорные пункты немцев было

обрушено 2976 снарядов от 100- до 305-миллиметрового калибра.

Не допустить прорыва наших войск со стороны Ораниенбаума, не дать им соединиться с моряками-десантниками было основной целью немцев.

Гитлеровское командование прилагало особенные усилия, чтобы уничтожить весь десантный отряд моряков. Командующий 38-м армейским корпусом Стрельнинско-Петергофской группировки генерал фон Ханпиус запросил у ставки группы армий «Север» помощи.

Немцы вынуждены были перебросить в Петергоф войска, предназначенные для штурма Ленинграда.

От Стрельны и Урицка к исходу дня 5 октября на позиции прибыли эсэсовский батальон 154-го полка с полковым штабом, разведотдел 269-й дивизии, саперы, части противотанкового дивизиона, полк пехоты.

Моряки, разгромившие береговую охрану и тыловые части 1-й и 291-й пехотных дивизий, израсходовав большую часть своего боезапаса, потеряв многих своих товарищей, столкнулись теперь со свежими силами врага.

В Нижний парк со стороны гранитной фабрики на выручку десанту прорвались не только бойцы, которыми командовал лейтенант Крейнев.

Виктор Александрович Бобяков, слесарь-инструментальщик Ленинградского Адмиралтейского завода, пошел, как и его товарищи, в народное ополчение.

В сентябре сорок первого года он сражался у деревни Луизино и у Розового павильона, командуя пулеметным взводом.

Ленинградец, с детства влюбленный в прекрасные пригороды, он не успел удивиться или ужаснуться тому, как быстро эти места со старыми причудливыми

названиями — село Поззия, Заячий Ремиз — превратились в опустошенную зону военных действий.

Еще совсем недавно, вчера или позавчера, к ополченцам приезжали их близкие, привозили немудреные пожитки, рассказывали семейные новости.

Иногда, с разрешения командиров, жены оставались ночевать в комнатах опустевших санаториев, домов отдыха. Жители, обслуживающий персонал были отсюда выселены...

Женщины возвращались в Ленинград со свеженаканнанным картофелем, кочанами капусты, которые все равно некому было убирать.

Однажды, когда к Виктору приехала его Ксана, он велел ей не задерживаться. В тот день раскаты артиллерийской грозы тревожно отдавались в голубом небе.

— Знаешь, Ксюша, скорей уезжай, — сказал Бобиков жене.

Старший сержант, отслуживший срочную, он каким-то внутренним чувством ощущал роковую красоту, неблагоприятие этого безоблачного, теплого осеннего дня.

Назавтра возле дачной платформы, где они с женой прощались, где говорили о доме, о сынишке, разорвался первый фашистский снаряд.

Виктор Бобиков участвовал во всех боях батальона, видел, как падали сраженными его товарищи, поднимался с оставшимися в живых для новой атаки.

Он различал немцев совсем близко, следил, как шли они, что-то крича, в расстегнутых шинелях, строча во все стороны из автоматов. Это и была хваленая их «психическая». Впрочем, их ли? Виктору довелось видеть в любимом фильме «Чапаев», как шли в «психическую» бело-гвардейцы, кашпелевцы, под грохот барабана.

И Виктор, словно чапаевский пулеметчик, держа руку на станковом, ждал мгновения, чтобы раскаленной

очередью срезать эту наглую, ворвавшуюся на родную землю погань.

Испытывал ли Бобиков в момент атаки страх? Нет. Страх приходил позднее, когда атака была отбита, когда в окопе в коротком тревожном сне он заново переживал свершившееся.

В конце сентября небольшая группа оставшихся в живых ополченцев-корабелов влилась в ряды 10-й и 11-й дивизий 8-й армии.

— И ты здесь! — обрадовался Бобиков, увидав долгового парня в очках, студента-первокурсника Кораблестроительного института Льва Видудцкого. Оба они попали во вторую роту первого батальона 204-го полка 10-й дивизии. Бобиков был назначен командиром роты.

Они лежали в окопе под непрерывающимся автоматным и пулеметным огнем. Перед ними высилась занятая немцами старинная гранитная фабрика. Между окопом и фабрикой чернела канава с перекинутым через нее деревянным мостиком.

Наши бойцы знали — позиция ненадежна. С минуты на минуту могут появиться фашистские танки.

Рядом в блиндаже пряталась группа петергофских жителей — женщины, дети, старики. Поздней ночью 27 сентября воины 10-й дивизии вывели их из-под огня к дороге, ведущей на Ораниенбаум.

В это же время был получен приказ захватить здание фабрики.

Светало, когда по сигналу ракеты бойцы выбежали из укрытия. Они врывались в здание через разбитые окна, выломанные двери.

Фашисты открыли жестокий огонь. Но опоздали. Передовая группа, в которой находились Бобиков и Видудцкий, уже вела бой в первом этаже.

Здание фабрики простреливалось. Нельзя было подняться выше уровня подоконников.

Бобикову запомнился светловолосый парень, лежавший рядом. На ломаном русском языке стрелок-латыш спросил:

— Скажи, товарищ, это правда, что здесь, — он обвел глазами разоренный зал, — шлифовались рубиновые кремлевские звезды?

Бобиков твердо не знал, но ему захотелось ответить утвердительно.

И эта была или легенда согревала души, заставляла еще теснее сплотиться у простреленных стен, у черного, а может быть бурого от крови и огня, видневшегося из окон оврага.

Еду из подвала Английского дворца удавалось получить лишь раз в сутки. Часто такая вылазка кончалась трагически. И когда старшина посылал людей за пищей, товарищи прощались с ними, понимая, что, может быть, видятся они в последний раз.

— И все-таки, — вспоминал позже Видудцкий, — наше сопротивление не слабело. Мы даже расширили занимаемый плацдарм. Помню захват домов, расположенных справа на пригорке. Я любил книги. Даже в батальоне, наряду с обязанностью бойца, исполнял должность библиотекаря. В вещевом мешке, не знаю зачем, я носил сотни формуляров. Не было больше книг и тех, кто их читал. А здесь книги валялись, сброшенные с полок, в грязи, в известке. Толстой, Пушкин, Маяковский... Больно было на них смотреть.

Когда вторая рота захватила расположенный на холме дом заводоуправления и несколько жилых домов, она оказалась в непосредственной близости от немецких позиций. Иногда советских бойцов и немцев разделяло расстояние в тридцать — сорок метров.

За три дня до высадки десанта Видущий был тяжело ранен.

В ночь на 5 октября вторая рота, которой командовал Бобиков, находилась в окопах у Фабричной канавки, в непосредственной близости от моря. Командир батальона передал Бобикову приказ: в 2.00 начать атаку с целью захвата Нового Петергофа.

В батальоне в ту ночь было около двухсот пятидесяти человек — двадцать восемь корабелов, кадровые бойцы 10-й дивизии, железнодорожники, моряки с Ораниенбаумского плацдарма.

Вместе со второй готовились к атаке первая и третья роты. Приказано было наступать и бойцам 320-го полка 11-й дивизии, оборонявшимся в Старом Петергофе.

Вторым батальоном этого полка командовал старший лейтенант Михайлов, еще недавно заместитель командира батальона судостроителей по строевой части.

Уроженец Петергофа, в 1932 году закончивший в Ленинграде Пограничную школу имени К. Е. Ворошилова, Михайлов был опытным воином. В декабре 1939 года он командовал под Выборгом ротой. Сейчас старший лейтенант шел со своими бойцами на занятый фашистами Новый Петергоф.

Подразделения 219-го и 320-го стрелковых полков 11-й дивизии, 204-го полка 10-й дивизии завязали бой у первых вражеских траншей. Артиллерийская подготовка была явно недостаточной, не хватало снарядов. Где-то громыхнули разрывы бомб, сброшенных нашими «ночными».

Саперы под огнем проделали проходы в проволочном заграждении, бойцы рванулись в атаку.

Лишь отдельным подразделениям на левом фланге удалось преодолеть мощный пулеметный и минометный вражеский огонь и завязать бой в Нижнем парке. Воины услышали со стороны центральной части парка сильную перестрелку, взрывы гранат.

Там сражались бойцы морского десанта. Каких-то триста метров отделяли их от пехотинцев, но каждый метр грозил смертью.

«Полундра!» — доносилось издалека.

«Мы здесь!» — хотелось крикнуть Виктору Бобикову. Голоса тонули в грохоте.

Немцы не принимали ближнего боя. Они стреляли — казалось, отовсюду — и отходили.

Перед наступавшими открылся новый оборонительный рубеж, расположенный по другую сторону ручья, немцам так и не удалось его достроить.

Бобиков с бойцами стал пробираться вверх по парку. Их была горсточка.

Во время прорыва группа потеряла многих убитыми и ранеными. И все же бойцам удалось в том бою вместе с другими подразделениями отбить у немцев небольшой плацдарм глубиной в пятьсот метров, выйти в Новом Петергофе к красным зданиям бывших казарм.

Но продвинуться дальше пехотинцы не смогли.

Это тогда, рассказывает в своей книге «В сердце и памяти» Михаил Павлович Духанов, генерал-лейтенант Шевалдин, командовавший в то время 8-й армией, приказал: «Ни шагу назад! Все командиры, до командиров дивизий включительно, в боевые порядки!»

Командовавший 19-м корпусом Духанов понимал исключительность и в то же время опасность такого приказа. Он не мог его оспаривать и решил сам следовать ему, но командующий остановил комкора.

Он знал, как и Духанов, что дивизии несут большие потери, что боевые порядки надо было бы отвести на наш рубеж обороны.

«Это было бы разумно для пехоты, — сказал командующий, — но осложнит крайне тяжелое положение десанта...»

Чувством трагизма и высокого гражданского и боевого долга проникнуто свидетельство М. П. Духанова о решении комиссара корпуса В. П. Мжаванадзе:

«Я сообщил ему приказ командарма. Мжаванадзе быстро надел плащ-палатку, взял свой автомат и сказал:

— Пойду с бойцами десятой дивизии».

Попытка Духанова остановить комиссара встретила решительный отпор. Он ушел с солдатами в бой.

...Атаки подразделений 10-й и 11-й дивизий продолжались и в последующие дни.

Взвивались и гасли красные ракеты. Пополнявшиеся за день роты таяли, как снег под дождем, пытались снова и снова пробиться на помощь десанникам в Нижний парк.

Где они, смельчаки, сбрасывавшие утром 5 октября бушлаты, дравшиеся в тельняшках?! Лишь глухой треск автоматов и винтовочные выстрелы свидетельствовали — они продолжают сражаться. Но теперь бойцы дивизии не могли увидеть моряков даже в отдалении.

Бои за овладение Новым Петергофом были мучительно и безрезультатны.

Бойцы 19-го стрелкового корпуса неоднократно поднимались в атаку. На переднем крае немцев, в окопах, завязывались жестокие схватки. Но силы были неравными... Бойцы 10-й и 11-й дивизий вернулись на исходные рубежи.

К концу дня гитлеровцы снова заняли береговую полосу в районе дворцов Марли и Эрмитаж. Вышка у пирса,

где десанниками был уничтожен снайперский пункт, вновь оказалась в руках врагов. По аллеям, идущим от Большого дворца, под покровом темноты к берегу сползли пять небольших танков. Их огонь и огонь пулеметов с вышки видел лейтенант Кирейцев, отходивший с горсткой уцелевших бойцов в сторону гранитной фабрики.

Все его попытки связаться с командованием своей дивизии были безуспешны. Один за другим гибли люди, посланные за подкреплением, боеприпасами.

Теперь он шел сам, чтобы рассказать о положении, в котором находится отряд моряков, чтобы сделать еще одну попытку привести свежие силы ему в помощь.

Этот день стоил жизни многим бойцам, командирам и политработникам десантного отряда.

Командиры Труханов, Федоров, Зорин, политруки Мишкин, Ефимов, Рубинштейн доложили Петрухину о потерях в своих ротах. Они были велики. Много раненых...

— Надо думать о живых, — сказал Петрухин. — Может быть, в эту ночь подойдут катера с боеприпасами.

— А если нет? — спросил Ефимов.

Петрухин несколько минут помолчал. Затем послышался его глуховатый голос:

— Все равно будем пробиваться. Другого выхода нет. Никто не произносил слова «окружение». Но командиры отчетливо сознавали действительное положение. И все-таки ни один из них не терял выдержки, внутренней собранности.

Два имени — Ленинград и Кронштадт — жили в их сознании, светили маяками в этой мрачной, непроглядной ночи.

Слова были о еде (ее почти не было), о боеприпасах (и они уже на исходе), об оружии (многие бойцы стреляли из трофейных автоматов). Но за всем этим

скрывалось главное, отчаянное и, возможно, несбыточное, — что катера из Кронштадта пробьются, обязательно придут к ним на помощь, что армия перешагнет смертельный рубеж, что завтра их будет больше. С этой надеждой командиры уходили к своим бойцам.

Сильный ветер подул с моря, разорвал тучи. Луна светила холодно и печально над аллеями парка — полем жизни и смерти героев.

Вторые сутки

Ночь на 6 октября не принесла морякам облегчения. Не было ни минуты передышки. Перестрелка слышалась отовсюду. Особенно сильным был огонь в западной стороне парка.

Сражавшиеся в районе Монплезира Петрухин и бойцы рот Зорина, Труханова и Федорова пытались узнать обстановку.

Разведчики предпринимали отчаянно смелые попытки прорваться к Фабричной канавке. Ведь оттуда, со стороны Ораниенбаума, десантники ждали бойцов 8-й армии.

Вылазки разведчиков стоили больших жертв. Погиб Владимирцов, не вернулся Музыка...

Измотанные, голодные десантники помогали тяжело раненым, перетаскивали их поближе к Монплезиру, где, казалось, огонь был слабее.

Где-то у Самсоновского канала снова и снова вспыхивали огни автоматных очередей. И в Александрии бились моряки. Матросская «полуидра» и «ура» свидетельствовали: там шли в атаку десантники.

Было еще совсем темно, когда за Монплезиром раздались взрывы. В течение нескольких минут один за другим легли четыре вражеских снаряда.

Круташев и Павел Добрынин лежали в траншее у задней Воронихинской колоннады.

— Готовят атаку... — сквозь зубы произнес Иван Круташев. — Не выйти Петрухину. Как ребята подниматься будут?..

Павел не видел лица своего командира, не слышал голоса, в котором звучали тревога и боль. И когда Иван Круташев положил свою руку на плечо Добрынина, тот почувствовал, как в нем поднимается ярость, желание мстить.

Он понял жест командира.

— Я пойду. Заткну глотку этой пушке!

Добрынин пополз, держа наготове гранаты. В зубах — нож, подарок мальчика из Кронштадта. Путь его лежал к Большому дворцу, откуда било оружие. Несколько метров прополз благополучно, цепляясь за выбоины, кучи битого камня. За деревом сверкнула вспышка. Павел упал. Через секунду он увидел, как метнулось за соседнее дерево что-то большое, длинное.

«Немец», — успел подумать Павел и кинулся вслед за ним.

...Тяжелая немецкая пушка замолчала. Гранаты, которые Павел бросил, сделали свое дело. Застыли на земле тела артиллеристов.

Горели, гулко взрываясь, ящики с боеприпасами. Павла контузило.

С трудом полз он обратно, все в нем дрожало. Обессиленный, он все искал и искал свою финку, которую потерял по дороге.

— Финка... Мальчонка ведь подарил в Кронштадте... Где она? — твердил он.

— Успокойся, Павел. Найдешь другую. — Круташев громко кричал, ибо Павел не слышал, что говорил ему командир. — Молодец! Заткнул-таки глотку немецкой!..

Теперь фашисты били по Монплезиру минами. Рассвело. Наступало утро второго дня боя.

Петрухин понимал, что оставаться больше в Монплезире нельзя.

— Папаша! — окликнул он уже немолодого, призванного из запаса бойца.

Это был Николай Васильевич Баранов. Он и впрямь годился в отцы морякам рождения двадцатого — двадцать первого годов. Воевал в империалистическую, в гражданскую. Видно, потребовались России и старшие ее сыны. Баранов стреляет не торопясь, бьет врага без промаха.

— Здесь я, — негромко отозвался Николай Васильевич.

— Накроет нас немец, надо переходить в другое место. Думаю насчет во-он той горки. Ее Шахматной зовут. Успеть бы раненых туда перенести... Ты как скажешь?

Баранов неторопливо произнес:

— Возьму с собой Леонида Бондаренко и еще двух ребят. Здесь недалеко. Проверю, нет ли там чего... Леонида пришло с ответом. Пусть ребята прикроют и — с богом... Переберетесь в Шахматную, будешь оттуда командовать...

Петрухин уходил из Монплезира последним. Здесь оставались только те, кто умер в эту ночь от ран.

Сирый туман полз по траве. «Шахматная гора», сложенная из глыб дымно-сизого туфа, казалась порождением этого тумана. Мокрая трава холодила лицо переползавшего на свой новый КП Петрухина.

В мирное время, когда вода спадала по сливным цитам, струи ее скрывали грот в основании фонтана. Сейчас вход в пещеру обнажился. Зелено-бурые камни вели туда.

Первый луч солнца осветил металлических драконов и орла на вершине «Шахматной горы».

Кто-то весело окликнул Андрея Федоровича. Это был неунывающий политрук Миша Рубинштейн. И Вадим Федоров здесь.

Петрухин внезапно заметил, что голос Рубинштейна звучит неестественно громко. Догадался: немцы перестали стрелять. Странная тишина. Не к добру это. И вдруг откуда-то сверху послышался женский грудной голос. Он вел под гитару мотив старой песни:

Очи черные,
Очи страстные,
Очи ягучие и прекрасные,
Как люблю я вас,
Как боюсь я вас,
Знать, увидел вас
И в недобрый час.

Мишка толкнул в бок лежавшего рядом товарища:

— Концерт для нас устроили, самодеятельность!..

Так же неожиданно, как началось, пение прекратилось. Щелкнуло что-то, заскрежетало, и резкий голос раздельно и громко произнес:

— Матросы, вы окружены. Помощи вы не дождетесь. Сдавайтесь в плен, а не то всем вам смерть.

Один из моряков дал по рупору длинную автоматную очередь.

— Бесполезно, — сказал политрук Ефимов, — этому гаду надо свернуть шею по-другому. — И, обратясь к Петрухину, спросил: — Разрешите?

Петрухин одобрил:

— Действуйте.

В это время до слуха Ефимова донесся знакомый хрипловатый голос:

— Приумолкли вояки! Сейчас бы перекурить, и снова можно за работу браться!..

«Неужели Веселовский?» — подумал Ефимов.

— Вася, ты? Жив? — окликнул он моряка.

— Живой я, Василий Николаевич! — ответил Веселовский. — Зачем же умирать! До нас еще черед не дошел!..

— Ладно, друг. Пойдешь со мной. Слышишь, какую агитацию фашист ведет? Смерть, плен... Сам, гад, подохнешь!..

Ефимов, сухоощавый десантник Веселовский и еще несколько моряков поползли вверх по склону. Агитмашинка гитлеровской роты пропаганды стояла совсем близко. Бойцы разглядели ее, как только достигли вершины «Шахматной горы».

Для фашистов появление моряков было неожиданно. Они полагали, что те сосредоточились в Монпле-зире. Пытались преградить матросам путь к машине, она пустила в ход огнеметы. Языки огня падали далеко, поджигая траву, кустарник.

Веселовскому удалось первым подбежать к агитмашине. Десантники добивали огнеметчиков. Оглушив немца прикладом автомата, Веселовский рванул на себя дверцу крытого кузова. У радиоустановки возился плюгавый, немолодой гитлеровец с рыжими усиками. Увидев матроса, он поблбднел. Лицо его исказила гримаса страха. Отступая в глубь машины, он поднял руки, забормотал:

— Не стреляйте! Я русский, русский!..

Ефимов и остальные десантники уже были рядом с Веселовским.

— Какой же ты русский?! Фашисты тебя с потрохами купили.

— Откуда только такое... беретсЯ!

— Я Львов, племянник князя Львова.

— Ну вот что, племянник, — приказал Ефимов, — включай свой аппарат и передавай, что я прикажу. Но переводы точно или получишь пулю в лоб.

Ефимов продиктовал текст передачи: «Солдаты фюрера! Ваш рупор в руках балтийских матросов. Не мы, а вы должны сложить оружие. Не мы, а вы ворвались на нашу землю! Смерть фашистским оккупантам!»

Снаружи раздались выстрелы. Это моряки «успокоили» шофера, пытавшегося увести машину.

Пленный передал текст. Точно, как ему приказали. И сразу же рядом с машиной стали рваться мины.

Успевшие выскочить и отбежать десантники видели, как прямым попаданием агитмашина была уничтожена. Вместе с ней закончил свою карьеру и незадачливый родственник князя Львова.

Утро второго дня высадки десанта началось жестоким, кровопролитным боем.

С запада продолжал наступать 98-й полк 10-й стрелковой дивизии, нанося удар левым флангом вдоль побережья. Но соединиться с десантным отрядом моряков в этом районе армейцам никак не удавалось. Немецкие танки и артиллерия плотно держали оборону прибрежной полосы. В районе Эрмитажа, Монплезира десантников уже не было. Они отходили от берега по Нижнему парку, вдоль Самсоновского канала вверх, а от Большого дворца на них шли эсэсовцы.

Шестого октября бойцы, которыми командовал Виктор Бобиков, вновь попытались прорваться в Нижний парк.

Пехотинцы бились, не зная, что десантники уже сброшены от берега.

Виктор Бобиков бежал впереди бойцов.

Ленинградский умелый мастер, строитель кораблей, он дружил с моряками. Теперь он видел распростерты на земле тела балтийцев, сраженных в бою.

Но есть ведь и живые! Надо пробиться к ним, обязательно пробиться.

О том, какие потери несли бойцы 10-й дивизии во второй день высадки десанта, можно судить хотя бы по такой цифре: в роте Бобикова после атаки 6 октября из ста двадцати восьми человек остались невредимыми только четырнадцать.

К вечеру роту пополнили новыми бойцами.

Они даже не знали друг друга по имени. Они помнили только одно обжигающее душу слово: «Вперед!»

И снова почерневшая от крови Фабричная канавка, бросок сквозь пламя, опять бой!

В этом бою Виктор Бобиков был тяжело ранен двумя простыми пулями и одной разрывной. Товарищи на руках вынесли его из окружения. Теперь в роте не осталось ни одного из ополченцев-корабелов. Виктор был последним.

...А моряки продолжали сражаться. «Стоять на смерть!» — передавали связанные приказ комиссара Петрухина.

Приказ отвечал мыслям всех десантников. Лучшее смерть, чем фашистский плен. Матросы наскоро рыли стрелковые ячейки. Поваленные деревья, чаши фонтанов, овраг стали местом укрытия.

Заняв круговую оборону, десантники сражались с превосходящими силами нового немецкого подкрепления.

— Рус матрос, сдавайся! — кричали эсэсовцы, прочесывая автоматами аллеи.

В ответ летели гранаты.

Потеряв многих убитыми, гитлеровцы отступили. Но передышки не было. Немцы снова пошли в атаку.

— Рус, сдавайся! Ваш комиссар в плену!

Петрухин не выдержал. Он встал в полный рост и, взмахнув над головой автоматом, крикнул во всю силу легких:

— Балтийцы! Я с вами! Вперед!

С двух сторон на большой скорости шли фашистские танки. За танками моряки видели орудия и стреляющих солдат в касках.

Лейтенант Зорин подал команду:

— Всем в окопы!

Моряки выполнили приказ.

Один танк, ведя огонь, приближался. Десантник Илья Громов с тревогой следил за ним. Нервы у моряка не выдержали. Не дожидаясь команды, он швырнул под гусеницы связку гранат. Танк рванулся вперед, но тут же накренился набок и застыл. Длинной лентой растянулась гусеница.

Из окна поднимался Зорин, весь в глине. На закопченном лице выделялись белки глаз.

— Живой, товарищ командир? — обрадованно кричал Громов. — А я думал...

Не успел он закончить, как из подбитого танка выплеснулась струя пулеметного огня. Громов схватился за грудь и упал замертво.

Зорин, изловчившись, вскочил на танк, крикнул:

— Ко мне!

Несколько человек, держа наготове гранаты, бросились к командиру.

— У кого остались патроны?

— Есть!

Это был голос Алеши Лебедева, прославленного снайпера Электроминной школы.

Алексей выстрелил прямо в смотровую щель, но оттуда снова ударили из пулемета. Тогда Зорин в чуть приоткрытый люк танка бросил гранату. В танке все замерло.

Спрыгнув на землю, Зорин сказал:

— Один отвоевался. А другие где?

— Других бьют там, где комиссар.

Короткими перебежками моряки вслед за Зориным бросились к «Шахматной горе», где Петрухин с десантниками отбивались от эсэсовцев.

И снова, не выдержав натиска балтийцев, немцы отступили.

Было около полудня. Осеннее солнце светило неярко. Обессиленные, измученные тяжелым, изнурительным боем моряки лежали за укрытиями.

Хотелось есть. Еще при высадке плитки шоколада, выданные морякам, размокли. Консервов многие не брали. Взамен они набили свои вещмешки патронами и гранатами. Каждый патрон, каждая граната были теперь на счету.

Рискуя жизнью, краснофлотцы под огнем выполняли из-за своих укрытий, обшаривая одежду убитых — своих и врагов — в поисках драгоценных боеприпасов.

Еще до того, как Петрухин через связных приказал вооружаться трофейным оружием, десантники сами подобрали немало немецких автоматов. Два пулемета, захваченные в бою, расстреливали своих недавних хозяев. Но где взять патроны?

Среди занявших круговую оборону у Римских фонтанов два закадычных друга — Борис Шитиков и Володя с «Октябрины» — перебирали свои вещмешки.

— У тебя, Борис, что осталось? — спросил Володя.

— Четыре гранаты. Патронов немного, — нехотя откликнулся Шитиков.

— А поесть чего-нибудь?

Борис сунул руку в карман бушлата, пошарил в нем, не надеясь найти что-либо.

Вдруг лицо его озарилось простодушной, детской улыбкой.

— Есть. Целый сухарь есть!

Он ножом расколол сухарь на маленькие, словно ку-
гочки сахара, части. Раздал товарищам. Кто-то вскрыл
банку консервов.

— Водички поить бы, — мечтательно протянул Во-
лодя.

Никто не отозвался. В эту минуту раздался тихий,
такой неожиданный, странный здесь звук гитары.

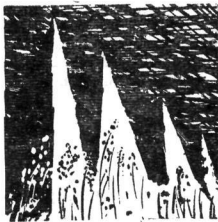
Неужели она цела? Борис даже рот приоткрыл от
удивления.

Да, в этом кровавом аду, во тьме кромешной не поте-
рял Володя гитару. Сейчас он только дотронулся до ее
струн, и она ответила ему долгим, протяжным звоном.

Борис любил своего друга Володю. С первой минуты
высадки они были вместе. Дважды шли в атаку, и сейчас,
в обороне, они рядом. Но тут лицо Бориса нахмурилось.

— Брось, Володька, не до песен сейчас. Смотри, что
вокруг делается...

У Английского дворца

В парке Ораниенбаума, недалеко от единственного
пригородного дворца-музея, куда не ворвались враги, вы-
строился батальон. Его основу составляли курсанты Во-
енно-морского хозяйственного училища ВМФ.

В батальон моряков, включенный в 8-ю армию, вхо-
дили также бойцы Объединенной школы младших авиа-
специалистов и отдельной караульной роты Ораниенба-
умского военного порта.

Батальон уже побывал в ожесточенных боях.

В последних числах сентября на подступах к Ораниен-
бауму ему удалось отбить у фашистов деревни Туюзю
и Гантулово. Перед моряками стояла задача перере-
зать шоссе между Петергофом и Гостилицами, для того чтобы помешать переброске войск против-
ника.

Три дня и три ночи длились здесь тяжелые бои... Мо-
ряки овладели рощей, расположенной между развилкой
дорог и деревней Туюзю, и передали оборону частям 48-й
стрелковой дивизии. Рубеж, на котором батальон остано-

вил в те сентябрьские дни врага, оставался неприступным вплоть до снятия блокады.

Много курсантов, бойцов погибло в этом сражении. Один за другим выходили из строя командиры батальона. Теперь, третий по счету, им командовал капитан Низовцев, комиссаром был старший политрук Суздалов.

Батальону предстояло вместе с другими частями провать оборону противника в районе Нового Петергофа, пробиться к Финскому заливу.

...Замер строй. Краснофлотцы, курсанты, стрелки-радисты с морских бомбардировщиков. Эти летающие лодки хорошо сражались в первые месяцы войны, нанося удары по врагу.

В одном из боев осенью 1941 года стрелок-радиист Александр Моргаев лишился своей машины.

Долгие дни проходили в казармах, тянулись мучительные, без сна, ночи, а дела для моряков-пилотов, настоящего дела, казалось, так и не будет. И вот теперь Моргаев вместе с другими своими товарищами из экипажей самолетов, сбитых фашистами, дождался наконец отправки на передовую.

Батальон моряков, одетых в армейские шинели, кирзовые сапоги, пилотки, готов к походу. Но шинели натянуты на бушлаты, бескозырки спрятаны в противогазы. Ведь и эти ребята тоже не хотели расставаться со своей флотской формой.

Человек с комиссарскими нашивками на шинели обратился к морякам:

— Вы знаете, товарищи, что вчера из Кронштадта в Петергоф высажен десант. Ваши братья бьются насмерть, одни.

Пулеметчик Моргаев думал: «Но чем мы можем помочь? Нас двести человек...»

Комиссар продолжал:

— На границе между Новым и Старым Петергофом ведут бой солдаты Восьмой армии. Дорога каждая минута! Вам придется идти форсированным маршем из Ораниенбаума в Петергоф и с ходу вступать в бой. Подумайте. Тот, кто не находит в себе душевной смелости или сил, оставайтесь на месте. Остальные, готовые помочь десанту, шаг вперед!

Комиссар посмотрел на строй, он остался таким же нерушимым. Просто расстояние между моряками и их комиссаром сократилось ровно на один шаг.

Рядом с Моргаевым стоял его неразлучный друг — второй номер пулеметного расчета Петр Пименов. Еще недавно они говорили: «Скорее бы в бой! А если пошлют, то куда?» Теперь все определилось.

Впереди каждой роты — командиры. Большинство их было Моргаеву хорошо знакомо. На рукавах золотые нашивки с голубыми просветами.

Авиация... Рыцари воздуха, теперь они присягнули на верность матушке-пехоте — дариде полей.

Шли быстро, но размеренно, сберегая силы. Избегали открытых дорог, остерегаясь фашистской авиации.

А дорога в лесу шуршала листьями, отблески солнца золотыми ромбиками лежали на серой, морщинистой коре деревьев.

Но чем ближе подходили к линии фронта, тем резче менялся пейзаж. Стлались думы, зияли воронки от разорвавшихся снарядов, вековые деревья были обезглавлены. И слышался гул, рев, словно где-то невдалеке колотили огромными цепями великаны.

Моргаев невольно втянул голову в плечи. Потом виновато усмехнулся, сказал себе в сердцах: «Трусись». Решительно выпрямился.

Внезпно за каким-то заколоченным домом, в овраге, бойцы увидели огромный валун. Он был обтесан: нос,

глаза, пасупленные брови, ни дать ни взять — голова великана из пушкинской сказки... Может, и меч-кладенец лежит под ней!

Идти оставалось уже недолго. Строй подтянулся. Моргаев увидел артиллеристов, пушку. Она была по немцам прямой наводкой.

Моряки глотнули махорочного дыма. Приготовили к бою пулеметы, зарядили винтовки. У гранальной фабрики сражались солдаты 10-й стрелковой дивизии. Стреляли с интервалом, берегли патроны. Видно, и у них маловато сил.

Добровольцы скинули армейские шинели, из противогазов вытащили бескозырки. Пусть знает враг: это латвийцы пришли на выручку братьям своим — морякам.

Недалеке чернел своими угрюмыми стенами Английский дворец. Там держал оборону курсантский батальон морской пехоты, также переброшенный сюда с Ораниенбаумского плацдарма. Оттуда провода полевых телефонов вели в Ораниенбаум.

Матросы-связисты передали: «В 18.00 отдельный добровольческий отряд моряков вступил в бой».

В ста пятидесяти метрах, за речкой, — фашисты. В котловане у Английского дворца, где залегли моряки, рвутся мины.

Вперед, курсанты Беляев, Цыганок, Богович, Иохин, старшина Зима!

Разрывом гранаты убит командир батальона, его заменил начальник штаба старший лейтенант Востриков. Крепко сбитый, подвижной, он для курсантов пример мужества. Позднее Востриков станет прославленным командиром бригады морской пехоты Черноморского флота. А сейчас он вновь поднимает своих товарищей в атаку.

Стреляют фашистские снайперы. Впереди открытая болотистая поляна. С трех сторон немцы.

«За Ленинград! За Кронштадт!» — разносится над полем сражения.

Слышишь нас, Петрухин?! Слышите нас, братки с «Марата», с «Октябрины»?!

Каждый метр этого пути моряки брали с бою. А когда добежали до проволочного многослойного заграждения, убедились: не пройти. И все-таки, сбрасывая с себя бушлаты, кидали их на проволоку, в тельняшках карабкались наверх, чтобы проникнуть в парк. Даже смертельно раненные полны были неукротимого порыва сделать хотя бы еще один шаг вперед.

Атака не удалась. Моряки вынуждены были залечь. А те немногие, что прорвались в фашистские траншеи, душили, били врагов ножами и штыками. Из парка до них доносились винтовочные выстрелы, треск пулеметов. И каждый думал: «Там борется мой товарищ, бьется, может быть, даже с одним патроном в винтовке».

— Полуидра! Поможем кронштадтцам!

Добровольцы поднялись для второй атаки. Моргаев припал к пулемету. Он видел ненавистных врагов, бил по ним.

Упал Петр Пименов. Моргаев кинулся к нему. Друг был мертв.

Теперь враги преграждали путь морякам к красноармейцам не только автоматным и пулеметным огнем, но и шрапнелью.

Моргаев не заметил, как его ранило. Просто тельняшка стала горячей, влажной. Подумал: «Устал до пота». Дотронулся — кровь!

Раненый моряк успел дать еще две длинные очереди, потом его оглушило. Он потерял сознание.

После второй атаки батальона моряков-добровольцев была и третья, такая же кровавая и безрезультатная. В ней Моргаев уже не мог участвовать.

Когда он очнулся, над полем боя по-прежнему гремела перестрелка. Моргаев попытался приподняться. У самого лица взрезали землю пули. «Добивают...» — подумал он.

Александр потерял много крови. В голове мутилось. Ползком добрался он до рва. Как много убитых товарищей!.. Во рву полно бескозырок. Их словно ветром намело сюда. Упавшие с белокурых, черных, русых волос, лежат они в глине, в земле. Никогда уже не наденут бескозырки те, кто носил их так гордо.

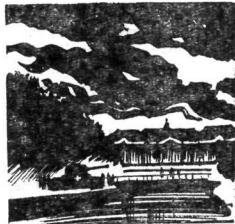
К Александру приближалась санитарка.

— Люба!

Он узнал ее — любимую девушку Пименова. Как сказать ей о гибели Петра? Взглянув, он прочитал в ее глазах: «Знаю... знаю, что нет его больше...»

В том бою Люба спасла жизнь многим десяткам раненых. Всю ночь выносила она их из-под огня.

Когда санитарка перевязывала Александру перебитую руку, он, забыв о боли, не мог отвести глаз от человека, который в ораншенбаумском парке звал их в бой. Командир был без фуражки, волосы его поседел.

У Большого дворца и в Александрии

В то время когда Петрухин со своими бойцами сражался у «Шахматной горы», когда моряки-добровольцы истекали кровью, не сумев преодолеть рубеж у Фабричной канавки, часть кронштадтского десанта продвигалась вдоль Самсоновского канала к Большому петергофскому дворцу.

Моряков вел посланный в эту операцию Петрухиным командир одной из рот старший лейтенант Григорий Васильевич Труханов. Тот самый Труханов, о котором многими годами позднее чудом спасшийся десантник скажет в Кронштадте: «Если бы не Петрухин, не Труханов, не политруки, лежать бы нам, не выбравшись на берег».

Этого сорокалетнего командира с огромным жизненным опытом в Учебном отряде знали и ценили все.

До революции он был пастухом, батрачил у кулаков. Семнадцатилетним вступил в ряды Красной Армии, сражался с Деникиным. И в чоновском отряде был этот вояка, и в отряде войск ВЧК по борьбе с бандитизмом.

Валялся в тифу и вновь — в чем только душа жила, — держась за луку седла, вскакивал на коня.

Потом выучился на артиллериста и уже с 1922 года стал артстаршиной башенной батареей. Пять лет прослужил Григорий Васильевич помощником командира взвода третьей батареи на форту «Ф».

Был он кряжист, широкоплеч. Небольшие, глубоко сидящие, умные глаза. Лицо словно вырублено из камня... Чинов особых и орденов Труханых, как звали его друзья, не имел, высканки тоже. За двадцать три года пребывания в кадрах РККА и ВМФ дослужился только до звания старшего лейтенанта. Он гордо носил свое главное, ответственное звание — большевика, коммуниста с 1926 года.

А сейчас Григорий Васильевич вместе с бойцами, закопченный пороховым дымом, измазанный своей и чужой кровью, полз вверх, к Большому петергофскому дворцу.

«Пляньте в лицо тому, кто вам говорил, что нас уничтожили при высадке» — так скажет двадцать два года спустя бывший краснофлотец, снайпер Алексей Платонович Лебедев. Они были во дворце: и он, и Труханов, и Володя с линкора «Октябрьская революция», и Борис Шитиков, и политрук взвода курсант политучилища Виктор Горюнов, и старший политрук Иван Зотович Мишкин.

Женатые и холостые, юноши, лишь мечтавшие о своей первой любви, и отцы семейств, люди, любившие мир, цветение весенних садов, дальние заплывы в море, рыбалку, — они не умели и не хотели убивать. Этому научили их фашисты.

Подполковник роты Иван Мишкин, метко стрелявший в мирные годы по мишеням, здесь научился поражать живую движущуюся мишень даже в темноте. А когда на подходе к дворцу на него в штыковом бою навалился

дюжий гитлеровец, выбив у политрука из рук оружие, Мишкин скатился вместе с немцем в ложбину и задушил его.

Словно в странном, фантастическом сне, вздымался среди сражающихся матросов гигант из бронзы, раздирающий пасть хищному зверю. Справа, слева от «Самсона» били автоматные очереди.

Моряки уже наверху, они забрасывают гранатами танк, стреляющий по парку. Горюнов видит, как выползает из-за угла другой танк с открытым люком. Танк не успевает захлопнуть крышку люка, — пемца прошивает очередь, танк подбит гранатами.

Мишкин рвет на себя дверь подвального помещения — она поддается.

И вот уже моряки в боковом флигеле дворца.

На пороге труп эсэсовца с железным крестом на мундире. Навстречу морякам поднимаются изможденные, в красноармейской форме, люди. Их руки стянута проволокой.

Матросы освобождают пленных. «А оружие добывайте сами!»

Курсант политучилища Виктор Горюнов и мараговец Константин Бабилов по обгорелой, готовой рухнуть лестнице сбегает в зал.

В проеме окна, свесившись головой вниз, лежит убитый немец. И, чтобы подать знак своим, еще сражающимся на подступах к дворцу, Горюнов срывает с себя тельняшку, машет ею из окна.

Лишь минуту, словно крылатая птица, парит тельняшка над парком. Бабилов видит, как гитлеровец внизу, возле баюстрады, целится в Горюнова. Выстрелом мараговец спасает жизнь товарищу.

В зал вбегает задымленный, торжествующий Труханов.

— Возвращайся к «Шахматной горе», — приказывает он Бабикову. — Доложи комиссару: будем пробиваться в город, к Ораниенбауму...

И хотя Бабикову страстно хочется остаться здесь, он снова уходит туда, в огненный кратер парка, откуда они с таким нечеловеческим напряжением вышли сейчас к дворцу.

Известие, доставленное Бабиковым, принесло какое-то облегчение Петрухину, и все-таки оно не снимало главной заботы — как вырваться десанту из окружения.

— Положение тяжелое, — грустно сказал Петрухин. Он посмотрел на Зорина. Тот сидел на корточках, устало положив голову на руки. Рядом — Вадим Федоров. За эти неполные двое суток Петрухин близко узнал и полюбил Вадима.

Молодой командир умел вовремя поддержать бойца, умел найти нужные слова в этом аду, в огне. За долгие годы политработы Андрей Федорович научился понимать людей глубоко, находил ключи к самым замкнутым. Вадим был дорог сейчас Петрухину именно тем, что комиссар разглядел в нем как бы частицу самого себя.

Петрухин слышал звуки сильных разрывов со стороны залива. За Марлинским прудом огонь был таким яростным, что ни в сторону пруда, ни оттуда ни один связной пробиться не смог.

Там, чтобы соединиться с десантниками, жизнью своей платили моряки отдельного добровольческого отряда, курсантского батальона, пехотинцы 19-го стрелкового корпуса, сотни бойцов с Ораниенбаумского «пяточка».

Мысли Петрухина бежали стремительно. Он тут же облекал их в сжатые фразы, обращенные к сидящим рядом Зорину и Вадиму Федорову:

— Позади залив, впереди враг. Ночью фашисты не подпустили катера. Отогнали артогнем...

— Значит, катера все же подходили? — обрадованно перебил его Зорин.

— Да. Но один из них погиб.

Зорин взял бинокль, который протянул ему комиссар, взглянул на отчетливо выделяющуюся мачту затонувшего катера.

— Выход один, — сказал Петрухин, — продержаться до ночи, а там собрать всех, заново попытаться очистить берег от гитлеровцев. Думаю, катера повторят свой подвиг. Будем держаться. Отступать нам некуда.

— Держаться так держаться... — невесело отозвался Зорин.

— Как в Александрии, товарищ комиссар, есть связь? — спросил политрук Ефимов.

Что мог ответить Петрухин Ефимову? Уже несколько часов ждал он, что удастся хоть одному человеку прийти со стороны Александрии. Там высадилась рота десантного отряда.

Сперва связные сообщали оттуда о ходе боя. Последний из них сегодня ночью добрался до развалин одного из фронтов, где залегли бойцы Петрухина. Трудно было понять предсмертный крик израненного, истекающего кровью бойца:

— За стеной... танки... патронов нет...

Вот и все, что передали по цепи комиссару.

Петрухину казалось, что там, за стеной, отделяющей Нижний парк от Александрии, немцы вводят все новые и новые силы. Оттуда слышались разрывы снарядов, треск пулеметов.

— Положение в Александрии необходимо уточнить, — сказал комиссар.

— Разведка! — окликнул Вадим Федоров краснофлотца с полоской на бушлате. — Давай кого-нибудь в парк, что за стеной. Надо выяснить обстановку.

Круташев, старшина разведгруппы, подполз к Федорову. Лицо его было жестким. Стараясь, чтобы его услышали, он кричал:

— Кого-нибудь? А где они, эти «кто-нибудь»?! Не знаю, может, в парке где, может, в воде — рыбу кормят... Сам пойду...

Круташев исчез за деревьями. Вадиму Федорову было тяжело. Он подумал: «Даже имени этого парня не знаю. Может быть, больше не увижу его. Не успел доброго слова сказать вслед...»

Александрия, так же как и Нижний парк, с самого начала боя стала местом ожесточенных схваток десантников с гитлеровцами. Здесь группа моряков вела бой не только с передовым охранением немцев, но и с подкреплением, брошенным на помощь войскам в Петергофе.

В парке Александрия были размещены гитлеровские зенитные батареи. Чтобы подавить их и воспрепятствовать подходу подкреплений, балтийская авиация налетала сюда несколько раз. Фонтаны черной земли, густой дым, окутывавший кроны деревьев, мешали нашим летчикам разглядеть, где сражается десантный отряд.

Балтийские истребители, летчики 71-го авиаполка КБФ не раз вылетали на поиски моряков десанта.

Временный аэродром размещался тогда рядом с морским кладбищем.

Командующий флотом Трибуц, пригнувшись, вошел на КП командира полка Коронца.

— Ну и пристанище ты себе избрал!

Место для КП было и впрямь странным: каменный склеп семьи какого-то отставного адмирала, с рельефом Нептуна и атрибутами флота — изображениями штурвалов и якорей.

— Зато прочно, Владимир Филиппович, — откликнулся Коронец. — Предки строили на совесть!

Военная обстановка, быстро меняющаяся, напряженная, мало соответствовала этой обители вечного покоя.

Самолетов в полку было немного. Это отсюда по нескончаемой боевой тревоге поднимались на защиту родного Кронштадта Коронец, его заместитель Михайлов, летчики Абрамов, Губанов, Королев, Мачабели, Боровских, Киренчук, будущий Герой Советского Союза Батурин.

Три девятки «чаек» против многих десятков фашистских «юнкерсов» и «мессершмиттов». Трудно тогда приходилось балтийским летчикам. И все же они с успехом вели ожесточенные воздушные бои.

Постоянно смещающиеся море и небо, огонь зениток, карусель своих и вражеских самолетов, отчаянная воздушная дуэль...

— Кого пошлем в разведку на Петергоф? — спросил командующий авиацией Краснознаменного Балтийского флота Самохин.

— Предлагаю себя, — сказал Михайлов. — Я хорошо знаю Петергоф, служил там с тридцать четвертого.

Командующий дал «добро».

И тогда Михайлов в паре со своим ведомым ушел в разведку. Пренебрегая опасностью, «ястребки» летели над парком на бреющем, так низко, что чуть не задевали башенку готической Капеллы. Самолеты шли на предельной скорости. Немцы открыли по ним беспорядочную стрельбу.

Если бы черная стена дыма над Александрией рассеялась, Михайлов, может быть, заметил бы, как несколько моряков отделились от деревьев и бросились к расположенному на холме рыжему кирпичному дому.

Это была группа десантников во главе с Николаем Мудровым. Они выбивали гитлеровцев из укрытия, когда над ними стремительно пронесся самолет.

Александрия вылазала. Весь район, как установили летчики, был основательно укреплен фашистами.

Вот промелькнули маленькие фигурки немецких солдат возле батарей. «Чайка» пронеслась так низко, что фашисты не могли поразить ее. Дальше летчик заметил немецкие танки.

Где же моряки?! Как дать им знать о надвигающейся опасности?

Внизу показались хорошо знакомые майору Михайлову дома примыкавшего к Петергофу поселка.

И тут на берегу летчик заметил несколько прижавшихся к земле моряков.

Они были неподвижны. Борис Иванович и сегодня не знает, живых он видел или убитых. Однако помнит твердо: на бушлатах виднелись белые полоски. Летчик знал — такие пришивались на одежду разведчиков десанта.

Огонь с земли усилился. Самолет снова прошел над Александрией, но там уже никого не удалось заметить.

Вернувшись на аэродром, летчики доложили об увиденном.

Такова была одна из воздушных разведок...

Недавно мы получили из Симферополя письмо от одного из славных летчиков-балтийцев Николая Губанова, последним вылетавшего на поиск десанта. Губанов полетел туда же, где был до него Михайлов.

«Лечу на высоте 10—15 метров, с креном, иначе ничего не увидишь. Самолет мой избит. Бреду, не лечу. Возвращаюсь, докладываю: моряков нет.

— Есть! Слетай еще.

Полетел с Абрамовым, прикрывавшим меня. В Александрии увидел тела убитых. Вернулся, доложил.

— А сколько их там?

— Не знаю...

Пошел в третий раз. Подсчитал: их было девяносто восемь. Больше мы туда не летали».

А Мудров с товарищами в это время продвигался вдоль парка вверх. Его глаза запечатлевали все — и широкую луговую поляну, где не укрыться, и ручей, из которого они с жадностью напились.

На подходе к желтому строению на холме (это было одно из дворцовых зданий — Коттедж) стояла огромная, не тронутая огнем липа. Если бы Мудров взобрался на ее вершину, он бы, возможно, обнаружил и то, что так отчетливо видел из кабины своего самолета летчик. Бронемашины и немецкая пехота, брошенные на подкрепление петергофскому гарнизону, уже пересекли шоссе, продвигались в глубь парка.

Короткое затишье. И моряки, притаившиеся в воронке у векового дерева, решили перекусить.

Один из пятерых достал нож, стал открывать консервную банку. Мудров — он находился всех ближе к дереву — глядел на старый ствол с продольной сизой лункой от какого-то обломанного сука. Поверхность лунки была светлая, и Мудрову захотелось оставить на ней какую-то запись, знак... Для чего — и сам не знал. Просто захотелось. Штыком нацарапал он дату... Свист мины, взрыв оглушил их. Моряк, вскрывавший консервную банку, повалился. Осколком ему пробило висок, другой осколок впился Николаю в ногу. Раненный в голову еще жил, глаза его были мутными, он невнятно что-то бормотал.

Звалили друга на плечи, его товарищ пополз из воронки вверх к Коттеджу.

— Там наши... Может, чем помогут, — коротко бросил он.

Мудров сам извлек из ноги осколок, сделал себе перевязку. Он и его два товарища, о которых только и было известно, что одного зовут Николаем, как Мудрова, а

другого Сашей, метнулись от липы в сторону, в кустарник.

В Александрийском парке немного домов, все они добротной, старинной кладки. И каждый в тот день превратился в маленькую крепость. Для Николая Мудрова и других невысокий домик тоже стал такой крепостью.

Чердачное окно... Каждая пуля на счету, бить — так только наверняка.

Потом домик пришлось покинуть. И опять перебежки за деревьями, стрельба.

Моряки, куда бы они ни пошли, всюду натыкались на немцев. С пустой, без единого патрона, винтовкой и пистолетом, подаренным товарищем — балтийским разведчиком — еще в Кронштадте, Мудров пробивался из окружения.

Тезка Мудрова, Николай, тоже был ранен в ногу. Их едва не накрыло разорвавшимся поблизости снарядом. Мудров упал, его ударило головой о землю, перед глазами поплыли красные и лиловые круги. Мгновенно очнувшись, сказал товарищам:

— К нашим, в Нижний парк, уже не пройти. Давайте в обход попытаемся, как было приказано, пробиться к частям Восьмой армии.

На том и порешили. В наступившей темноте, страшной, изредка рассекаемой багровым пламенем, балтийцы стали на ощупь, вслепую выходить из зоны огня. Дороги не выбирали, вернее, выбирали бездорожье.

За плечами, как огромный догорающий костер, за руинами и обглоданными свинцом и сталью стволами деревьев, оставались Александрия и Петергоф.

**„Живые,
пойте о нас!“**

То, о чем мы пишем, давно отгорело. Разрушенные строения и фонтаны заменены новыми. Воронки от бомб и снарядов занесло землей, из их глубины поднялись крепкие молодые деревья.

Но ежегодно петергофский парк вдруг обнажает свои раны.

Это бывает осенью, когда облетает листва и дожди заполняют рытвины. И тогда в памяти встают картины того, что вытерпела эта земля в лихолетье. И деревья. Сколько бы ни прилагали труда заботливые садовники, как бы ни врачевали стволы, им не вернуть срезанных крон, а кора и теперь сохраняет осколочные вмятины и раны.

Волна набегаёт на песок, ветви печально шумят, парк рассказывает повесть о погибших.

Как бы нам хотелось, чтобы не было того, о чем придется написать, чтобы и Федоров, и Петрухин, и политрук Мишка остались живы, сами смогли бы рассказать сегодня обо всем, что происходило здесь.

Но это невозможно. И все же мы слышим их голоса. По скупым свидетельствам сверяем мы свой рассказ. И не только по этим свидетельствам... Деревья, камни, земля, годами сберегавшие тайну, тоже приходят нам на помощь.

Когда оставшиеся в живых десантники отходили от Большого дворца, когда вражеские танки, пушки, минометы раскаленной подковой охватили парк, комиссар Петрухин поднял своих уцелевших бойцов для смертного боя. Андрей Федорович горевал только об одном — что он не вездесущ, не может быть во всех уголках парка, в каждом окопе, чтобы заменить убитых своих помощников — командиров, политруков, перезарядить ленту смолкшего пулемета. И пулеметных лент у комиссара тоже не было, не было патронов и гранат, чтобы вооружить ими бойцов.

Кровь колотилась в висках, словно отсчитывая время. Лишь теперь, в десанте, узнал комиссар Петрухин его истинную, дорогую цену.

Петрухину нужна была жизнь, ибо он был головой отряда, его сердцем, его цементирующей силой. Людей десанта, каждого из которых он любил требовательно, верно, щедро, оставалось уже так мало... И когда со стороны Монилезира, от деревьев, за которыми в предвечерних сумерках только угадывались море, Кронштадт, когда оттуда, от берега, гитлеровцы со всех сторон поползли к ним, к «Шахматной горе», — комиссар понял: хотят взять живьем.

Враги шли наглые, безнаказанные... И комиссар приподнялся с земли.

Это есть наш последний и решительный бой...

Он пел гимн, который пели наши отцы. То были слова, с которыми балтийские матросы шли на Зимний. И теперь краснофлотцы вместе со своим комиссаром подхва-

тили эти слова. Моряки выкрикивали их как лозунг, как заклятие, они бросали эти слова во врага вместо пули. А пули — считанные, моряки слали их только наверняка.

И они бежали теперь вперед, молодые балтийцы и их молодой комиссар. Еще шаг, еще... Чтобы каждый мог найти своего врага и уничтожить его!

...Пуля, которая пробила грудь комиссара, была отлита далеко отсюда. Холодная и отточенная, она вошла в живое человеческое тело огненной каплей. Бойцы подхватили комиссара.

Они залегли среди деревьев и камней.

Что прохрипел комиссар? Может быть, бессмертные слова той песни: «С Интернационалом...» Может быть, приказание, слова прощания...

Он был мертв. А по цепи уже несло: «Беру команду на себя, Федоров!»

Вадим Федоров, в распахнутом бушлате, с непокрытой головой, отбивался от гитлеровцев. Рядом был комсомольский вожак политрук Мишка.

Все, кто слышал слова нового командира: «Моряки, к бою!» — поднялись.

Разрывы гранат смешивались с лязгом штыков, предсмертными стонами раненых... Но снова и снова слышали бойца голос Федорова:

— Бей фашистов! Вперед, за Родину!

Наступала ночь. Фашистские атаки продолжались. Кто-то вырывался вперед, в темноте теряя товарищей, бился в одиночку...

Почти у самого Эрмитажа фашистам удалось окружить Алексея Кравцова. В винтовке у него не было ни одного патрона.

— Рус, сдавайся!

Богатырского роста краснофлотец Кравцов отступал, теснимый со всех сторон врагами.

— Рус, сдавайся! Рус, капут! — орали они.

— Это вам, гады, капут! — крикнул Кравцов.

Он метнулся к гитлеровцам и бросил последнюю гранату у своих ног. Раздался взрыв. Рядом с телом Кравцова на землю упали фашисты.

В это же время у Воронихинских колоннад умирал верный друг Алексея Кравцова — Вася Слепов. Он истекал кровью. Обе руки его были перебиты.

Слепов понимал: жизнь его на исходе. Темная почва помогла ему остаться незамеченным врагами. По мокрой траве, сжимая зубы от нестерпимой боли, он полз к морю. Там, говорили, будет ночью наши катера... Под бушлатом спрятана последняя граната. Казалось, еще одно усилие — и он у берега. Василию уже слышался тихий плеск воды, он дышал запахом моря.

Вконец обессилив, прилег у могучего дуба, прислушался к пальбе справа, слева, подумал: «Наши дерутся». И от того, что друзья все еще сражаются — значит, живы, — на душе у него стало легче. Хотелось крикнуть им: «Братья! Отомстите и за меня, я не в силах помочь вам больше...» Он даже попытался приподняться, но тут же упал, не только от боли — от внезапного, как выстрел, крика:

— Хальт!

Слепов думал об одном — о гранате, которую надо изловчиться достать, чтобы уничтожить этих троих навесных над ним истуканов. Черные глыбы пришли в движение. Гитлеровцы били его подкованными сапогами, прикладами, истушенно кричали:

— Шнель, шнель!

Он лежал лицом к земле. Из-под бушлата выкатилась граната. Слепов зубами схватил ее за чеку, рванул на себя. В темноте ночи среди деревьев на минуту вспыхнуло огненное пятно взрыва...

Существует морская легенда о том, как бутылка, брошенная моряками с погибшего корабля, приплыла к острову, где стояла на самом берегу хижина. Там жила старая женщина. Ее сын ушел когда-то в море и не вернулся. И вдруг на извлеченном из бутылки листке мать узнала почерк своего сына...

Земля петергофского парка после освобождения напоминала вздыбленные, окаменевшие морские волны.

Жарким летом 1944 года густые дикие травы заполнили весь парк. Они силились закрыть собой раны земли.

И зелень, появившаяся на черных, искалеченных ветвях, казалась чудом. Возле развалин, в зарослях спутанного кустарника, гудели шмели. Именно тогда житель Петергофа, участвовавший в первых работах по расчистке парка, обнаружил в земле, неподалеку от «Шахматной горы», закопанную флягу с плотно завинченной крышкой.

Ее не сразу удалось открыть, а когда открыли, там оказались два листка.

Бумага в линейку из школьной тетради... Имена — Петрухин, Вадим Федоров, Мишка — были человеку, обнаружившему эту флягу, неизвестны. И он никак не связывал ее с историей десанта кронштадтских моряков, о котором почти ничего не знал. Вот почему записки во фляге, выплывшей из каменного моря забвения, пролежали в безвестности еще очень долго. Вот они:

«Люди! Русская земля! Любимый Балтфлот. Умираем, но не сдаемся. Патронов нет. Убит Петрухин. Деремся вторые сутки. Командую я. Патронов! Гранат! Прощайте, братишки!

В. Федоров.

7 окт.»

И вторая — крупными буквами, наискосок: «ЖИВЫЕ, ПОЙТЕ О НАС. МИШКА».

Их писали в октябре 1941 года окруженные врагами моряки. Писали в свой последний час, зная, что им предстоит умереть, и веря, что эта мертвая сейчас земля возродится, придут сюда люди и прочтут их последний привет. И наказ, ибо слова: «Живые, пойте о нас!» — это приказание. Они верили в нашу благодарную память. И не ошиблись.

Вот матросская фляга. Ножом нацарапанный номер
Третьей роты.

Владельца фамилию не разобрать.

Долго сына ждала, может быть, умерла его мать,

Молодого комсорга балтийской пехоты.

Почему-то мерещится, видится нам — это он...

Звали Мишкой друзья, он и сам называл себя
Мишкой.

Он, живой,

нам писал, словно был уже тоже сражен,

И, записку втокнув, завинтил фляги плотную

крышку.

Опустили балтийцы ее не в морскую волну —

В петергофскую землю у мертвых фонтанов зарыли.

В рваных ранах, в крови, не пошла эта фляга ко дну,

Нам записки она принесла через времени мили.

Мы отвечаем: «Есть!» —

Их воле, их желанью.

Сложить такую песнь

Берем как приказанье

Товарищей родных,

Их строчек полустертых,

Как вечный долг живых,

Что не забыли мертвых!

1966 г.

Третьи сутки. Переход в ночь

Сырые серые пески

В безмолвье нелюдимом стыли.

Стояли молча тростники,

И вдруг они заговорили.

Их голос нам знаком до слез,

Печальный дальний отзвук боя...

И каждый тонкий стебель рос

Из сердца павшего героя.

1943 г.

Связи с десантом по-прежнему не было. Это мучило в Кронштадте многих — и командующего Краснознаменным Балтийским флотом Трибуца, и капитана второго ранга Святова, чьи катера и «морские охотники» не могли пробиться на помощь морякам, и командира Учебного отряда Лежаву.

Жены десантников по нескольку раз в день приходили к Владимиру Нестеровичу Лежаве, спрашивали: «Как там наши?»

А что мог ответить он, который был другом, товарищем многих ушедших с десантом командиров, знал поименно десятки его бойцов?!

Командир убежденно верил: такие не сплешают, как бы им ни пришлось трудно. В его сердце проникла человеческая большая печаль.

Закрывшись в своем кабинете, Лежава достал из ящика письменного стола любительский снимок: Петрухин, Ворожилов и он в дружеской обстановке.

Петрухин на снимке был весел, сосредоточенно и задумчиво глядел Ворожилов...

Лежава вспомнил: товарищ сфотографировал их после того, как моряки возвратились из поездки на Карельский перешеек. Они присутствовали на открытии обелиска в память моряков Учебного отряда, павших там в недавнюю финскую войну.

В штабе Краснознаменного Балтийского флота, у карты, рассматривая район Петергофа, о чем-то размышлял Всеволод Вишневский. Достав из кармана кителя книжечку в клеенчатом переплете, бисерным почерком написал:

«Беседа в штабе Балтийского флота. Упорные бои в Новом Петергофе, борьба за каждый дом. Трое суток от десанта нет известий. Куда он пробивается?»

Куда? Это тревожило и флотскую разведку.

После того как подорвался на минах «морской охотник», катера с боеприпасами посылались вновь и вновь. Но ни один не смог подойти к берегу. Ожесточенный артиллерийский огонь встречал их еще на подходе. Не пришла достоверных вестей и флотская авиация.

На поиск исчезнувшего десанта с Ораниенбаумского «пяточка» одна за другой пошли одиннадцать групп раз-

ведчиков. У некоторых были почтовые голуби. В каждую группу входило по три человека. Вернулись только восемь человек, да прилетел голубь без голубеграммы.

— Три ночи подряд, — вспоминает контр-адмирал (тогда капитан второго ранга) Святос, — высаживались на берег разведывательные группы с катеров для связи с десантом, но они либо исчезали, либо возвращались безрезультатно. Противник блокировал береговую черту. 6 октября была высажена разведка численностью в пять человек. Им не удалось связаться с десантом.

В ночь на 7 октября с маленького кронштадтского островка Кроншлот, где размещались катерины, к Петергофу скрытно ушли дозорные «каэмки». На одной из них находились разведчики. Они взяли с собой надувную резиновую шлюпку. Моряки в капковых бушлатах. Фонарики обернуты в резиновые кисеты. Стекла электрофонарей были заклеены кружками черной плотной бумаги с небольшими дырочками, пропускавшими только тонкие лучи света.

По заливу шарили прожекторы. Слово оттолкнувшись от черных волн, они заливали небо нестерпимо белым светом. На берегу периодически всдыхали и гасли ракеты.

На спущенной с «каэмки» резиновой шлюпке к камышам у петергофского берега пробирались командир и старшина.

Когда моряки были уже у прибрежных камней, откуда-то сверху ударило орудие, заработали пулеметы. Им ответили огнем с катеров.

Прибывшие из Кроншлота надеялись, что десантники, если они находятся поблизости, поймут, что им идут на выручку, и предпримут попытку прорваться к берегу.

Под деревянным настилом маленькой рыбацкой пристани что-то заворчалось. Старшина направил туда

лучик фонарика. В воде, вцепившись в сваю, лежал человек в матросской форме.

Разведчик разжал ему зубы, дал глотнуть спирта.

— Наши там... насмерть... — невнятно пробормотал десантник, уже теряя сознание.

— Знаешь что, — решительно сказал командир старшине, — ты плыви с ним к «каэмке», а я поищу других.

— А как же вы доберетесь?

— Я призовой пловец. Дотяну.

В эту ночь несколько уцелевших десантников пытались пробиться к заливу. Их вел рослый парень с перевязанной бинтом головой по имени Андрей.

Но парк, на каждом шагу перерезанный окнами, с лувшами и немецкими засадами, стал для моряков настоящим лабиринтом.

Они действительно увидели огонь с катеров, услышали перестрелку. И предприняли последнюю, отчаянную попытку пробиться к берегу. Но они шли не туда, где ждал их разведчик. Какими-нибудь ста метрами правее или левее от него моряки вышли прямо к пушке, бывшей по катерам. 37-миллиметровая, четыре человека прислуги, пятый — командир. Две гранаты и отчаянная ярость в сердцах тех, кто вырвался сюда из мрака.

Сраженный гранатами, артрасчет упал. Но уже бежали на выручку своим гитлеровцы, расстреливая моряков.

Тяжелораненый Андрей стоял, прислонясь к дереву. В руке последнее оружие — ракетница.

Когда автоматчики подбежали к нему совсем близко, он вышлепнул в лицо переднему огонь красной ракеты.

Ее вспышку и автоматную очередь видел, слышал разведчик. Но откуда ему было знать, что этот последний, так и не долетевший до Кронштадта сигнал был прощальным сигналом Андрея...

Старшину и спасенного десантника подобрал катер.

Многими часами позднее, совершив рекордный заплыв, добрался до Кроншлота и командир «каэмки».

Прорыв катеров из Кронштадта в Петергоф вновь не удался. Оставшиеся в живых десантники сражались до рассвета.

Уже не слышно было краснофлотских «ура» и «полудра». Не осталось ни одного моряка, не пролившего свою кровь. В Нижнем парке, в Верхнем саду, в Александрии вперемежку с выстрелами еще много раз из рупоров фашистских громкоговорителей несло:

— Русские матросы, сдавайтесь, вам будет сохранена жизнь!

Но не было десантников, поднявших руки перед врагом. Оставшуюся гранату, последний патрон берегли для себя.

Утро третьего дня началось новым боем.

— Уничтожить всех! Живых не оставлять! — передавал по телефону генерал Клеффель.

Он отдал приказ майору Клаузе бросить в парк Петергофа «свою роту» — свору овчарок. Их было много — выдрессированных, злых, привыкших вонзать клыки в горло человека...

Сперва остервенелый лай послышался из-за Воронихинских колоннад, потом от залива, потом со всех сторон. Яростно рыча, овчарки набрасывались на раненых моряков, загрызали их до смерти. Гитлеровцы науськивали псов на идущих в атаку.

К такому бою десантники не были готовы. Но они приняли и его. Многие псы «роты» Клаузе валялись, пронзенные штыком, ударом финского ножа...

Отступавший к заливу вместе с линкоровцем Володей Борис Шитиков помнит, как в ложе Самсоновского канала на него прыгнула здоровенная овчарка. Шитиков

от неожиданности упал. Но он успел выхватить нож, изо всей силы ударить овчарку в грудь. Оставив издыхающего зверя в луже крови, моряк пополз по вязкой грязи... Увидел прижавшихся к сырým мшистым стенам двух измученных моряков. Они тоже выбирались из окружения.

— К заливу, ребята. Другого пути у нас нет, — твердо сказал Борис Шитиков. — Мы с другом, — он указал на Володю, — пойдем вплавать, может, кто-нибудь подберет.

Теперь их было четверо.

Они понимали, что плыть в простреливаемой с берега ледяной воде более чем рискованно. Но другого выхода у них не было. С наступлением темноты они попытаются незаметно пройти береговое охранение, уйти заливом.

Время тянулось мучительно медленно. Только теперь к людям вернулись привычные ощущения. От сапог, в которых чавкала вода, холод шел по всему телу. Кружилась от голода голова, хотелось пить. Выскребали из карманов последние крошки махорки, надеялись найти хотя бы кусочек сухаря. Тщетно!..

На коленях у Володи лежала гитара. Казалось, на руках его живое существо, так бережно держал он сломанный гриф, с которого свисали оборванные струны.

Борис смотрел на друга с нежностью. Он видел перед собой не страшного человека в перепачканной глиной, смятой бескозырке, в изорванных от непрерывных переползаний бушлате и брюках. Он видел верного своего товарища, всегда веселого, аккуратного. Моряка, который больше всего на свете любил хорошую песню.

— Не хочется умирать, Боря. Жить хочу. Молодые мы!..

Борис взял из рук друга гитару, осторожно положил ее на дно канала...

В голове Бориса одна за другой рождались, наплывали мысли. Он видел залитый солнцем, в зелени Крон-

штадт, на улицах море синих воротников. Батя — Ворожилов — в красивой, ладно сидящей на нем форме, с орденем на груди.

Виделся Борису его первый лихой ротный старшина. Вот он, ухмыляясь, строит новобранцев, стриженных «под нуль». «Кино интересное покажут», — сулит он, на самом деле зная, что поведет их на камбуз чистить картошку...

Но вот наступила долгожданная темнота, моряки начали продвигаться по каналу к заливу. Они старались шагать бесшумно. Хлюпанье сапог, даже звук одиночно падающих брызг отдавался в их ушах нестерпимым грохотом. Если услышат, кинутся вслед. А у них из оружия остались только ножи.

Море все ближе, ближе. Волны то накатываются на огромные прибрежные валуны, то уходят от них, шипя и пенясь. Минута выжидания — и первым к валунам скачивается Борис Шитиков. Он привык разгоряченным лицом к холодному, мокрому камню, всматривается в берег. И не слышит выстрелов вслед. Взмахнув рукой, словно этот его сигнал могли увидеть в темноте остальные, он тихо зовет их к себе. Быстро снимаются бушлаты и сапоги. Шитиков шепотом командует:

— Пошли!

Осторожно десантники вошли в воду, погрузившись по горло, поплыли. Шитиков оглянулся туда, где остались навсегда его друзья.

— Прощайте, товарищи, — прошептал он, — простите меня за то, что я живой.

В эту минуту над заливом повисли на маленьких парашютах осветительные ракеты.

— Ныряй! — крикнул Шитиков.

Команда была подана вовремя. Пули легли совсем рядом. Они ложились то впереди, то позади плывущих. И снова команда: «Ныряй!»...

Сколько продолжался этот поединок десантников с преследователями, Шитиков позднее не мог вспомнить. Окаменевшим он был подобран в заливе нашим катером.

Еще до того как его доставили в госпиталь, он спросил:

— Где мои товарищи? Володька с «Октябрины» где? Последовал скупой ответ:

— Никого больше подобрать не удалось...

Борис Шитиков не произнес ни слова. Слезы текли по его лицу...

Николай Вьюнов — он тоже участвовал в последней штыковой атаке, в которую водил уцелевших десантников Петрухин, — очнулся после тяжелого забытья.

Моряк лежал в маленьком, узком окопе. Он старался припомнить, как попал сюда. Что-то огромное, темное надвинулось на него. Потом удар в голову... И вот он здесь.

Глаза резало от яркого света. Но то был не огонь пулеметных вспышек, не трассы светящихся пуль, не разрывы снарядов. Совсем другое, давно забытое им, ласковое, доброе, — солнце! Оно светило так непривычно радостно. Безоблачное небо дышало осенней свежестью. Пахло прелыми листьями. «Кругом тихо, никакого боя нет», — подумал Вьюнов. Он вспоминал: Борис Шитиков погиб — его овчарка загрызла. Промелькнула в сознании ночь в Учебном отряде. Борис с Николаем рядом. Командир тихо беседует с ними... Теперь и Вадима Федорова нет, убит лейтенант Зорин. «Где же я?» С трудом приподнявшись, он выглянул из окопа. Да это Нижний парк. Какая тишина...

Но вот до него донеслись приглушенные расстоянием голоса. Едва успел присесть, как послышался шорох шагов. Николай распластался на дне окопа. «Теперь конец», — подумал он.

Прошла минута, другая. Сверху посыпались комья земли. Гитлеровцы стояли над окопом, о чем-то разговаривая. Один из них выстрелил. Пуля пробила Вьюнову плечо, но, закусив до крови губы, он даже не вскрикнул.

Немного потоптавшись, немцы ушли.

От крови сразу же взмок рукав тельняшки. Прижав спиной к стене своего убежища, Вьюнов снял бушлат, кое-как перевязал плечо. Он не стонал от боли, все в нем словно одеревенело. Сидел с закрытыми глазами, мучительно искал выход. Попытался встать на ноги, взглянуть, что делается вокруг, но резкая боль в плече опрокинула его навзничь. С трудом удалось занять прежнее положение. Он достал пистолет, подержал его на ладони, вытаскивал обойму. Заглянул в нее, сосчитал патроны. Их было всего три. Два для врага, один себе... Сунул пистолет в карман бушлата. Боль все не оставляла. Пропитанная кровью тельняшка липла к телу, мешала. Солнце поднялось уже высоко. Его тепло было теперь как никогда кстати. Измученный моряк задремал. Проснулся, когда солнце уже скрылось. Под бушлат заползал сырой вечерний туман, леденил тело.

Наступила четвертая по счету ночь.

Вьюнов, шатаясь, выбрался из окопа. Немного полежал на его бруствере, не заметив ничего опасного, пополз по холодной земле. Кружилась голова. В сознании билась только одна мысль: «Уходить. Скорее уходить...»

Где-то у каменной стены, разделяющей два парка, поднялся на ноги. Его окликнули по-немецки. Отступив за дерево, Вьюнов направил пистолет на окрик и ждал, подавшись вперед, готовый броситься на врага. И снова чужой окрик. Потом дробь автомата слева. Вьюнов выстрелил в темноту. Подождал. Тихо. Видно, попал. Теперь в обойме два патрона. «Доползти бы к убитому, взять его оружие, тогда живу...» Держа пистолет наготове, он

пополз, преодолевая боль. Вдруг снова грянул выстрел. Вьюнов притаился за деревом. Еще выстрел. Ясно: стрелял тот, кого он считал убитым.

Решение пришло мгновенно. Нажав спуск, он разрядил пистолет в сторону стрелявшего. Теперь нельзя было терять ни минуты. «Если фашист жив, задушу его, но последний патрон сберегу. Видно, я последний живой десантник — вот и буду биться до последнего вздоха за всех...»

С убитого врага он снял автомат. Осмотрелся — вокруг никого. Впереди чернел овраг. Вьюнов бросился туда. «Хальт!» В темноте блеснула вспышка, в ту же секунду выстрелил и Вьюнов. Он услышал короткий тихий вскрик. Вьюнов пробежал несколько шагов. Еще выстрел. Матрос прижался к земле. На этот раз стреляли долго, но мимо. Он опять пробирался в ночи и наткнулся на засаду. Автомат немца сослужил свою службу. Вьюнов уложил двух гитлеровцев, а когда на него надвинулся третий, он сам хрипло крикнул: «Хальт!» — и в упор дал по немцу очередь из автомата. Гитлеровец уткнулся в землю. Моряк, петляя, побежал. Задохнувшись, он на миг прислонился к дереву. Пустой немецкий автомат пришлось бросить. Но оставался пистолет с единственным патроном.

Прошло несколько минут, и вокруг Николая снова возникла стрельба. Он совсем вжался в землю. Голоса рядом. Еще минута — и его схватят. Нет, он не примет смерть от врага здесь, на своей земле. А в плен моряки не сдаются. Вьюнов вытащил из кармана пистолет, направил в сердце его ворошенный ствол...

К нему подошли фашисты и долго при свете карманных фонарей рассматривали матроса в грязном, рваном бушлате. Полосатая тельняшка была в крови, на валившейся рядом бескозырке тускло светилось: «Марат».

Петергоф свидетельствует

До сих пор мы говорили главным образом о том, что происходило на петергофском «пяточке», на ограниченном плацдарме, протянувшемся от берега залива до Большого дворца и от Фабричной канавки до Александрии. А Петергоф, чему был свидетелем он?

Город дворцов и фонтанов к концу лета 1941 года стал прифронтовым — превратился в огромный бивак. Сюда стекались беженцы из Прибалтики, здесь, в вековых аллеях, готовилась к отправке на передовую морская пехота. Моряки разбивали палатки у дворцовых сооружений, звонкое «Яблочко» и протяжная морская песня далеко разносились в воздухе.

В Петергофе разместилось несколько военных госпиталей. И раненые — в повязках, на костылях, — выходящие в залитый осенним солнцем парк, думали лишь об одном: скорей бы набраться сил, чтобы снова уйти на фронт.

У начальника Петергофского отделения милиции Ивана Филипповича Цыганкова сохранились короткие записи о тревожных сентябрьских днях 1941 года:

«4 сентября. С комендантом города проверял заставы. Выделили дополнительный наряд милиции и красноармейцев, чтобы справиться с потоком эвакуированных из других районов и с проходящим военным транспортом.

6 сентября. В районе 7-го военного городка в Старом Петергофе сброшено 20 фугасных бомб. В районе аэродрома — беспрерывные воздушные бои несколько дней подряд.

16 сентября. Сильный обстрел военного городка. Задержан местный житель Комбура, дававший сигнальные ракеты. Расстрелян на месте.

В 21 час немцы заняли поселок Ленина и Волхонку.

17 сентября. Тяжело ранен милиционер Гаврилов. На Львовской улице Савченко, Зенин и Малярцев обнаружили и взяли в плен двух немецких автоматчиков.

Савченко, Сорокин и Волков пробрались на передовую линию военных действий и восстановили нарушенную телефонную связь со Стрельной.

В дом № 8 по Вокзальной улице вошли двое военных в форме командиров, переоделись в штатское и направились в сторону Петергофа. Были задержаны работники милиции. При задержании сопротивлялись. Один убежал, другой был убит на месте. Оказался немецким офицером-разведчиком.

18 сентября. От сильного минометного и артиллерийского огня в Стрельне сгорело много домов. Военное командование предложило работникам милиции уйти из Стрельны.

Штаб организовал в деревне Ижорка. Связь с Петергофом поддерживается.

22 сентября. В Петергофе большие разрушения и жертвы от разрывов фугасных бомб. Все районные организации выехали в Ораниенбаум. Сотрудникам милиции дано указание перейти в помещение штаба МПВО.

В 20 часов получил распоряжение отойти в Мартышкино. Личный состав отделения отошел и остановился за границе Ораниенбаумского и Петергофского районов.

25 сентября. По указанию секретаря райкома партии сформирован партизанский отряд в количестве 53 человек. В него вошли руководящие работники района, сотрудники милиции. Я назначен командиром отряда».

Для Лиды Ивановой, уроженки Петергофа, сорок первый год начался счастливо.

В феврале ей исполнилось восемнадцать лет. В ночь на 22 июня, после выпускного вечера, Лида вместе с товарищами и подругами долго гуляла в петергофских парках. Они дошли до Розового павильона. Кроны деревьев, небо — все было заткано ясным сиянием белой ночи. Утром юности и девушки разошлись, чтобы немного поспать, а затем снова встретиться в школе.

Отца не было дома. Он дежурил на электроподстанции. Едва коснувшись подушки, Лида уснула. Но, должно быть, спала она совсем недолго.

— Вставай, дочка! Война!

Лида не поверила матери. Но радиорупоры на площади подтвердили страшную весть.

Вчерашние школьники направились в военкомат. Им поручили разносить повестки. Призывники, а потом и раненые в госпиталях запомнили, должно быть, эту девушку, читавшую низким грудным голосом стихи о подвигах советских воинов.

Потом Лида вместе с другими петергофцами рыла окопы вокруг своего родного города.

В школе, которую она окончила, теперь размещался только что сформированный истребительный батальон. Почему-то верилось, что Петергоф не будет сдан.

С Красного проспекта, где жила Лида, семья переселилась в бывший церковный сад, в подвал водокачки.

Из окон подвала девушка видела, как уходили моряки на фронт.

— Девчата, — говорили они, — мы уходим, но мы обязательно вернемся, выручим вас!..

Осень сорок первого года была ранней. Холодный ветер гнал по улицам города багряные листья клена...

Утро 23 сентября казалось необычно мирным. Необычной была и тишина после недавнего грохота боя. Из булочной, что неподалеку от дома, пахло свежеспеченным хлебом. В Ольгином пруду отражалось неяркое солнце. И вдруг откуда-то из-за угла показались три фигуры в чужой форме, в рогатых касках.

— Тише, это немцы, — услышала Лида голос своего старого дяди.

Это было непостижимо, страшно.

Многое испытала после этого утра Лидия Иванова — отчаяние плена, голод пересыльных лагерей, немецкую хитрину, но эту первую встречу с врагом она запомнила на всю жизнь как самое безвыходное, самое лютое горе.

Фашистские разведчики ушли. Пронесся слух: немцы уже заняли здание вокзала. Пулемет с вокзальной вышки обстреливает площадь.

К вечеру в город вошли вражеские части. Немцы двинулись в походном строю, в танках-амфибиях, на мотоциклах.

Вскоре на стенах домов появились приказы.

Вначале они были деловито-доброжелательными. Жителям предлагалось перебраться из разбитых домов в уцелевшие. Но не успели женщины привести в порядок жилища, как последовал новый приказ: в связи с тем, что ожидаются бои, обстрел со стороны Кронштадта, население должно покинуть город немедленно!

Петергофцы уходили за линию железной дороги, в Марьинский лес, в совхоз «Пятилетка» на Ропшинском шоссе. Но и там их не оставляли в покое. Полевая жандармерия — огромного роста детины с бляхами на груди — палками гнали жителей дальше — к Рошше, к Гатчине.

Впрочем, к моменту высадки кронштадтского десанта Петергоф еще не совсем обезлюдел. Некоторые семьи тайком возвращались в покинутые жилища, прятались в подвалах на окраинах.

Была среди них и та, о которой вспоминал перед высадкой кронштадтский разведчик Алексей Степанов.

Это она, Тоня Голубева, 8 или 9 октября отважилась пройти в Нижний парк.

Здесь все еще клубился удушливый пороховой дым. У самого берега чернели разбитые, изрешеченные пулями шлюпки. На волнах, ныряя, плавали весла.

Уткнувшись стволами в землю, стояли разбитые пушки. На ветках вековых, обожженных взрывами, иссеченных осколками деревьев каркало воронье.

Немцы успели похоронить своих убитых, а моряки лежали там, где настигла их смерть. И тогда Тоне показалось, что один из этих моряков, с почерневшим, залитым кровью лицом, — ее Алексей. Тоня накрыла его лицо мичманкой.

Вскоре и ее при очередной облаве фашисты угнали из Петергофа. Так всю войну, увезенная потом в Германию, Тоня Голубева прожила с мыслью о том, что дорогого ей человека уже нет в живых.

Оставалась в Петергофе в те страшные дни одна из его старейших жительниц — Елена Николаевна Веркина. У нее был свой домик на Прудовой улице. Во дворе росли яблони, посаженные ею еще в юности. Как от всего этого уйти? И в дни, когда в петергофских парках гремел бой, Елена Николаевна не покидала своего жилища.

По почам из окна она видела багровые вспышки, белые огни ракет. Однажды ей послышался чей-то стон, негромкий стук в дверь. Надо открыть!

На пороге домика лежал тяжелоораненный краснофлотец.

Елена Николаевна с трудом втащила его в дом. Расстегнув бушлат моряка, женщина охнула: вся тельняшка была покрыта бурными пятнами крови.

— Ты откуда? — спросила она моряка.

— Из Кронштадта, — только и смог произнести он.

Елена Николаевна промыла раны, перевязала их лоскутами простыни.

Моряк тяжело дышал. К рассвету он начал бредить:

— Батя... Батя!..

«Отца вспоминает», — подумала женщина.

Моряк пытался встать, рвался в бой. А вокруг было тихо.

Внезапно женщина заметила, что глаза раненого прояснились. Поднесла к его губам воду.

— Мать, — проговорил он хрипло, — нас побил. И командира — Батю, и комиссара.

— Лежи, сынок, успокойся. Потом доскажешь.

— Мать, запомни их имена: Ворожилов — командир, я у него был связным... Он лежит там, на берегу...

Больше Елена Николаевна ничего не услышала.

В ту же ночь женщина похоронила моряка во дворе под старой липой.

Оставаться в доме ей было невозможно. Едва дождалась утра, она решила выйти на улицу. Может, еще кого из моряков удастся спрятать, выходить.

Небо было ясно-голубым, таким далеким от крови и огня, от всего злого, что властвовало здесь. Невдалеке поблескивал Красный пруд...

Елена Николаевна шла недолго. Внезапно из-за угла

показалась группа людей. По обеим сторонам шагали немцы с автоматами, а посредине босиком, оставляя кровавые следы, с трудом двигались пятеро матросов. Руки их были связаны за спиной. Вдруг один зашел:

Раскинулось море широко...

— Молчать! — закричал немец, замахнувшись на моряка.

Они подошли к Красному пруду.

Остальное произошло мгновенно. Матрос, высвободив руки, в два прыжка преодолел расстояние до пруда и кинулся в воду. За ним рванулись остальные, но фашисты преградили им путь.

Моряк плыл быстро, только голова в бескозырке виднелась над водой.

Из автоматов ударили струи огня. Елена Николаевна стояла оцепенев. Она не могла отвести взгляда от пруда, в котором теперь плавала лишь черная бескозырка... Она не слышала грубого солдатского окрика, и только когда над ее головой пронеслась горячая молния, женщина кинулась прочь от этого страшного места.

Немцы, переругиваясь, повели моряков дальше, к зданиям бывших царских конюшен.

Трясущаяся от страха Елена Николаевна с трудом добралась к себе домой. Она проплакала весь день. Лишь темной ночью женщина вышла во двор, опустила на колени у матросской могилы и долго стояла, беззвучно шепча про себя молитву.

Как ни пытались впоследствии жители Петергофа узнать, где закопали фашисты убитых матросов, обнаружить это им не удалось.

Пройти в парк было невозможно. Всюду стояли немецкие автоматчики. Спуски к Нижнему парку были заминированы.

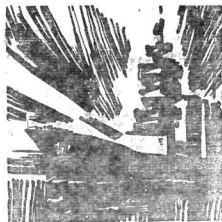
Двумя днями позже Елена Николаевна решила снова выйти в город, чтобы попытаться отыскать свою знакомую, жившую невдалеке от вокзала.

Опираясь на суковатую палку, она брела по улицам. Разбитые снарядами дома, колючая проволока... На стене старинного дома екатерининских времен увидела белый лист: «К русскому населению Петергофа. Тому, кто укрывает или будет укрывать матросов, — расстрел...»

«Значит, не всех поубивали, — подумала Елена Николаевна. — Значит, не всех... Ну и слава богу...»

Дойдя до вокзала, она замерла в страхе: к фонарному столбу проволокой был привязан краснофлотец в рваной тельняшке и флотских брюках, босой. Русые волосы падали на окровавленный лоб. На фанерной доске, висевшей на его груди, было написано: «Матрос-партизан. Казнен 7 октября».

Низко поклонившись герою, Елена Николаевна пошла прочь, страшась оглянуться,

Огненный берег

Помимо высаженного на петергофский берег десанта, в эти же дни в район Урицка и Стрельны с моря и с суши было послано еще несколько десантных отрядов.

Здесь, изматывая силы противника, во взаимодействии с войсками 42-й армии сражались 6-я отдельная бригада морской пехоты и 21-я стрелковая дивизия НКВД.

Большую активность тогда проявили и боевые корабли Краснознаменного Балтийского флота: линкор «Октябрьская революция», крейсер «Киров», канонерские лодки «Москва», «Аргунь» и «Кама», эскадренные миноносцы «Сметливый», «Опытный», «Славный», «Сильный», «Свирепый» и кронштадтские южные и северные форты.

Они били по огневым точкам и скоплениям войск противника в районах Нового Петергофа, Горелова, поселка Володарский, завода «Пишмаш», Луизина, Кузнецка.

Наша бомбардировочная и истребительная авиация бомбила и штурмовала гитлеровские войска в районах Ново-Панова, Сосновой Поляны, Нового Петергофа, парка Александрия, Сашина, Стрельны.

По берегу Финского залива, где гитлеровцы возвели оборону, лежали разбитые пушки, днем и ночью немцы убрали трупы своих убитых.

В начале октября из Гутуевского ковша Ленинградского торгового порта на четырех катерах и шестнадцати шестивесельных ялах в район завода «Пишмаш», занятый противником, был высажен десантный отряд в количестве двухсот пятидесяти четырех бойцов 6-й бригады морской пехоты.

В него входили, наряду с бывальыми, совсем молодые, еще не обстрелянные краснофлотцы Кронштадтского учебного отряда, курсанты Военно-морского медицинского училища. Был среди них и курсант Володя Токовой. В ту пору ему исполнилось семнадцать лет.

В июне 1941 года комсомолец Токовой упросил военкома послать его добровольцем на фронт. Токового направили в Кронштадт, в Военно-морское медицинское училище.

Будущих фельдшеров обучили в Петровском парке ползать по-пластунски, приняли у них экзамены по ускоренной программе.

Вскоре романтически настроенный украинский хлопцев впервые попал в боевую обстановку. Нет, еще не в десант. Он был отправлен с курсантским отрядом на защиту Ленинграда — санитаром.

После короткого пребывания в Ленинграде курсантский отряд в составе 6-й отдельной бригады морской пехоты двинулся на передовую.

Передовая — район Автово—Урицк—начиналась сразу же за Нарвской заставой. Когда отряд прошел Нарвские ворота, он тут же попал под артобстрел.

Один за другим в строгой последовательности ложились снаряды, и именно эта методичность будила все возрастающее чувство страха.

Через двадцать пять лет врач Владимир Архипович Токовой, кандидат медицинских наук, скажет: «Именно тогда я понял, что такое страх». Но юноша из Запорожья, впервые попавший боевой грозной осенью 1941 года под Ленинград, сумел подавить в себе чувство, незнакомое ему, отвратительное...

Тихой теневой ночью 1 октября сорок первого года катера и шлюпки десантников двинулись от причала вдоль Морского канала. Высадились в районе Стрельны спокойно, зато потом стало горячо.

Несмотря на минометный и артиллерийский обстрел, моряки зацепились за берег и упорно продвигались вперед. Володя Токовой, перевязывая раненых, с гордостью и удивлением замечал, как бойцы и командиры, даже будучи тяжело ранеными, после перевязки опять неустрашимо шли в бой.

Перед тем как Володю контузило взрывом снаряда, он слышал переданную по цепи весть: товарищи зашли в тыл немцам, перерезали шоссеюную дорогу, уничтожили несколько фашистских мотоциклистов.

О том, как выходил Токовой и группа раненых моряков из боя, скрываясь в камышах, по горло в воде, ориентируясь по огромной трубе завода «Пишмаш», как перед рассветом, уже недалеко от порта, они по неопытности приняли морские краны за псевданые орудия, надо раскazyвать особо.

А через несколько часов Володя снова ушел в бой, к Урицку.

Свидетельство другого участника первого стрелнинского десанта дополняет то, чего не мог знать Токовой. Сергей Иванович Долгов, командир взвода управления, вспоминает:

— Мы были высажены без потерь в намеченный пункт, на берегу залива. Перед нами стояла задача:

навести удар по совхозу «Лигово», где располагались резервы, тылы врага, с последующим нанесением удара с тыла по первой линии обороны противника. Бой начался на редкость удачно. Мы высадились без единого выстрела, но на прибрежной полосе попали на минное поле... Первый удар был нанесен по заводу, где нами была уничтожена четырехорудийная батарея, обстреливавшая Ленинград. Прорвались к вражеским тылам, расположенным в Лигове. Нападение было для врага неожиданным. Мы перебили десятки гитлеровцев, сожгли много автомашин и три танка...

В «Истории 58-й пехотной дивизии», изданной в Западной Германии двадцать пять лет спустя, рассказано о том, как трудно было немцам даже при большом превосходстве сил держать оборону берега.

Книга свидетельствует: «Немецкие войска остановились под Ленинградом... Их полки окопались на достигнутой позиции... Так как возникает опасность, что русские, в связи с наступлением на Урицк, попытаются высадить десант западнее Урицка, дивизия вынуждена укрепить береговую оборону, перебросив туда часть сил».

И действительно, ожидаемый удар последовал. В день высадки десанта в Петергоф бойцы 20-й стрелковой дивизии НКВД высадились с моря в районе Стрельны.

В жесточайших условиях осенних боев 1941 года 20-я дивизия, сражавшаяся на правом берегу Невы, выделила до батальона бойцов для нанесения врагу ударов со стороны Морского канала.

Свыше пятисот десантников-пограничников с боями продвигались на соединение с частями 42-й армии, наступавшей на Урицк.

Командующему 38-м армейским корпусом фон Хаппиусу пришлось доложить об этом в ставку.

С момента высадки петергофско-стрельнинских десантов прошла уже неделя, а выстрелы в тылу фашистских войск не прекращались. Разрозненные, разбросанные по всему побережью и вдоль железной дороги группы десантников продолжали сражаться. Они совершали налеты на штабы немецких войсковых частей, уничтожали их и скрывались в лесах, окружающих Петергоф с юга. Генерал фон Хаппиус высылал на ликвидацию «матросских партизан» эсэсовцев, но те возвращались ни с чем.

Решив, что моряков укрывают местные жители, гитлеровское командование приказало выселить из прифронтальной полосы мирное население.

Вдоль проселочных дорог потянулись бесконечные колонны жителей Петергофа, Стрельны, Урицка. Под колючим фашиским женшиной, дети, старики со своим скудным скарбом шли на запад. А тем временем в тылу врага рвались гранаты, гремели винтовочные выстрелы, обрывалась полевая связь.

Вопреки очевидности командующий прибрежными войсками докладывал командующему группы войск «Север» фельдмаршалу фон Леебу, что с матросскими десантами в его зоне покончено. Гитлеровской пропаганде надо было сказать что-то внятное об этих боях и у себя на родине: ведь немалое количество немцев уже нашло бесславную смерть у Финского залива. И 7 октября 1941 года верховное командование вермахта сообщило: «Попытка предпринять западнее Ленинграда высадку десанта мощных советских сил... поддерживаемых общим огнем кронштадтских фортов, а также корабельной и береговой артиллерией, окончилась полной неудачей...»

В этом сообщении не было сказано ничего о больших потерях самих гитлеровцев. Ни слова.

В книге бывшего руководителя военной пропаганды вермахта генерала Хассо фон Ведела «Германия в борьбе»

(Берлин—Штольберг, 1941, вып. 51—52), в докладе о десанте, высаженном 5 октября 1941 года в районе Стрельны, говорилось: «Усиленный батальон, оснащенный легким и тяжелым оружием, в ночь на 5.X-41 г. предпринял попытку высадить десант; попытка была поддержана советской артиллерией с мола Ленинградского морского канала. Немецкие войска подняли тревогу после того, как высадка десанта была почти закончена...»

Далее сообщалось, что бой десанта был поддержан восемнадцатью советскими бомбардировщиками и продолжался до рассвета. И опять-таки здесь не было ни слова о потерях немцев.

Министерство вооруженных сил ГДР, предоставившее нам эти данные, справедливо пишет в сопроводительной записке: «Десантные силы на суше вели героическую борьбу против численно превосходящего врага. Число больших потерь берегового соединения, а также указание на упорный бой свидетельствуют об этом».

Десанты в район Стрельны не прекращались и после высадки моряков в Петергофе.

Профессор кафедры вычислительной техники Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) Владимир Борисович Смолов рассказывает:

— Седьмого октября сорок первого года я и мои товарищи, студенты ЛЭТИ, участвовали в высадке десанта в районе Стрельны и завода «Пишмаш». В отряд входили краснофлотцы из шестой бригады морской пехоты, бойцы из двадцатой дивизии НКВД и мы...

Володя Смолов, студент третьего курса, не был повзвечком в военном деле. Он уже участвовал в зимних боях 1939/40 года на Карельском перешейке.

С уважением и гордостью вспоминает он сегодня о старших товарищах по дивизии НКВД, с которыми его

свела в десанте военная судьба. Среди них было много кадровых рабочих Кронштадта, влившихся в дивизию из народного ополчения.

Тридцатилетние, сорокалетние люди с большим жизненным опытом, они представлялись молодым вузовцам ветеранами, служили для них образцом мужества.

Участвовали в десанте и воины пограничных застав.

Отряд был невелик, но хорошо вооружен. Рабочие завода имени Котлякова вручили десантникам сделанные ими автоматы. На каждое отделение выдавалось по ручному пулемету, хватало патронов и гранат.

Вспоминает Смолов и такое. На катерах, среди команды, находились люди, хорошо знавшие особенности южного побережья Финского залива, некоторые из них в мирное время были яхтсменами.

За катерами цепочкой тянулись привязанные к ним шверботы и ялы.

Позднее, в госпитале, Смолов, занимавшийся в мирное время в вузовском литературном кружке, напишет:

Тянулась за катером дымка.
Путь долгий, судьба моряка...
За город любимый так пылко
Сжимала винтовку рука.

Но тогда ему было не до стихов.

Бойцы знали, что их десант уже не первый, вспоминали высадившихся в Петергофе.

— Мы должны им помочь! — говорили они друг другу.

...В сумрачной дождливой тьме угадывался стрельнинский берег. Катера подошли совсем близко, были видны разведенные немецкими патрулями большие костры. По воде длинными щупальцами шарил фашистские прожекторы.

— Приготовиться!

Кронштадтцам, видно, это непервой. Деловито осмотрелись, перемахнули через борт, с тяжелым снаряжением ушли в коварную тьму, к берегу.

Под ногами Смолова чавкает ил, в сапоги натекла вода, тело пронизывает ледяная дрожь. С берега по высаживающимся бьют минометы. Некоторых накрывает на подходе. Но большинство уже на берегу.

Смолов следует за высоким пограничником Хаджимуратом Бикбулатовым — это бывалый воин. Рядом молоденький студент ЛЭТИ Сергей Шипурев.

Натиск десантников ошеломил береговую охрану.

Через трупы врагов, мимо костров, высадившиеся стремятся вперед, в глубину немецкой обороны, восточнее завода «Пишмаш».

Асфальт! Ей богу, под ногами асфальт!

— Мы на Петергофском шоссе! — кричит товарищам Смолов.

Слева слышен рев мотоциклов. Десантники забрасывают фашистских мотоциклистов гранатами.

Впереди тускло светит окошками приземистое здание. От него идут телефонные провода.

Без шума подбираются туда бойцы. Пока одни перерезают провода, другие врываются в дом, расстреливают охрану штаба берегового батальона.

Наверное, немцы успели передать в тыл о высадке десанта. Ночь наполняется грохотом выстрелов. В небо взлетают разноцветные ракеты. На машинах из тыла спешит подкрепление. Десантники отходят к прибрежной лощине. Оттуда тянет тленом, шинели словно примерзают к рывтинам. Надо оторваться от земли, отстреливаясь, спуститься к берегу.

Враги теснят десантников.

Жалко, что мало сил! И все-таки фашисты не спали в эту ночь, не будут спать и в следующие.

Ленинград на страже, Ленинград учится сам наносить ответные удары.

Скрываясь в камышовых зарослях, вдоль берега отходят уцелевшие десантники к передовой, к своим.

Завтра Смолов и его боевые друзья вновь будут участвовать в сражении под Урицком.

...Восьмого октября 1941 года фашисты на берегу Финского залива испытали еще один грозный удар Ленинграда.

— В этот день, — вспоминает комиссар 6-й отдельной бригады морской пехоты Петр Яковлевич Ксёиз, — мы во взаимодействии с девяносто восьмой танковой бригадой участвовали в танковом десанте. Тридцать пять танков «КВ» вышли на Петергофское шоссе и двинулись в сторону Стрельны.

На танках находились бойцы. За ними продвигались подразделения двадцать первой дивизии НКВД и морской пехоты.

Мы шли вдоль залива по направлению к Урицку. Головная рота в штыковой атаке наступала немцев. Бой разгорелся около здания детского дома. В это время навстречу нам вышли три немецких танка. С нами был взвод собак — взрывателей танков. Одна из собак кинулась под танк и подорвала его.

Танки «КВ» развили большую скорость, морская пехота отстала от них. Только позднее мы узнали о тяжелом бое, который приняли наши танкисты, бое, в котором многие из них пали смертью храбрых...

Это сражение описано и в «Истории 58-й пехотной дивизии»: «8.X. Начинается в 3 часа утра опасная атака русских, при которой двадцать сверхтяжелых танков прорвались на побережье через позиции двести девятого пехотного полка и вышли на запад. Танки, прорвавшиеся на запад, шли вдоль берега через поселок Ленина и таким

образом находились уже на рубеже пятьдесят восьмой пехотной дивизии. В то время как сигнал тревоги поднял все подразделения разведотряда на ноги, последовал новый сюрприз: старший лейтенант фон Грамм сообщает, что на берегу высадилось двести пятьдесят русских и атакуют в направлении к югу. На шоссе начался жестокий бой с танками. Теперь все силы направляются на то, чтобы воспрепятствовать соединению вражеского десанта с танками...»

В штабе фельдмаршала узнали и о десантах, и о потерях немецких войск, стоявших в Новом Петергофе, Стрельне, Урицке.

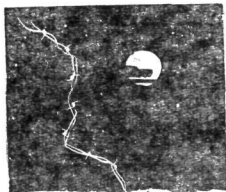
Это была последняя капля, переполнившая чашу ярости фон Лееба. Он давно грозился снять и отдать под суд командиров дивизий, застрявших под Ленинградом.

Из штаба группы войск «Север» пошла шифровка в Берлин, приведшая в бешенство фюрера.

В начале 1942 года фон Лееб, не выполнивший приказ Гитлера о взятии Ленинграда, был смещен. Вместо него командующим группой «Север» был назначен фельдмаршал Кюхлер.

Перед ним была поставлена задача любой ценой удерживать позиции под Ленинградом. Этот приказ фактически означал поражение гитлеровцев. Те, кто, отдавая свою жизнь, способствовал этому поражению, будут всегда бессмертны в благодарной памяти потомков.

Огонь и лед

В. В. Сидоров

Боль и радость по-братски деля,
Соль и корку промерзшего хлеба,
Жажду снега куском утоля,
Мы глядели в косматое небо,

Угадав там, за тьмою, рассвет,
Ожиданьем победы пьянящий,
С нами многих товарищей нет,
С поля битвы в бессмертье входящих.

Сколько пройдено, город, с тобой
Этой огненной долгой зимой!

1943 г.

Зимой сорок первого — сорок второго года на Финском заливе балтийские моряки создали ледовую оборону. Участок, расположенный напротив Петергофа, охраняли бойцы стоявшей в Крошштадте 260-й (ранее 4-й) отдельной бригады морской пехоты.

Это были товарищи тех, кто не вернулся в октябре сорок первого из Петергофа.

У бригады был славный боевой путь. В нее входили опытные воины из отряда легендарного капитана Гранина, защищавшие полуостров Ханко, моряки, что бился на Невской Дубровке.

Саперы 260-й поставили минное поле. Шесть километров проволоки отмечали его границу.

Из льда были сооружены огневые позиции для пулеметов, 45-миллиметровых орудий, минометов. Телами своими, горячими комсомольскими сердцами закрывали подступы к Кронштадту моряки.

Каждые трое суток из Кронштадта на лед поочередно отправлялись роты 260-й бригады. Выходили вечером. Восемнадцать километров — по льду, в темноте, на ветру — шли пешком. Шинели надеты поверх ватных телогреек, под ушанкой — шерстяной подшлемник. Белые маскиралаты. У многих валенки. За плечами винтовки. На волокушах — топливо для печурок, продукты, боеприпасы...

В боевое охранение выходили по двое. Через четыре-пять часов сменявшиеся отдыхали в поставленных на льду будочках. У каждого взвода своя будка, охраняемая часовыми. Разместиться в такой сторожке могло не более восьми человек. Бойцы с винтовками в руках, с лицами, багровыми от мороза, старались поближе к печке, погрузиться в короткую сладкую дрему, пока удар по плечу и возглас «Горишь!» не будили их.

Страшно человеку на светлом от лунного блеска льду.

Впереди, за фашистским минным полем, петергофский берег. Над ним желтые, зеленые ракеты, горящие, словно волчьи глаза...

У ледяных амбразур совершили свой подвиг комсомольцы Василий Сиротин и Алексей Федоров.

Возле позиции, где находились бойцы, появилась большая группа фашистов, шедшая со стороны Петергофа. Двое голодных, пытаемых холодом кронштадтских парней билась до последнего патрона, последней гранаты, но не пропустили фашистов. Когда моряки подоспели к друзьям на выручку, оба краснофлотца были смертельно ранены. За торосами лежали трупы сраженных ими врагов.

Ночь... Сливаясь со льдом, навстречу друг другу шагают два бойца. Если впереди появится кто-либо, следует окрик: «Стой! Пропуск!» Нет ответа — огонь! Один остается для прикрытия позиции, другой должен незамедлительно предупредить своих.

...Но вот занимается день. Теперь бойцы обороны лежат прижавшись ко льду.

Над заливом появляются «мессеры». Артиллерийские обстрелы Кронштадта, ответный огонь фортов.

Огонь и лед!

Иногда внезапно наступает оттепель. Тогда бойцы лежат на подтаявшем снегу, в воде. Халаты обледеневают... А потом вновь шуга, ветер. И снова ночь, тревожная, холодная...

Но еще более опасное и трудное доставалось на долю разведчиков. Недаром в разведывательную роту отбирали только старослужащих, закаленных огнем. Костяком разведроты бригады были всю войну границы.

...В темную, провисшую балтийским ветром ночь посты ледовой обороны были предупреждены: сегодня пройдут к Петергофу разведчики.

На лыжах, в масках, как привидения, пронеслись они, низко пригнувшись, по только им известным тайным ходам. Синевато-белые тени пропали, слились с сумеречным льдом.

Вдруг шедшему впереди послышался то ли стон, то ли плач. Через несколько минут моряки увидели, что

с места сдвинулся маленький холмик. Изготовив автоматы, разведчики окружили сугроб.

— Кажется, человек! Мальчик!

Он был без сознания.

Для того чтобы понять, каким образом мальчик попал на лед залива, необходимо вернуться к событиям, происходившим после неоднократных, но безуспешных попыток узнать о судьбе бойцов десанта, высаженного в Петергоф.

Ранним декабрьским утром наши передовые посты пропустили со стороны Ораниенбаума на «ничейную» полосу двух человек. Один из них был разведчик-балтиец Расторгуев. Другой — тринадцатилетний юнга, воспитанник экипажа эсминца «Страшный» Юра Грязев.

Расторгуев, сам родом из Петергофа, и его юный спутник были в гражданской зимней одежде. Они должны были пройти за линию фашистской обороны.

Ночь разведчики провели на окраине Нового Петергофа, в полуразрушенном сарае. На рассвете, сторбившись, стараясь казаться незаметными, они направились в город.

Петергоф тонул в глубоких снегах. В разбитые окна домов врвался ветер.

Расторгуев торопился: он хотел побывать на улице Аврова, где жила его мать. Сын еще не знал, что к тому времени все население было угнано из Петергофа.

Разведчики не дошли до намеченного дома. Откуда-то из-за угла разбитого, мертвого квартала на них вышел немецкий патруль. Морякам не поверили, что они беженцы...

И все-таки они встретились с теми, кого искали. Правда, это произошло совсем не так, как хотелось того смельчакам.

Избитых во время допроса, но не открывших, кто они такие, Расторгуева и Юрия Грязева втолкнули в подвал

гестапо. И там они увидели лежавших на соломе израненных балтийских моряков.

Юрий Михайлович Грязев — сейчас аппаратчик одного из ленинградских научно-исследовательских институтов — хорошо помнит изнуренного матроса с забинтованной головой.

Расторгуев не мог, не имел права рассказывать о себе и Юре, но по каким-то неудовольным приметам пленные, вероятно, догадались, откуда они.

Лежавший рядом с Расторгуевым спросил:

— Вы кто?

— Местные мы. С братишкой за вещами пришли к себе домой, да вот и попались.

— А мы, — сказал парень с гордостью, — из Кронштадта. Десантники. Слышал, может, какой бой вели мы здесь? Немного нас уцелело. Большинство там осталось. — Он показал рукой на зарешеченное окошко, за которым простирался заснеженный петергофский парк.

— Взяли нас, — продолжал матрос, — ранеными, обессиленными. Многих постреляли на месте... Одному звезды на груди выжгли. Вчера его на допрос снова увели, до сих пор не вернулся. Видать, расстреляли, гады... А может, повесили... Говорят, у гранильной фабрики и у вокзала на виселицах уже который день висят наши братки.

Юра вздрогнул. Ладонь старшего товарища легла ему на плечо.

— Верно, и мне с вами конец, — коротко сказал Расторгуев. — Вот только Юрку жалко...

— Слушай, — обратился к нему тот же моряк, — раз в день нас выводят. Может, удастся что для паренька сделать... >

Договорить ему не пришлось.

Открылась дверь. В подвал вошли два эсэсовца. Они схватили раненого и поволокли его из камеры.

— Прощайте! Если кто жив останется, про все расскажите людям...

Больше в подвал он не вернулся.

Расторгуев и Юра пробыли в подвале трое суток.

Расторгуев все же решил спасти Юру. На клочке бумаги, сбереженном при обыске, отгрызком карандаша разведчик написал несколько слов.

— Если повезет, — сказал он юнге, — передашь записку капитану. Куда бы только ее получше спрятать?

— Давайте в шапку, — предложил Юра.

— Нет, не пойдет. Шапку потерять можешь.

Решено было заложить записку под воротник.

— Помни, — наставлял Расторгуев, — надо идти той же дорогой, что сюда шли. Доберешься до наших постов, там тебе путь открыт. Нас уже которую ночь встречают...

Вечером, когда совсем стемнело, пленных на короткое время вывели во двор.

В снежной мгле трудно было различить друг друга. Конвоир, зябко кутаясь в шинель, закуривал сигарету. Внезапно Юра почувствовал, как сильные руки подхватили его и, раскачав, перекинули через забор. Упав в сугроб, юнга сразу же привстал, прислушиваясь к тому, что происходило за забором. Там по-прежнему раздавались окрики часового.

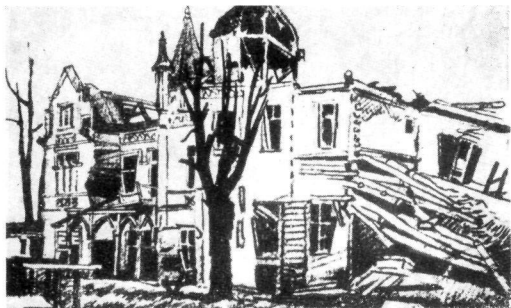
«Кажется, не заметили», — подумал мальчик и внимательно огляделся вокруг. Снег сильно валил, и дороги не было видно. Ему стало страшно. Дрожая от холода, он пополз в сторону Нижнего парка. Ему удалось миновать завалы деревьев, проползти под колючей проволокой. Каждую минуту он мог подорваться на mine. Но, видно, счастье сопутствовало юнге в ту ночь. Лед на заливе был

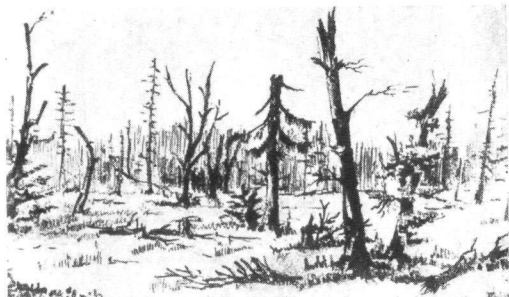
Юра Грязев.
Фото 1944 г.

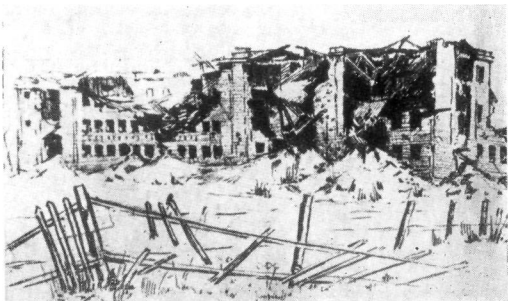
В. В. Карпов.
Фото 1941 г.

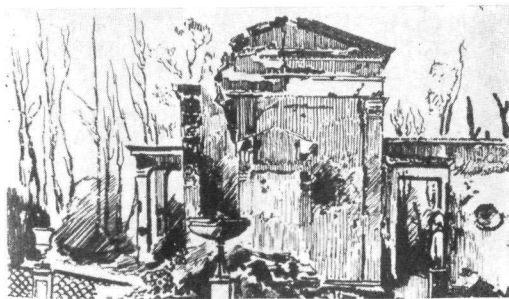
Парадный дворик. *Рисунок А. А. Трошичева.*

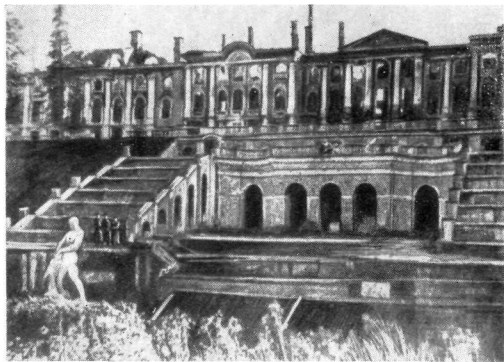
Английский парк. *Рисунок В. И. Бухарина.*

Разрушенное здание школы. *Рисунок В. В. Лебедева.*

Разрушенная дача композитора Рубинштейна.
Рисунок А. М. Меленгьева.

Большой петергофский дворец в 1942 году. Снимок из немецкого журнала.

Здесь был враг.. Фотографии, сделанные М. А. Величко в Петергофе.

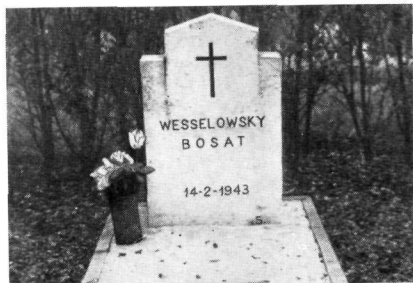
Снимки из немецкого альбома, найденного в Петергофе.

М. А. Бонжус.
Фото 1944 г.

А. А. Серебровская.
Фото 1943 г.

Могила В. А. Веселовского в Милане.

Обелиск в честь погибших курсантов Военно-морского хозяй-
ственного училища ВМФ.

Стела в память героев.

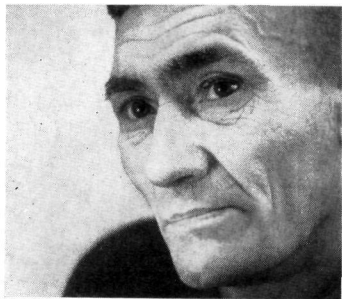
И. Л. Буняев.
Фото 1940 г.

Н. М. Силкин.
Фото 1941 г.

Г. Г. Титунин.
Фото 1940 г.

Кадры из документального фильма Свердловской телестудии,
посвященного П. Л. Добрынину.

На улице Морского десанта.

Возложение венков на братскую могилу.

Матросы Учебного отряда КБФ на торжественной церемонии опускания венков.

В возрожденном Петергофе. Фото М. А. Величко.

крепок. Стараясь как можно дальше отойти от берега, юнга сбился с пути. Вместо того чтобы идти в сторону Ораниенбаума, он направился по заливу туда, где в темноте таился спасительный, но такой далекий от него Кронштадт.

Двигаться было все труднее. Лечь на лед, немного отдохнуть... Нельзя! Он должен дойти, должен передать записку.

...Печка в караульном помещении была жарко натоплена, сквозь высокое окно пробивался сумрачный зимний день.

Юра лежал на постели, прикрытый темно-серым одеялом.

«Куртка, где моя куртка?! — подумал мальчик. — Ведь там под воротником записка».

Юра не знал, у своих он или у фашистов. Может быть, немцы подобрали его, обессилевшего, на льду и сейчас попытаются выведать все.

— Очнулся, сынок? — дружелюбно пробасил кто-то. Голос был знакомый. Юра обернулся.

В белом полушубке, затянутом ремнями, и ушанке с кожаным верхом и «крабом», на него глядел багроволицый с мороза, немолодой командир.

Юра узнал его. Это был капитан с Ораниенбаумского «пяточка», послывавший его и Расторгуева в разведку.

— Где я?

— В Кронштадте, где же еще? Что — не веришь? Гляди, — указал он на ясно видную сквозь окно шпанку Кронштадтского собора.

— Записка! — шепотом проговорил мальчик.

— Всё, всё нашли, — отозвался капитан. — Спасибо тебе, Юра! Лежи, отдыхай, поправляйся, ты свое дело сделал.

Записка, ради которой Юра шел через залив, стоявшая, быть может, жизни тому, кто писал ее, дошла по назначению.

Ее содержание Юрий Михайлович так никогда и не узнал.

Не знает он до сих пор ничего и о судьбе Расторгуева и его товарищей по камере, спасших юному моряку жизнь.

Записка, доставленная Юрием Грязевым, была последней вестью о десантниках, которые в ночь на 5 октября 1941 года ушли из Кронштадта на петергофский берег.

Разведчик Карпов вспоминает

Долгое время нам не удавалось отыскать тех, кто бы мог полнее раскрыть историю поисков высаженного в Петергоф десанта.

Лишь в тридцатую его годовщину дал о себе знать человек, имевший непосредственное касательство к судьбам героев этой повести.

В газете «Кронштадтский рабочий» были опубликованы воспоминания подполковника запаса Виталия Васильевича Карпова.

Старый заслуженный балтиец и сейчас живет в Кронштадте, передавая опыт, морскую выучку молодому поколению.

Мы встретились с Виталием Васильевичем, участником трех войн — испанской, финской, Великой Отечественной.

Карпову было двадцать пять лет, когда он в 1937 году добровольцем сражался в рядах интербригадовцев в Испании.

Молодой коммунист зимой 1939/40 года служил на линкоре «Марат», участвовал в боях с белофиннами.

Осенью 1941 года старший политрук Виталий Карпов и его товарищи обеспечивали высадку на занятый фашистами берег Финского залива корректировщиков артиллерийского огня кораблей Балтийского флота.

Наиболее ответственным заданием для группы Карпова стал поиск петергофского десанта.

— В момент высадки десанта, — вспоминает Виталий Васильевич, — мы находились в районе Морского канала. Нашему радисту поручили настроиться на волну передачи десанта. Радист хорошо знал «почерк» своего товарища из отряда Ворожилова. Но уже к утру пятого октября связь оборвалась. Позднее мы получили боевой приказ скрытно проникнуть в Петергоф и узнать о судьбе моряков. В опасную операцию уходили ночью восьмого октября. Справиться с заданием было нелегко. На выполнение его полагалось тридцать шесть часов.

Если бы разведка к назначенному времени не вернулась, это означало бы, что моряки погибли. Но удача сопутствовала группе Карпова. Она благополучно высадилась на занятый фашистами берег.

Разведчики были одеты в гитлеровскую форму. Каски, маскировочные черно-желтые плащ-палатки, немецкого покроя сапоги, в руках трофейные автоматы.

Большинство людей в группе говорили по-немецки свободно. Разведчики должны были попытаться у самих же немцев узнать, что случилось с десантом.

Путь разведчиков был нелегким. Четырнадцать километров шли они по обочинам до окраин Петергофа.

Тяжелые мысли владели Виталием Васильевичем.

Почему уже четвертые сутки нет известий от десанта?

С наблюдательного пункта на Кронштадтском соборе, с вышки здания штаба были видны вспышки выстрелов на петергофском берегу. Там бой! Но десант дерется один с превосходящими силами врага.

А что, если фашисты с самого начала знали о готовящемся десанте? Не могло этого быть.

О нем знали лишь несколько человек на флоте.

Катерникам сказали, что их корабли уйдут на Лисий Нос для переброски войск в Ораниенбаум.

Краснофлотцы, отобранные в десант, из казарм больше не выходили. Каждому объяснили его задачу, рассказали об особенностях обстановки на берегу, сообщили возможные маршруты отхода.

— Забегая вперед, — вспоминает Карпов, — расскажу о том, как уже в конце войны, под Кенигсбергом, в руки балтийцев попал офицер абвера. Он сообщил о том, что находился в момент высадки кронштадтского десанта в Петергофе. Пленный показал: «Мы не ждали удара с моря. В Кронштадт нами был специально заслан человек, в задачу которого входило в случае обнаружения подготовки к выходу десанта оповестить нас сигналом. Такого сигнала не последовало».

..Светало. Разведчики группы Карпова вступили на окраину Петергофа. Здесь было множество землянок. В них еще недавно пряталось население, ушедшее из разбитых жилищ. Теперь землянки были покинуты, на дороге валялись брошенные пожитки. Где-то залаяла и испуганно смолкла собака.

— На шоссе, рядом с которым продвигался наш маленький отряд, появилась вереница фигур. Это шли раненые немецкие солдаты, направлявшиеся, как видно, в полевой госпиталь. Один солдат опирался на суковатую палку, у других были перевязаны руки, головы. К ним подошел патруль для проверки документов.

У Карпова мгновенно созрело решение: «Надо выдать себя за проверяющих. Немцы — народ дисциплинированный. Да и приглядываться к нам особенно не будут. Идут из разных частей, после боя...»

Повременив, пока первая встреченная ими группа скрылась из виду, разведчики приступили к выполнению предложенного командиром плана.

Двое бойцов встали на одной стороне дороги, еще двое — на другой.

«Проверка документов!» — строго произнес на отличном немецком языке один из разведчиков.

Солдаты стали послушно доставать удостоверения. Здесь были раненые фашистские вояки из-под Урицка, из Пскова и даже почему-то из-под Смоленска.

Карпов строго просматривал документы, величественным кивком разрешал продолжать путь.

Стало уже совсем светло, и командир счел за благо укрыться вместе со своими разведчиками в одной из оставленных землянок.

Некоторые полезные сведения они получили. Но главное, ради чего разведчики рисковали жизнью, продолжало оставаться тайной.

Посоветовавшись, разведчики решили: выход только один — надо брать «языка».

Но как? Днем, при небольшом, но все же регулярном движении?

Смуглый, остроглазый парень — одессит Иосиф Боркевич предложил: «Уж если брать, так офицера, который пойдет из госпиталя в тыл».

Наступил пасмурный день. Откуда-то доносились автоматные очереди.

Бой?

Находившиеся в землянке решили, что сидеть в ней молчком будет подозрительным.

Один из разведчиков приложил к губам гармошку, остальные под его аккомпанемент загорланили солдатскую песню. Разведчик обязан знать песни, которые поет враг.

...Обер-лейтенант, правая рука которого была в лубке, приветствовал веселых солдат, стоявших у входа в землянку. Он очулся связанным, в рот был втиснут кляп. В Петергофе оказаться в плену у каких-то солдат в форме рейха? Это было выше его понимания.

Десятидневный отгул после ранения грозил превратиться в нечто другое. Он просто не понимал, как могли эти немецкие солдаты оказаться товарищами моряков-десантников, ранивших его в недавнем бою. Вскоре офицер здраво рассудил, что уж лучше рассказать все ему известное, чем быть убитым.

«Отдельные группы моряков еще дерутся с нами», — сказал он на допросе.

«Там?» — спросил один из допрашивающих, кивнув в сторону, где опять прозвучали автоматные очереди.

«Нет, не там».

Он пояснил, что это стреляют в «царском тире». Немец назвал по-старому здание, где еще недавно обучались стрельбе курсанты и летчики.

Фашисты превратили здание учебного тира в застенок. В нем пытали и расстреливали раненых, захваченных в плен десантников.

С трудом сдерживаясь, Карпов сказал:

«Мы с удовольствием покончили бы с вами, но должны доставить вас живым. Если же...»

«Нет, нет», — испуганно проговорил немец.

Пленный показал: немецкое командование считает, что дни Ораниенбаума и Кронштадта сочтены.

«Мы и не думали, что десант пришел с моря. Скорее, что он сброшен с самолетов».

Но вскоре бой в Нижнем парке убедили врагов в противоположном.

— Как удалось вам доставить тогда «языка»? — спрашиваем мы Карпова.

— Фашисты, — рассказал он, — в то время были еще довольно беспечны. Защищая фланги, они не ввели сперва на захваченной территории у Финского залива пропуска. Это облегчило нашу задачу. Дождавшись темноты, мы доставили пленного без особых помех сперва к пригнанным шлюпкам, потом на мол, а вскоре в Кронштадт.

Мне кажется, — сказал в заключение Карпов, — что десантников перешло через линию фронта больше, чем мы знаем. Они уходили в бригады морской пехоты на Невскую Дубровку, под Пулковку. Помню нескольких замечательных ребят на госпитальных койках, в гипсовых и марлевых повязках. Моряки говорили: «Мы знаем, где братки! Дайте оружие, мы пойдем им на помощь!»

**Пропавшие
без вести —
вечно живые
в памяти!**

Небольшого роста худенькая женщина, низко склоняясь над штабной пишущей машинкой, печатала приказ, заготовленный начальником организационно-строевого управления штаба КБФ.

Пальцы тяжело ударяли по клавишам.

«Об исключении из списков личного состава КБФ младшего и начальствующего состава срочной и сверхсрочной службы, убитого и пропавшего без вести в войне с германским фашизмом...»

Слезы застилали женщине глаза. Ведь еще совсем недавно она печатала эти фамилии в списках живых, шедших в бой.

А сейчас?

«Десантный отряд КБФ под командованием полковника Ворожилова:

Абрамов Николай Александрович, краснофлотец, командор, пропал без вести.

Абросимов Михаил Васильевич, артиллерист, пропал без вести.

Анисимов Петр Яковлевич, главстаршина, пропал без вести.

Антошин Александр Михайлович, краснофлотец, котельный машинист, год рождения 1917, пропал без вести.

Арестов Николай Иванович, краснофлотец, строевой, год рождения 1920, пропал без вести.

Фамилии следовали одна за другой, и перед ее глазами словно проходил строй этих юных, полных жизни людей.

В списке было четыреста восемьдесят шесть человек. Отдельно перечислялись имена командиров и разведчиков, приданных десанту.

Этот приказ пошел на подпись командующему КБФ только тогда, когда все попытки узнать какие-либо подробности о судьбе отряда были исчерпаны.

Вскоре после этого Прасковья Тимофеевна Ворожилова, Анна Александровна Петрухина, мать Федорова Александра Николаевна, его жена Зинаида Александровна и многие, многие другие отцы, матери, жены, дети прочитали в «похоронных»: «Ваш муж... отец... брат... сын... в боях с немецко-фашистскими захватчиками пропал без вести...»

Страшно узнать о гибели близкого в бою. Еще горше годами хранить свидетельство о такой судьбе.

Но пропасть без вести еще не означает, остаться безвестным.

Когда сын Ворожилова Юлий приходил в Учебный отряд, немногие оставшиеся еще там ветераны звали одетого во флотское подростка на камбуз, старались от своего скудного пайка уделить ему кусок хлеба, миску супа.

— Это сын нашего Бати, — говорили они молодым.

Сын, жена, мать... Они никогда не забудут того, кто ушел и не вернулся.

Мать Вадима Федорова Александра Николаевна вспоминает:

«От Вадима я имела в начале войны только одну открытку от 18.IX-41 г. В ней он написал, что состоит в Краснознаменном Балтийском флоте и, как всегда: «...я бодр, здоров, готов к борьбе с врагом». Так же как Вадим, настоял на отправке на фронт и другой сын — Евгений, который пошел добровольцем. Его задерживали в тылу из-за крайне слабого зрения. Старший сын был призван в августе сорок первого как артиллерист. Я знала своих сыновей, знала, что они верные сыны Родины и будут ее защищать. Сначала о Вадиме мы ничего не знали, письма, телеграммы куда-то тонули без всякого ответа. Тяжело это было. И хотя меня успокаивали, я чувствовала, что случилось что-то непоправимое, но старалась в то же время поддерживать надежду на лучшее. И теплилась эта надежда долго, даже после Победы. Я обгоняла при встречах каждого моряка: не сын ли это?»

...Вы, конечно, понимаете, как велико мое горе, горе матери, потерявшей почти одновременно двух сыновей.

Горе пережито, но любовь к ним и память о них навсегда в сердце матери.

Хотелось больше и лучше работать. Кроме того, если я раньше работала как беспартийный большевик, то в сорок пятом году я подала заявление о приеме меня в Коммунистическую партию. Была принята...»

Александра Николаевна Федорова писала это, когда ей исполнилось семьдесят пять лет. Из них пятьдесят восемь отдано педагогической работе.

Были на флоте люди, которые память о бойцах отряда Ворожилова сберегали всю войну, да и поныне хранят свято.

Это адмирал, член Военного совета ВМФ Василий Максимович Гришанов, служивший в юности вместе

с Ворожиловым и Петрухиным в Учебном отряде. Он многое сделал для семей погибших моряков, для увековечения их памяти.

Это военный моряк, ныне живущий в Липецке, флотский литератор Сергей Панюшкин. Он, словно реликвию, сохранил маленький любительский снимок своего погибшего друга — политрука одной из рот отряда Михаила Рубинштейна. Панюшкин пишет нам: «На днях в своем архиве я обнаружил его фото. Фото, прямо скажем, неважное. Зато я вижу в нем каждую черточку своего друга, умного и отважного молодого коммуниста Миши Рубинштейна. Возбуждать в других добрые начала было органической чертой его характера... Да, конечно, это он писал записку. Это его характер, это почерк его души! И подпись «Мишка»! Все его так любовно звали, и он так привык к этому, что и себя называл «Мишка». Кто же мог другой подписаться так! Больше того, подписать предсмертную записку просто именем — это опять-таки в его характере: скромный воин, умирая, не заботился о том, чтобы как-то прославиться...»

Тайна гибели петергофского десанта волновала и Всеволода Вишневского. В 1943 году, работая над пьесой «У стен Ленинграда», писатель вновь обратился к этой теме.

Командир бригады морской пехоты, стоявшей насмерть осенью сорок первого на защите города Ленина, читает своим бойцам записи из дневника захваченного в плен фашиста: «Заняли Петергоф — живописное место, где жили русские цари летом. Поход подходит к концу. Чистим взятый город. Русские сами себе вырыли могилы. Эзекции подверглось семейство пять русских обоего пола. Потерь во взводе нет». Зная метод работы Всеволода Вишневского, мы не сомневаемся в том, что здесь приводится выдержка из подлинного дневника.

И одержанная героями пьесы Вишневского победа над врагом — это как бы продолжение, исполнение того, что не удалось осуществить кронштадтским десантникам.

Долгие годы нами накапливался, собирался материал для этой повести. Нас поддерживали в поисках многие бывшие фронтовики, приславшие правдивые свидетельства, воспоминания.

Сергей Васильевич Беляев воевал на Балтике. Осенью 1941 года он шел на поддержку десанта с подразделением морской пехоты, а потом был на Ораниенбаумском плацдарме. Беляев пишет:

«Форпостом Малой земли у Старого Петергофа стал Английский дворец. Вблизи дворца представлял собой печальную картину. Весь израненный, без крыши, он тем не менее, как богатырь, еще стоял твердо. Вокруг — траншеи, пулеметные точки. Цитадель стояла. В ней никогда не были гитлеровцы. Но каждый день, подвергаясь обстрелам и бомбардировке, дворец все больше и больше разрушался, все ниже и ниже опускал седую голову, однако на колени не становился...»

Фашистов приводила в бешенство стойкость защитников Английского дворца. Его подвергали обстрелу из тяжелых орудий. Только в течение одного из зимних артиллерийских налетов гитлеровцы выпустили по дворцу свыше трехсот снарядов.

Авиабомбы врага варварски уничтожили творение архитектора Кваренги. Лепные золоченые потолки, мраморные колонны, уникальная стенная роспись — все было сметено беспощадным огнем.

В те годы бойцами на Малой земле была сложена песня:

Вспомним, товарищи, мы ветеранов,
Героев смертельных атак,
Кто в Петергофе погиб у фонтанов,
Врага не пустил в Ленинград!

А люди сражались!..

Здесь, у этих руин, с конца сентября 1944 года и до победных дней января 1944 года, когда наши войска нанесли по врагу удар с Малой земли южнее Ораниенбаума, проходил передний край Приморского плацдарма.

Ораниенбаум под защитой мощных орудий фортов Красная Горка и Серая Лошадь, оцетинившийся матросскими и солдатскими штыками, продолжал оставаться неприступной крепостью. Здесь действовали морская пехота, артиллерия, соединения балтийских летчиков, штурмовщиков и истребителей. Была на Ораниенбаумском «пяточке» и своя железная дорога, по которой в тыл врага прорывались бронепоезда. На одном из них — «Балтиец» — среди других орудий стояло и снятое с крейсера «Аврора». Глаза и уши Ораниенбаумского плацдарма день и ночь следили за врагом. Метко били по фашистам снайперы.

Рядом была отторженная врагами, искалеченная родная земля.

Мы имеем возможность на страницах этой книги привести редчайшие свидетельства — зарисовки трагических и героических мест Старого Петергофа, сделанные фронтовиками-художниками на передовых позициях.

Их было пять человек — командиров и бойцов 48-й стрелковой дивизии имени М. И. Калинина, сражавшейся на Ораниенбаумском плацдарме: А. Трошичев, А. Мелентьев, М. Кузеванов, В. Бухарин и В. Лебедев. Находившиеся непосредственно в боевых порядках, они выполняли и раньше по заданиям командования натурные зарисовки на переднем крае, заноса на них огневые точки противника, отмечая глубину эшелонирования.

Весною 1943 года по инициативе Александра Александровича Трошичева политотдел дивизии поручил художникам создать серию документальных рисунков — свиде-

тельств того, во что превращены фашистами эта земля, прекрасные строения, возведенные здесь когда-то гением русского народа. Художники делали зарисовки в зоне обстрела, на «ничейной» земле, рядом с врагом.

Виктор Васильевич Лебедев, ныне преподаватель Института живописи имени Репина Академии художеств, работал тогда в дивизионной газете. Он и его товарищ — сержант Владимир Никитич Бухарин, теперь доцент Московского высшего художественно-промышленного училища, под прицелом немецких снайперов пролежали несколько часов, не поднимая головы, но рисунки все-таки сделали.

С волнением рассказывает доцент Института имени Репина Александр Александрович Трошичев о самом молодом своем товарище — студенте Ленинградского строительного института Михаиле Кузеванове.

Зарисовки Старого Петергофа стали его последней работой. Он погиб в зимних боях 1944 года, освобождая Ленинград от блокады.

Приближался час возмездия за муки Ленинграда, за преступления, которые совершили гитлеровцы на опустошенной, поруганной петергофской земле.

И снова на передовой перед боем войны вспоминали о тех, кто «погиб у фонтанов, врага не пустил в Ленинград».

Много я видел и много я знаю,
С братьями долю деля.
Только всех памятей сердцу родная
Малая наша земля.

Здравствуй, пристанище сильных и смелых
На потаенной тропе,
«ИЛы», летящие в бой под обстрелом,
Вкопанный в землю КП...

Утлой печурки горячее пламя,
Нары, за дверью метель...
Песня, что сложена здесь моряками,
Не позабыта досель.

Пела ее молодая пехота,
Что, погрузясь на суда,
С танками, по справедливому счету,
Шла для возмездья сюда.

Балтика в зимней ушанке, в бушлате,
В блеске литых якорей,
Пела ее на воскреснем «Марате»
И у стволов батарей.

И, долетая в плененные дали,
В черных чащобах, в лесах,
Грозную песню ветра распевали,
Сея в захватчиках страх!

1966 г.

В освобожденном Петергофе

Долгожданное январское наступление 1944 года. Войска 2-й ударной армии, переправленные на кораблях Краснознаменного Балтийского флота на Ораниенбаумский плацдарм, нанесли врагу сокрушительный удар.

В ночь перед наступлением фашистскую оборону бомбардировала авиация дальнего действия. Затем утром 14 января заговорили орудия артиллерии 2-й ударной армии, обрушившей на врага свыше ста тысяч снарядов и мин.

В этом огневом ударе участвовала и артиллерия главного калибра фортов и кораблей Балтийского флота. Перед ней была поставлена задача — сопутствовать наступающим войскам в пределах дальности своего огня, помогать Приморской группе войск силами морской авиации.

Разве забудут ленинградцы, сражавшиеся на Малой земле, то грозное январское утро?! Грохотали небо и земля. Над аэродромом балтийских штурмовиков, готовившихся к боевым вылетам, с тяжким шуршанием пронеслись в снеговых облаках снаряды.

Погода была пелетная, видимость нулевая, снеговая завеса окружала выруливающие на старт «ИЛы». Но самолеты поднимались один за другим. Они шли вершить возмездие.

Два объявленных фашистами неприступными оборонительных пояса, душившие Ленинград целых девятьсот дней, были прорваны. Фронт прорыва наших войск на всю глубину обороны противника расширился на десятки километров.

Освобождены Пушкин, Павловск, Петергоф, осадная артиллерия в районе Дудергоф—Воронья гора уничтожена, у врага захвачено двести стволов.

Двадцать пять тысяч солдат и офицеров потерял противник за эти шесть дней наступления Ленинградского фронта.

Какую страшную память оставили о себе фашисты!

Чтобы сейчас вернуть ощущение пережитого в этот счастливый, но такой горький день освобождения Петергофа от гитлеровских убийц, обратимся к фронтовой корреспонденции. Вот ее текст:

«Немцы называли Ораниенбаум «котлом». Они разглядывали его в дальномеры, расстреливали из орудий. Тяжелые испытания выпали на долю этого старого маленького города.

Да, Ораниенбаум был котлом, в котором бурлила наша ненависть, наш гнев. И вот котел раскрылся, и огненная лава выжгла фашистскую нечисть.

Мы выходим на Петергофское шоссе. Более двух лет оно было мертво, и только разрывы снарядов да свист пуль наших снайперов напоминали о том, что множество пристальных, ненавидящих глаз следит, охотится за врагами.

Теперь шоссе оживило, в снег вдавлены квадратики автомобильных шин, по дороге идут бойцы, обозы.

Старый Петергоф... Искалеченные деревья, красные пирамиды — памятники бойцам, павшим здесь на границе Ораниенбаума и Петергофа.

Надолбы, слева затянутый льдом залив, дорога все суживается.

Дальше машины не идут. Сейчас кончится земля, еще недавно бывшая «ничьей». И вот мы входим в Новый Петергоф.

Деревья без вершин, кроны срезаны снарядами. Разрушенный, сожженный Петергофский дворец. Это зрелище так жестоко, так страшно, что сначала кажется почти нереальным. Только уродливые клетки стен с провалами окон глядят на взморье. Нет пленительных статуй «Самсона», «Нептуна», «Львиного каскада»... Все истреблено фашистскими варварами.

...Проходящие мимо бойцы глядят на безобразные развалины и что-то безмолвно шепчут. Это слова гнева, слова проклятия.

Перегоняем саперов. Красный проспект — теперь улица руин.

Здесь немцы еще совсем недавно ходили, гадили, смеялись, рассказывали друг другу плоские анекдоты.

Спускаемся в подвал — здесь они жили.

Штабеля наколотых дров — это изрублены деревья петергофского парка. На столе парафиновый светильник, тарелка с едой, какие-то мази и кремы. На стенах — вперемежку — сентиментальные и порнографические открытки.

Ветер шелестит листьями новогодних немецких газет...

Кресты, черные траурные рамки...

В центре Петергофа немецкое кладбище — лес желтых крестов.

Нижний парк. Ходы сообщений, позиции, откуда вели огонь вражеские артиллеристы. Валяются картонки с

обозначением секторов обстрела, с именами солдат — убийц женщин и детей.

Мы возродим наш Петергоф из пепла развалин.

Снова помчатся с Балтийского вокзала голубые электропоезда.

И моряк, держась за поручни вагона, скажет девушке:

— Отсюда раненым я уходил в 1941-м, сюда я пришел в 1944-м.

Ленинградский фронт, 27 января (по телеграфу)¹.

К этим давно написанным строкам хочется добавить еще многое, вспоминающееся сейчас.

Бурые каменные коробки разбитых домов на Красном проспекте. Напротив разрушенного здания школы фашистское кладбище. Огромный тевтонский крест со свастикой в центре. Множество одинаковых, по-немецки аккуратных могил. Даты смерти. Большинство из них относятся к сорок первому году. Это память о залпах крепостных фортов, это и след от львиных когтей балтийского десанта.

В подвалах, где жили гитлеровцы, брошенные эсэсовские мундиры со знаками черепов. Эрзац-елочки с маленькими свечками, перевитыми серебряной и золотой фольгой.

Все тупо-однообразно, унифицированно, заштампованно: и эти идиллические свечки, и аккуратно уложенные в коробки грошовой часы — рождественские подарки солдатам...

Нам попалась в подвале толстая книга — справочник «Что нужно знать немцу на Востоке».

Немецкие фразы, русский перевод в латинской транскрипции. На обложке надпись: «Только для внутреннего употребления в германской армии».

¹ В. Азаров. Мы отомстим за тебя, Петергоф. «Правда», 28 января 1944 г.

Большинство страниц этого «словаря» было заполнено требованием еды, обуви, одежды.

«Двадцать ещ, свиное сало, мы изготавим иаищицу глазуниу».

Вот страница, посвященная... гусям.

Мы не прибавляем ни слова.

«Да, этот, как следует гусю быть. Мы вазмиом фсех. Толико зареш нам, некогда ждать. Периа можеш взять себе».

В этом «периа можеш взять себе» вся гнусная сущность диничного грабежа.

И это в городе — сокровищнице мировой культуры!

Вот найденный в одном из подвалов журнал. Фотография — маленькие фигурки немцев рядом с плененным, но не покорившимся «Самсоном». Дата — 1943 год...

И еще одна находка — небольшой альбом. Снимки: самодельный оркестр у стены Монплезира, пропеллер над входом в старинное здание, превращенное то ли в склад, то ли в мастерскую. Полуобнаженный гитлеровец, блаженно греющийся на солнышке.

Да, им хотелось видеть себя такими, хотелось где-нибудь — в Кёльне или Мюнхене, дома или в кабачке — вспомнить о «зимней петергофской кампании», хвастаться трофеями.

Но есть в этом альбомчике фотография, отбрасывающая зловещую тень на все остальные. Фашистское военное кладбище. Тот, кто его снимал, снял пенароком и тень гитлеровского солдата, стоящего возле надгробия.

Нет, «петергофская кампания» закончилась совсем по-другому, чем предполагали враги.

Пещерная тьма, тусклые огоньки светильников, неистребимый запах дешевого чужого одеколona, табака, сапозной мази, коночи.

Скорее на свежий воздух!

От солнца, от яркого снега слепит глаза. Голубое зимнее небо глядит сквозь проломы окон Большого дворца.

Книжка в темно-красном переплете на снегу — томик Гейне с печатью дворцовой библиотеки. А внизу гигантская, страшная воронка. Слово и не было Большого каскада, не было мускулистого, сверкающего, точно отлитого из расплавленного солнца, гиганта. И не было позолоченных наяд, сирен и тритонов, льющих хрустальные водяные струи.

Всюду лишь снег и лед, бесформенные, уродливые глыбы. И колючая проволока, мерзость запустения и аккуратные дощечки с надписью по-немецки: «Опасно. Мины!»

В Нижнем парке стояли замаскированные фашистские орудия, постоянно нацеленные на Кронштадт. А рядом с ними, у заминированной прибрежной полосы, вилась зловещими змеями проволока, на шипах которой кое-где висели еще с тех трагических осенних дней ключья черных, с позеленевшими пуговицами матросских бушлатов.

Лишь много позже, когда саперы тщательно прочесали всю местность, обезвредив мины, с поля смерти, недалеко от гранитной фабрики, удалось снять останки бойцов. В трубочках смертных медальонов — их сохранилось немного — значились имена балтийских моряков.

В тот скорбный день первого свидания с растерзанным Петергофом в этих местах побывала искусствовед, главный хранитель богатств его музеев Марина Александровна Тихомирова. Ее товарищам пришлось под огнем вывозить в Ленинград многие музейные ценности. Они хранились всю блокаду в подвалах Исаакиевского собора.

Она пришла с саперами в дороге ей места, чтобы отыскать скульптуры фонтанов, зарытые в парке.

Это было нелегко, — ведь изменился даже рельеф местности, исчезли знакомые ориентиры.

Где «Галатея», «Персей», где «Пандора», из ларца которой словно и впрямь вырвались на свет неопишущие чудовища?

Позднее в поисках оставленного музейного имущества Тихомирова проникла в подвал гранитной фабрики. Очевидно, там в 1941 году размещался подземный фронтальной госпиталь.

На койках лежали останки обезглавленных советских воинов. В изголовьях — бескозырки, каски... А головы (некоторые из них в противогазах) зловещей пирамидой чернели в углу.

О своей страшной находке Тихомирова доложила Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний.

В эти дни побывал в разрушенном фашистами Петергофе и проработавший всю блокаду в Ленинграде один из старейших мастеров фотографии Михаил Антонович Величко.

До войны Величко часто навещал пушкинские места, детскосельские и петергофские парки. Он снимал дорожки нам уголки, где стараниями советских людей бережно сохранялись заповедные сады и рощи, памятники, творения мастеров архитектуры.

Теперь на долю ему выпало запечатлеть смертоносные разрушения и зло, причиненные русской культуре фашистами.

Его снимки стали свидетельствами обвинения, предъявленными фашистским вандалам на Нюрнбергском процессе.

Михаил Антонович Величко вспоминает о том, как вблизи гранитной фабрики весной 1944 года погибла девушка-сандружинница. Она увидела лежавшую прямо на земле горку полудрагоценных камней: яшмы, сердолика, горного хрусталя. Их грани сверкали на солнце.

И, поддавшись очарованию этой красоты, девушка дотронулась до камней.

Раздался взрыв, — среди самоцветов были заложены мины.

Когда на другой день Величко пришел в эти места, он увидел среди расколотых черных деревьев свежий могильный холмик. Там была похоронена подорвавшаяся на mine девушка.

Положенная кем-то из ее товарищей друга хрустала искрилась в солнечных лучах на могиле.

...Боевую операцию по разминированию побережья от уреза воды до Приморской железной дороги было поручено осуществить инженерным частям Краснознаменного Балтийского флота. Ими руководил лучший минер Балтики инженер-подполковник Николай Георгиевич Арзуманов.

Там, где в октябре 1941 года был высажен десант из Кронштадта, фашисты создали многоярусное минное поле. Немцы находились в Петергофе свыше двух лет. Перед каждой зимой они, опасаясь появления балтийцев, заново минировали прибрежную полосу. Когда лед стаял, минное поле уходило под воду; в следующую зиму над ним выросло другое.

Теперь балтийцы объявили минам войну.

Весь разведотряд 260-й бригады морской пехоты был в Петергофе уже в первые часы после его освобождения. Из Кронштадта на лыжах пришли те, кто в 1941-м, 42-м, 43-м на заминированном льду вел наблюдение за врагом.

Балтийцы шли через фашистское минное поле. Сапер-разведчик 260-й бригады Федор Мишин голыми руками разминировал проход во льду; за Мишиным цепочкой, в затылок друг другу, двигалась флотская разведка.

Единственное живое существо встретили они в Петер-

гофе. Это был котенок. Моряки передавали его из рук в руки, грели под бушлатами.

Над куполом разбитого собора балтийцы увидели поднятый солдатами, освободителями Петергофа, красный флаг. Они салютовали ему автоматными очередями.

Вместе с разведчиками в Петергоф пришли саперы. В руках у них были щупы, миноискатели.

Так начался многодневный поединок со смертью. В нем участвовали 76-й отдельный инженерный батальон КБФ и отдельная саперная рота 260-й бригады.

Каждая тропинка среди развалин и поверженных деревьев таила смертельные «сюрпризы». Фашистами были заминированы все уцелевшие мостики.

Мины попадались и просто на дороге, за дверями домов, в брошенных вещах. За одной из дверей на замаскированном шнуре были соединены между собой спрятанные в разных углах квартиры три фугасные мины. Они висели и на проволочных заграждениях. От каждой рогатки к фугасам тянулось до ста пятидесяти проволочек. Натяжение любой из них грозило гибелью.

Одни мины обезвреживались, другие взрывались.

Минерам помогали собаки, прошедшие специальную подготовку. Они остро воспринимали запахи мин.

«Сюрпризы» ожидали людей повсюду. Особенно коварной считалась мина-ловушка. Достаточно было дотронуться до одного из ее усиков, как мина подпрыгивала и, взрываясь, выбрасывала сотни шрапнельных пуль. На одной из таких ловушек большой мощности погиб при разминировании фонтана «Солнце» сержант Гурий Андреевич Севрюгин, комсорг саперной роты. Он родился в 1924 году в Чувашии.

Севрюгина похоронили в Петергофе, его залитый кровью комсомольский билет товарищи принесли в политотдел 260-й бригады.

Среди балтийских героев были и девушки. Благодаря аккуратности, бдительности комсомолки Ани Беликовой в ее отделении, разминировавшем самые опасные участки, не было за все время ни одного подрыва.

Но нередко и самого удачливого здесь подстерегал слепой случай.

Генерал-майор медицинской службы в отставке А. В. Смольников в своей статье «Как был разминирован Петергоф» вспоминает:

«Аня Паренкина, совсем юная еще медицинская сестра, дежуря на участке, услышала глухой звук взрыва и увидела падающего солдата. У пострадавшего было сильное кровотечение из раны на ноге. Аня быстро наложила жгут на ногу и перевязала рану. Надо было немедленно вынести раненого с минного поля и доставить на медпункт. На помощь подошли два минера. Уступая им место, Аня сделала шаг в сторону. Этот шаг стоил ей жизни»¹.

На обезвреженной минерами Балтики земле выростали горы корпусов теперь уже неопасных мин. Всего в районе побережья от Ленинграда до Ораниенбаума ими было разминировано 282 минных поля, снято и обезврежено 104 800 мин.

Возвращались угнанные фашистами жители. Партийный, комсомольский актив, считая каждое свое, пусть даже на первый взгляд незначительное, дело главным, помогал возрождению города.

Дать жителям кров, хлеб, свет, работу было самым важным. Но не менее важным стало и возрождение всемирно известных фонтанов.

Иван Филиппович Цыганков, начальник милиции, уехавший из Петергофа в сорок первом в числе последних, вернулся на свой боевой пост.

¹ «Красная звезда», 3 августа 1966 г.

Вместе с работниками дворца-музея руководил он теперь и розыском закопанных в землю скульптур.

Над одним из таких захоронений фашисты возвели блиндаж. Разумеется, они не знали, что буквально в десятках сантиметров от его основания зарыта скульптура фонтана «Ева». Только после того, как блиндаж был разобран, удалось извлечь лишь слегка пострадавшую статую.

Вспоминали ли тогда в Петергофе о морях-десантниках?

Да, вспоминали. Но из тех, кто мог хоть что-либо о них рассказать, в городе почти никого не оказалось. Да и жизнь требовала теперь не воспоминаний, а забот о сегодняшнем и о завтрашнем.

Мария Алексеевна Королькова, бывшая тогда секретарем районного комитета ВЛКСМ, отыскала дневник наиболее важных событий в жизни города, в которых самое непосредственное участие принимал и комсомол.

«Январь 1944 года. 19-го. Петергоф освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

Февраль. 1-го. Прибыли подразделения МПВО.

4-го. Открыто почтовое отделение.

5-го. Открыта столовая для работников районных организаций.

19-го. Организована районная плановая комиссия.

23-го. Открыт районный клуб на улице Коминтерна в помещении столовой. Танцы проводятся под патефон.

Март. 23-го. Открыта районная амбулатория.

Апрель. 8-го. Первое заседание Исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся.

20-го. Бригада треста «Ленводоканал» приступила к восстановлению городской канализации.

24-го. Организована районная государственная санитарная инспекция...»

И так из месяца в месяц.

Двадцать восьмого мая было восстановлено пассажирское движение между Новым Петергофом и Ленинградом.

Шестнадцатого июня открылись ясли на шестьдесят мест.

Большим праздником для жителей Петродворца — так теперь назывался Петергоф — стали дни, когда в воскресный город пустили воду.

Заместитель председателя исполкома Петродворца Георгий Петрович Ворселев, на котором лежали все заботы по восстановлению коммунального хозяйства, вспоминал:

— Нам удалось дать воду в Петродворец еще до подачи электричества. Немцы не пользовались Ольгиным прудом — основным водоемом города. После того как вычистили пруд, мы использовали старые системы и наполнили его водой. Ее прибыло так много, что пруд переполнился и вода залила ближайшие улицы. Это и навело на мысль, что можно обойтись и без электричества. С трудом нашли мы несколько вводов и, проверив подземную магистраль, обеспечили действие нескольких водопроводных будок в разных концах города.

Шестого мая была открыта городская баня. И еще — столовые, магазины, парикмахерская.

Петродворец, словно тяжело и долго болевший человек, теперь с жадностью тянулся к жизни.

И наконец, в декабре 1944 года здесь зажегся электрический свет.

После подачи воды это была вторая большая победа. Далась она нелегко. Специалистов не было. Не было опыта, нужных чертежей. Были: Костя — связист из пожарной охраны и пятнадцать женщин, вернувшихся из фашистской неволи...

Для того чтобы провести из Ораниенбаума линию электропередачи через Старый Петергоф, Английский

парк, пришлось ставить столбы на еще не разминированном пространстве протяженностью в три километра.

Петродворец был первым из освобожденных пригородов Ленинграда, получившим электроэнергию.

Редкие лампочки засветились над Красным проспектом, отразились в ледяном зеркале Ольгина пруда. Этот свет патриотам Петродворца казался ярким, словно праздничная иллюминация.

В клубе на улице Коминтерна молодежь готовилась торжественно отпраздновать Новый год. Поставили елку, украсили ее самодельными игрушками.

И когда механик кинопередвижки включил гирлянду красных, зеленых, голубых электрических лампочек, у многих на глазах заблестели слезы.

Танцевали под патефон девушка с девушкой: парней почти не было, только старшеклассники. Мужчины и юноши призывного возраста сражались на фронте.

А потом одна из девушек, высокая, светло-русая, запела. Это была известная песня фронтовых госпиталей, родившаяся еще в 1941 году:

Наложи мне, сестрица, повязку,
Кроме раны, еще и на грудь,
Чтобы сердце, забывшее ласку,
Успокоилось как-нибудь.

Минет время, на фронт я уеду,
Идут меня боевые дела,
Но отпраздновать нашу победу
Я вернусь непременно сюда.

В городок уютный и дальний,
Где я был в сорок первом году,
Я приду в этот дом госпитальный
И тебя непременно найду...

— С Новым годом, девочки! Придут милые с фронта с победой!

— Придут, да только не все...

И в этот миг не одному из присутствующих почудилось: в такую же глухую петергофскую ночь, с автоматами в руках, в черных бушлатах, в бескозырках, поднимаются для последнего своего броска матросы погибшего и все-таки бессмертного кронштадтского десанта.

В заколоченные окна бил ветер с залива.

Так встретила юность Петродворца новый, 1945-й, последний фронтовой год!

На запад

Вел из Кронштадта снова путь на запад,
И за плечами, дерзостен и тверд,
Солоноватых волн вдыхая запах,
Матросов провожал глазами Петр.

И все родное, все пережитое,
Как отголосок песни камыша,
Что рос из сердца павшего героя,
В бой уносила флотская душа.

Шли катера в стремительном разбеге
Туда, где был повержен враг навек.
Бойцы Невы форсировали Прегель,
Солдаты штурмовали Кенигсберг.

1945 г.

Петергофский десант! Он вспоминался нам неотвязно, когда в апреле 1945 года в Восточной Пруссии готовился десант балтийской морской пехоты на косу Фриш-Нерунг.

В Пиллау (теперь он называется Балтийск) поражало хаотическое нагромождение размоленной фашистской военной техники, крошево камней и железа. Какой горькой насмешкой немцев над собой казались графареты надписей на обломках зданий: «Камни руются — наши сердца несокрушимы!»

А поверх гордо и твердо: «Слава гвардейцам Толстиков!»

Пиллау, а после его падения узкая песчаная коса Фриш-Нерунг, идущая вдоль залива к Данцигу, стала последней дорогой отступления для разгромленной Советской Армии у Кенигсберга фашистской группировки.

На косе гитлеровцами была создана мощная, глубокоэшелонированная оборона. Туда-то и предстояло высадиться с кораблей бойцам нашей морской пехоты.

Этот десант должен был совпасть с ударом армейских частей. Командование КБФ предприняло эту операцию для того, чтобы перерезать фашистам последний путь отступления, помешать их отходу на запад.

Одновременно на косу в районе Вальхалле, в Данцигской бухте, был высажен сводный полк 38-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием полковника Белого.

Со стороны Пиллау предпринята была высадка усиленного сводного полка 260-й бригады морской пехоты под командованием полковника Добротина и сводного полка 13-го гвардейского стрелкового корпуса; этим полком командовал подполковник Козлов.

Особая задача выпала на долю отдельного батальона морской пехоты, во главе которого находился один из опытейших десантников Балтики подполковник Лейбович.

Штаб батальона — маленький домик неподалеку от электростанции в пригороде Кенигсберга — Пайзе. В зда-

нии электростанции щиты управления забаррикадированы невысокими кирпичными стенами. Всюду надписи: «Фюрер призывает...», «Фюрер требует...». Он уже не мог призывать, ему не с кого было требовать!

У входа в штаб — часовой в форме пехотинца, с бурами «БФ» на погонах. Его товарищ присел на крыльце, разбирает, чистит автомат. Они земляки, саратовские трактористы, комсомольцы. Вместе работали, вместе пошли воевать.

Ждем комбата.

— Вот Батя, — говорит боец, указывая на дорогу, по которой торопливо идет человек в фуражке с широким козырьком, в гимнастерке с орденами. Он кавалер четырех орденов Красного Знамени.

У Александра Оскаровича Лейбовича хорошая родословная. В маленьком городке Стародубе его дед был знаменитым кузнецом, вдохновенным мастером. Кузнецом был и отец Лейбовича.

Иная судьба выпала сыну. Она одарила его воинской удачей, послала воевать на Балтику.

На Балтике подполковник служит давно. Он участвовал во многих дерзких и опасных боях, прославивших балтийскую морскую пехоту.

Комбат входит в штаб, его окружают командиры рот и взводов.

— Готовность номер один, выход ночью, — объявляет он, открывая короткое совещание. — Мы в первом эшелоне, вместе с первым батальоном бригады. Нам нужно захватить поселок Нойтиф. Там находится электростанция и крупнокалиберная стационарная батарея. Первому батальону майора Семенова поставлена задача соединиться с подразделениями десанта, высаживаемого в Данцигской бухте, занять оборону поперек косы и не пропустить противника на юг. Всё!

Темно-красное солнце садится за сосны. Пехотинцы в полном боевом снаряжении готовятся к посадке на катера...

Перекур, спокойная, негромкая беседа... Кажется, что люди отправляются в шахту или в цех на почную смену.

И только по возбужденному блеску глаз, по скрытому волнению догадываешься, что чувствуют эти люди, которым предстоит в самый канун победы, когда даже воздух пронизан ею, снова идти в бой.

На прикладах автоматов бойцы выжигали горящими угольками названия родных городов, кораблей. Весь Балтийский флот, вся Родина идут с моряками в этот десант.

На опушке леса появляется девушка в шинели. Это Марта Бонжус, санинструктор. С братской любовью и уважением относятся к ней ребята. Она была с ними в самых тяжелых боях, многие обязаны ей жизнью.

Марте двадцать один год, с четырнадцати она в комсомоле. В самом начале войны добровольно вступила в дивизию народного ополчения.

Под Нарвой медсестра Марта Бонжус приняла первое боевое крещение.

Разрывы мин и снарядов, пули. Стоны, крики раненых бойцов на берегу Наровы. Кого здесь только нет — одни совсем молодые, как Марта, другие пожилые. «Девочка, — говорил ей седоусый, тяжело раненный боец, — оставь меня, сама погибнешь!»

Но Марта вынесла его, как и многих других, из-под огня.

Лишь часть батальона, в котором находилась Марта, пробилась к Ленинграду.

Так случилось, что Марта Бонжус где-то в районе Стрельны оказалась в расположении балтийской морской пехоты. И это решило судьбу девушки.

Сейчас ей даже трудно вспомнить, каким образом она была зачислена в ряды моряков. Тельняшка, фланелевка... А вокруг черные от копоти боя матросы.

Маленькая, сероглазая, с санитарной сумкой на боку, Марта не страшилась огня.

Если говорить честно, она горевала лишь, когда в ее санитарной сумке иссякали индивидуальные пакеты, не хватало жгутов. Шприц, противостолбнячная сыворотка были для нее оружием, которым она боролась со смертью.

В зимние ночи по льду шла Марта с товарищами из Кронштадта в ледовую оборону под Петергоф. Ее видели в первых рядах десантников, штурмовавших острова Выборгского залива и Моонзундские острова. Когда требовали обстоятельства, она сама брала в руки оружие и защищала раненых бойцов.

Все вспомнилось ей теперь — и осень сорок первого, когда в одной из ожесточенных схваток под Петергофом она заменила убитого пулеметчика. Контузия, госпиталь... И вновь бои, ночные разведки на льду Финского залива...

И высадки на острова Бьергского архипелага... Какие там тяжелые ранения были у ребят! Почти все только в грудь и голову... И вступление в ряды Коммунистической партии.

На войне погибли все ее братья.

Гриша, артиллерист, отдал жизнь за Ленинград, Андрей, летчик, — за Украину. Толя, пехотинец, убит под Орлом.

...Четыре часа тридцать пять минут утра. Полная луна светит в темно-голубом небе. Катера один за другим идут к косе. Там враг, смертельно раненный и потому перед гибелью особенно опасный.

На берегу заметили приближение кораблей.

Может быть, среди фашистов были и те, что впервые встретились с балтийскими матросами лицом к лицу в Петергофе.

С флагманского катера взвивается красная ракета. Началось!

Десантники под пулями прыгают в воду. Многим она по грудь.

Скорее, скорее!.. Пушки, пулеметы с катеров бьют по берегу, прикрывая высадку. Отовсюду несетца: «За Родину!», «За Ленинград!», «За Смоленск!». Почти каждый боец произносит имя города, где он родился, за который сражался всю войну и сейчас идет в этот важный для дела победы десант.

Уже отчетливо видны в голубизне рассвета прибрежный песок, темно-зеленые ели...

Один из катеров разбит вражеским огнем, команда его устремляется на берег вместе с десантниками.

И вот он — берег... Некоторые ложатся на песок, за камни, но этого нельзя делать, нельзя оставаться на открытом месте.

Полковник Добротин, старый солдат, подает пример молодым. Вооруженный маузером, он бежит, громко повторяя: «Вперед, вперед, поднимайтесь!»

И моряки поднимаются, следуя за коммунистом, командиром, воплощением спокойствия, выдержки, воли.

Перед десантниками вражеские окопы. Оттуда бьет пламя. Матросы лавиной накатываются на фашистов. Завязывается рукопашный бой, грудь о грудь, где пущено в ход все, что может разить врага.

В первых рядах люди из батальона Лейбовича.

Морские пехотинцы врываются в поселок Нойтиф. Электростанция под землей, на ходу. Солдат, обслуживающих ее, моряки буквально отдирают от машин.

Подтянув резервы, немцы стали теснить десантников.

Трижды Нойтиф переходил из рук в руки. Но все же балтийцы одолели врага.

Жесткие бои завязались в районе тяжелой береговой батареи. Она была захвачена ротой старшего лейтенанта Яльцева.

Фашисты яростно контратаковали. У моряков иссяк боезапас. Яльцев приказал краснофлотцам прекратить огонь. Решил подпустить врагов поближе. В это время фашистский снайпер поразил Яльцева — одна пуля ударила в каску, другая пробила грудь. Теряя сознание, он еще успел сказать: «Оставьте меня, сами не отступайте!»

Василию Степановичу Яльцеву шед тогда тридцать третий год, но после Лейбовича он был в батальоне самым старшим. В партию вступил на фронте, в 1941 году.

— Слушай мою команду! Ротой команду я! — перешел по цепи мичман Копыльцов.

Немцы начали психическую атаку со стороны дюн и с фланга. С отчаянием смертников штурмуют они позиции балтийцев. Морякам видно: здоровенные, рослые парни, с непокрытыми головами, прижав к животам «шмайссеры», идут в полный рост. Первые ряды падают, скошенные очередями, задние пытаются прорваться.

Фашисты стали обходить моряков.

Мичман приказал: «Не отступать!»

Десантники заняли круговую оборону. Копыльцов, подустив врагов на двадцать метров, швырнул противотанковую гранату. Во вражеских рядах возникло замешательство.

— Не любите, гады!

Матросы поклялись: «Не уйдем! Будем драться до последнего».

Марта Бонжус переходит от раненого к раненому. Лицо ее почернело. Она делает перевязки, ободряет товарищей и зорко следит за тем, как из-за леса наступают

немцы. Потом переводит взгляд на свой автомат и продолжает перевязывать.

Неужели враги сомнут моряков?! Нет!

В море показались силуэты кораблей. Это подходили новые силы балтийского десанта. Катера бьют по вражеским пушкам, фашисты отвечают.

К шестнадцати часам второй эшелон — на косе. Их встретил огонь. Впереди атакующих командир 260-й бригады генерал-майор Иван Николаевич Кузьмичев.

Моряки на берегу, они карабкаются по камням.

В этом бою погибла любимица бригады санитарструктор Александра Серебровская. Шура Серебровская до войны была студенткой Московского государственного университета. Вместе со всей бригадой она прошла тяжкий путь испытаний. Еще накануне десанта на косу Фриш-Нерунг Шура говорила Марте Бонжус о своем горячем желании участвовать в этом бою, должно быть последнем в войне. И вот нет больше Шуры. Она лежит на прибрежном песке, сраженная снайперской пулей и осколком мины.

— Если бы я была рядом, — говорила позднее с горечью Марта, — я спасла бы ее, не дала бы истечь кровью...

В семье Серебровской сохранились ее письма с фронта.

«Дорогие мои, радуйтесь за меня. Помните, что я бесконечно счастлива, что смогу отдать делу защиты нашей прекрасной Родины все, что в моих силах».

Это в первые дни прибытия на Балтику.

«Нас бросала молодость на кронштадтский лед!» — писал о поколении отцов Марта Бонжус и Шуры Серебровской певец Революции Эдуард Багрицкий.

А Серебровская на кронштадтском льду в одну из тяжелых ночей зимней обороны встречала на виду у занятого фашистами Петергофа предпоследний Новый год своей так рано оборвавшейся жизни.

В сохранившейся маленькой тетрадке Шуры Серебровской читаем:

«Это был обычный зимний вечер. Это был канун Нового, 1943 года. Это была война.

Когда вышли на линию обороны на петергофском берегу, я направилась к будке КП батальона, где помещался медпункт. В будку вошел комбат, человек железной воли и доброй души.

— Ну, сестра, встретим Новый год на этой льдинке, как папанинцы.

Грозный грохот прерывает мысли. Заговорили береговые батареи. К ним присоединились форты и орудия кораблей. Они еще раз напомнили врагу, что есть у нас силы, которые могут разгромить его логово, прогнать фашистскую нечисть с нашей священной земли».

Вот строки, посланные Шурой отцу в день свидания с освобожденным Петергофом. Серебровская пишет об уничтоженном здании биофака Ленинградского университета, где девушка перед войной проходила практику, и о дворцах и фонтанах, превращенных в руины.

«А было-то что раньше! Я на минуту закрыла глаза и вспомнила аллею, наполненные праздничной толпой, в парке группы людей — массовки, смех детей у фонтана-грибка, оживление на пристани...»

Тогда и теперь... Но я уверена, что в основном можно восстановить прежнее. Снова заискрится вода в фонтанах, заструится по каменным ступеням, зашлепчет в водоемах, и счастливые люди будут смотреть на все это и радоваться. Не увидят этого лишь те, кто погиб за освобождение этих мест и всей нашей Родины, и в этом самое ужасное...»

Шура Серебровская тоже не увидела воскресшего Петродворца. Сейчас туда приезжают из Балтийска люди, живущие на улице ее имени.

...Но мы еще в сорок пятом, продолжается бой.
С нарастающей силой бьют минометы и пулеметы десантников. Фашисты дрогнули.

Моряки роты Копыльцова ворвались в подземные укрепления. Генерал, свыше ста солдат и офицеров взяты в плен. Захвачена фашистская тяжелая батарея. На косе гремит красноармейское и краснофлотское «ура».

Всего десантные части взяли на косе в плен около шести тысяч солдат и офицеров противника. Остальные двадцать две тысячи капитулировали 9 мая.

...Первое мая 1945 года морская пехота праздновала в Кадинене, в бывшем княжеском поместье. Перед вечером в большом зале танцы под аккордеон,

Настал черед, пришла пора,
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем!

Лейбович начинает подыгрывать аккордеонисту на маленьком, с перламутровой отделкой баяне. Он кажется отцом этих ребят — волевой, дерзко храбрый, человечный.

Рядом парень в синем берете пытается петь — не получается: в бою сорвал голос. Танцуют вдвоем моряки: один — со снятым с немецкого генерала кортиком, другой, только что сменившийся с поста, — с автоматом.

Марта подошла к комбату.

— Что, Марта?

— Да так, взгрустнулось. Вспомнила Шуру Серебряную, Васю Яльцева. Мы уйдем, а они останутся в этой земле навсегда...

Группа армий «Север», отброшенная от Ленинграда, оказалась в трудном положении. Все попытки фашистских генералов пробить прижатым к балтийскому побережью войскам дорогу в Восточную Пруссию обречены были на провал.

Последний — пятый по счету — командующий группой (к тому времени она получила наименование «Курляндия») генерал Гильперт помнил печальный опыт своих предшественников. Фельдмаршал фон Лееб был смещен Гитлером, когда выяснилось, что Ленинград ему не взять. Его преемник фельдмаршал Кюхлер был снят после разгрома немецких армий под Ленинградом.

«Держаться во что бы то ни стало, вцепиться в землю Эстонии и Латвии», — требовал фюрер от сильно потрепанной группы армий, которой теперь командовал фельдмаршал Шернер. Но и это приказание фашисты не смогли выполнить. Они попали в «Курляндский котел».

Восемнадцатого апреля Гитлер принял Гильперта в Берлине, в подземной рейхсканцелярии.

Гильперт докладывал: группа армий блокирована советскими войсками и кораблями Балтийского флота. Надо уменьшить хлебный паек, усилить охрану транспортов (на них предполагалась эвакуация фашистских войск через порты Лиена и Вентспилс). Сокращение пайка было одобрено, усиление конвоя обещано.

А между тем подводный флот, авиация, надводные силы КБФ уже безраздельно властвовали в районе Балтийского моря. Всякая попытка врага вырваться из окружения водным путем была обречена на гибель.

Почти трехсоттысячная гитлеровская армия стояла и перед угрозой голода.

После того как наша армия и флот освободили острова Моонзундского архипелага Саарема и Ххума, Рижский залив и его порты стали для окруженных гитлеровцев ловушкой.

Часы истории неумолимо отсчитывали последние минуты существования «тысячелетнего» рейха.

Знамя Победы над рейхстагом возвестило всему человечеству конец фашистской тирании.

Одна за другой капитулировали взятые в огненные клещи гитлеровские группировки. Дольше других держалась в своем туго захлестнутом «мешке» группа армий «Курляндия».

Почему же так стойко сопротивлялись эти войска?

Все они — от начальника штаба группы армий генерал-лейтенанта Ферча до рядового солдата — были связаны кровавой круговой порукой.

Тех, кто обстреливал Ленинград, убивал его женщин и детей, тех, кто превратил в руины города-музеи Пушкин, Петергоф, Павловск, пытался задушить голодом миллионное население одного из прекраснейших городов на земле, страшило теперь неумолимое возмездие. К ним приближались войска 2-го Прибалтийского (бывшего

Ленинградского) фронта во главе с его командующим — маршалом Советского Союза Говоровым.

Гильперт, Ферч и им подобные знали истинную цену своим преступлениям. Потому-то сейчас в Пелчи, недалеко от города Кулдига — там размещался штаб окруженной группировки «Курляндия», — его руководители судорожно пытались вырваться из стального капкана.

Утром 7 мая на волнах радиостанции командующего группой армий «Курляндия», а также на волнах 16-й и 18-й армий противника был передан ультиматум за подписью маршала Говорова о немедленной и безоговорочной капитуляции.

И хотя фашистам отлично было известно, кто стоял перед ними, радиостанция штаба зачем-то запросила: «Действительно ли вы являетесь радиостанцией главного командующего Вторым Прибалтийским фронтом?»

«Да, являемся», — последовал лаконичный ответ.

Генерал Гильперт, капитулируя, попытался почти на сто тысяч человек приуменьшить данные о составе своей группировки: он все еще продолжал надеяться на эвакуацию хотя бы части своих войск морем.

Узнав по сведениям воздушной разведки об отводе входивших в состав группы «Курляндия» 16-й и 18-й армий к морю, в сторону Вентспилса и Лиена, маршал Говоров приказал сразу же после капитуляции двинуть туда маневренные войсковые группы для перекрытия путей отступления.

И тогда среди части гитлеровцев начался паника.

Участились случаи самоубийств офицеров и генералов. Многие солдаты, бросая оружие, разбегались по лесам. Более пятидесяти тысяч деморализованных гитлеровцев было обнаружено и пленено нашими частями в оцепленных лесах.

А остальные?..

Хотя гитлеровским командованием была уже подписана капитуляция, положение в Лиепае, где скопились окруженные фашистские войска, продолжало оставаться неясным.

...Накануне в Пиллау батальон морской пехоты, которым командовал подполковник Лейбович, получил приказание на грузовых автомашинах совершить бросок в сторону Лиепая. Часть морских пехотинцев на торпедных катерах под командованием Героя Советского Союза Сергея Осипова вышла в лиепайский порт еще раньше.

Земля, израненная, в заплывающих весенней водой воронках от бомб и снарядов, вдруг резко изменилась — стала зеленой, голубой, белой от переплетения трав и первых цветов.

Но в нервном напряжении последних боев, горечи таких особенно нелепых смертей, когда все вокруг уже дышало победой, бойцы не замечали прелести весны.

Цветы втаптывались тягачами в грязь, а на изумрудной траве огромными черными подпалинами означались следы недавних штурмовок.

Машины с морскими пехотинцами мчались мимо обезлюдевших, с красными черепичными крышами деревень.

Ночью в темном вековом лесу моряки узнали от регулировщиц о капитуляции фашистской Германии.

— А как там впереди? — спрашивали девушек балтийцы.

— Там еще стреляют.

— Война?

— Война...

Да, действительно впереди все грохотало. Неужели безумцы, запертые в «Курляндском котле», продолжают бессмысленное сопротивление?

Когда машины с морскими пехотинцами выехали на широкую приморскую дорогу, ведущую в Лиепая, их гла-

зам открылось необычайное зрелище. Вся дорога была забита войсками. Советская пехота — на грузовиках, в пешем строю. Мощные тягачи тащили за собой хоботы полевых орудий...

И над всем этим могучим военным потоком гремел торжественный стихийный салют в честь Победы. Стрелили из автоматов, пистолетов, разноцветные трассы расчерчивали небо. А навстречу тысячами шли сдаваться немцы.

Здесь и теперь соблюдалась иерархия чинов. В «опель-адмиралах» ехали сопровождаемые адъютантами генералы. Фуражки с высоким верхом глубоко надвинуты, в глазах за внешним безразличием угадывались безысходность, отчаяние. За генералами в «фольксвагенах» следовали чины помельче.

Шли, поблескивая красными, желтыми огоньками, хваленные немецкие «тигры» и «пантеры». Они проходили борт к борту с нашими машинами, никому уже больше не опасные.

Пленных, словно пастухи свое стадо, сопровождали наши бойцы.

На одну из машин с морскими пехотинцами прыгнул боец. В его руках был пакет золингеновских бритв «Близнецы». Он давал каждому на память бритву.

Потом дорога вновь расчищалась, все опять приходило в движение: немцы — в тыл, советские бойцы — на запад!

В это время в лиепайскую гавань уже влетели торпедные катера Краснознаменного Балтийского флота.

В городе еще не было советских войск. Тысячи немцев, солдат и офицеров, стояли на пирсе. Они добрались до моря, но слишком поздно.

И хотя гитлеровцев в порту было тысячи, а советских моряков лишь горстка, приказ о капитуляции и здесь был выполнен беспрекословно.

Группы армий «Курляндия» не существовало.

Война, развязанная гитлеровской Германией, завершилась и на этом участке фронта. Она закончилась и для немногих, тогда еще неизвестных, чудом оставшихся в живых героев нашей повести.

Для бойца морской пехоты, участника петергофского десанта, а потом партизана, освобождавшего от врага Ленинградскую область. И для его товарища, балтийского разведчика с выжженными фашистскими палачами звездами на груди, вырванного Советской Армией из плена, снова вставшего в ряды бойцов...

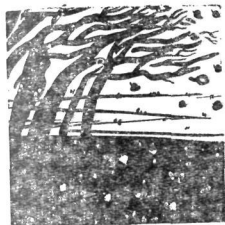
И для командира корпуса, чьи солдаты сражались осенью 1941 года в петергофских парках. Теперь он участвовал в штурме Берлина, присутствовал при безоговорочной капитуляции командования немецко-фашистских вооруженных сил.

Война закончилась и для тебя, любимый наш Ленинград, где со стен руки твоих защитников смыли, соскребли надписи: «Эта сторона улицы наиболее опасна во время обстрела», оставив лишь одну из них на стене дома в начале Невского как память о горе и слезах ленинградцев, об их бессмертном подвиге.

И для Петродворца, где в прозенной осколками, обожженной кровью земле уже прокладывались первые трубы для вставших на свое место прекрасных скульптур фонтанов.

Но память наша, сердце каждого из нас еще хранили, будут хранить всегда облик, голоса, думы тех, кто сражался здесь, кто никогда уже не пройдет под сенью воскресших парков,

Судьбы

Есть скорбные книги в центральных военных архивах,
Где гриф «сов. секретно», который давно устарел,
О тех, кто могли с нами жить, улыбаться счастливо,
О тех, кто волною накрыт, кто ушел на расстрел.

В архиве морском раскрываем приказы по флоту,
Скрепившие списки имен, безвозвратных потерь,
Мы их на суде предъявили фашизму по счету,
Мы их, словно клятвы слова, повторяем теперь.

Но в перечне тех, кто погиб в петергофском десанте,
Мы встретили прочерки писарским четким пером,
Они, словно горны, победно зовущие: «Встаньте!»,
Чтоб павшие, встав из могил, отвечали: «Живем!»

Таких одиночки, но радуйся редкой удаче,
Как будто из смертного боя ты вырвался сам.
...Над вздыбленным берегом ветры балтийские плачут,
И огненный лист принасадается к мертвым губам.

Весны человеческой брезжило только начало,
Брал край партизанский живых во владенья свои,
И мать за Уралом об участи сына не знала,
А те, что воскресли, опять уходили в бой.

И писарь балтийский не мог нанести еще прочерк,
Но ярко светила матросской удачи звезда
Своим сыновьям, что в холодные темные ночи
Себя не щадили, взрывая врага поезда!

1965 г.

В Центральном военно-морском архиве в Гатчине день начинается рано.

В этом маленьком городе, где в войну размещались крупные резервы группы армий «Север», где находился вместе с полевым управлением своего штаба командующий фон Кюхлер, там, где мучились, умирали от голода, погибали в фашистских лагерях пленные красноармейцы и моряки, — сейчас мирно трудятся советские люди.

Ничто не напоминает здесь о войне.

Но войдите в разместившиеся в огромном здании хранилища архива. Офицер в отставке, ветеран войны с орденами планками на пиджаке, выписывает вам пропуск.

Вы в «святая святых» истории советского Военно-Морского Флота времен Отечественной войны. Здесь сосредоточены сотни тысяч документов, личных дел офицеров, учетных карточек краснофлотцев, аттестационные, награжденные листы, приказы, донесения, документация героических флотов нашей Родины.

Сколько людей благодаря помощи работников архива узнали о судьбе своих близких, об их делах и подвигах!

...Сотрудник архива склонился над списками моряков, не вернувшихся из петергофского десанта. Рядом с какой-то фамилией — «пропал без вести». И вдруг он увидел: после одного имени вместо этих трех страшных слов отчетливо выведено: «жив».

Жив! Значит, может рассказать о том, как спасся, о судьбе товарищей, командиров. Это было подобно встрече с родным человеком, которого долгие годы считали погибшим.

Но все найденные в списках исправления — а их обнаружилось несколько — были датированы 1944 годом.

Возникло множество вопросов, и главный — живы ли эти люди сейчас?!

По имениемуся в личном деле или учетной карточке последнему адресу пошли запросы в военкоматы. Иногда отвечали, что в списках означенное лицо не числится, или: позднее снова ушел на фронт и не вернулся.

Приходили ответы от людей, значившихся в списках, однако в действительности не участвовавших в десанте.

Но попадались ответы и от тех, кто был тогда в Петергофе.

Первого оставшегося в живых десантника помог найти случай. Это было в Кронштадте, на встрече фронтовых журналистов с коллективом газеты «Советский моряк».

Вспоминая о тех, кто уходил из Кронштадта в грозные бои, выступавшие упомянули и о петергофском десанте.

— Прошло уже двадцать лет, но до сих пор не удалось отыскать ни одного из его участников.

И тогда неожиданно поднялся немолодой человек в гражданской одежде и произнес:

— Я был в этом десанте.

Так познакомились мы с Григорием Кузьмичом Васильевым, бывшим краснофлотцем, художником-ретуше-

ром газеты. Каждая деталь его рассказа воспринималась с понятным волнением.

— Когда мы бросились вперед, — вспоминал Григорий Кузьмич, — немцы, охранявшие берег, шарахнулись в темноту. Моряки выполнили первую часть задачи: смять и опрокинуть врага. Десант произвел на него ошеломляющее впечатление, — ведь они рассчитывали на падение Кронштадта. А тут сам Кронштадт неожиданно пожаловал к ним! Ни один из немцев не сблизился с нами на расстояние рукопашной схватки. Но огонь против нас велся отовсюду — из укрытий и многих замаскированных огневых точек...

Сам Васильев был в числе тех, кому удалось вырваться из окружения, пробиться к берегу. Десантники помнили: каждую почку на заливе будут ходить катера. Чтобы дать им знать о себе, надо было послать красные ракеты.

Кто это сделал, кто помог ему, обессиленному, раненому, вплавь добраться до катера, Васильев уже не помнил. Очнулся он в палате кронштадтского госпиталя.

В тот же день мы побывали с Васильевым в гостях у Прасковьи Тимофеевны Ворожиловой. Она показала нам фотографии мужа, вспомнила фронтовую молодость, гражданскую войну. Ведь Прасковья Тимофеевна и Андрей Трофимович встретились и поженились на фронте в 1919 году.

А потом говорили о нем, осенью 1944 года в последний раз поцеловавшем ее и детей и перешагнувшем порог родного дома...

Мы часто бываем в Кронштадте, любим его. И нам бы очень хотелось, чтобы в музее города-крепости, в названиях улиц был навеки запечатлен подвиг тех, кто не пожалел в тот грозный октябрь сорок первого своей жизни для того, чтобы преградить путь врагу к Ленинграду.

...Поиски участников десанта продолжались. Впрочем, теперь уже они сами находили нас.

Очерки о десанте были опубликованы в газетах «Красная звезда» и «Ленинградская правда».

И через короткий срок мы получили новую весточку. Объявился кронштадтский моряк Борис Шитиков. Он с Краснознаменным Балтийским флотом прошел всю Отечественную войну, был военным шофером, служил на кораблях.

На фронте Борис не раз глядел в глаза смерти — и когда, пробравшись в тыл врага, угнал на виду у немецких часовых грузовую машину, чтобы вывезти из медсанбата раненых, и когда участвовал в боевом походе на корабле, высаживавшем десант на острова Выборгского архипелага.

Шитиков дошел с флотом до Восточной Пруссии, был тяжело ранен. Он инвалид Отечественной войны, имеет правительственные награды.

С Борисом Ивановичем мы не раз обходили памятные ему места.

— Мы высаживались вот здесь, — говорил он, всматриваясь в очертания пира. — Только пирс был тогда другой, деревянный, вблизи росли камыши. А тут лежал, прикрытый плащ-палаткой, убитый наш Батя. Вот тут, — показывал моряк на кладку старинной стены, — я отстреливался...

— Только вот этого, — Борис Иванович показал в сторону ультрасовременного здания ресторана, — конечно, не было. И лучше, если бы не было и сейчас. Пускай бы в другом месте построили... А вот памятник или хотя бы памятную доску с именами тех, кто здесь погиб в бою, установить надо обязательно. Летом тут проходят десятки тысяч людей. Пусть прочтут, вспомнят, задумаются.

...С Николаем Мудровым, храбрым разведчиком десапта, мы тоже начали свой путь от пирса.

Но удивительное дело — ни пристань, ни дворцы, ни одна из аллей возле Большого каскада не будили в нем никаких воспоминаний.

— Бывали ли вы здесь, Николай Викторович, после сорок первого?

— Можно сказать, не бывал, хотя живу совсем близко, в Мартышкине. Однажды, правда, приехал с семьей на праздник открытия фонтанов. Кругом народ, а мне все так странно и вспоминать больно...

Долго бродили мы с Мудровым по парку. Но он по-прежнему ничего не узнавал. В тот день Мудров торжился в Ломоносов, на завод, где он работал электриком-высокочастотником. Николай Викторович обещал обязательно приехать сюда еще раз. Потом мы шли с ним вдоль берега от гранитной фабрики мимо дворцов Марли, Эрмитаж, Монплезир. Постояли у пирса. Мудров был взволнован, растерян.

— Как же так, неужели за эти годы все здесь так изменилось, что я и узнать не могу местности? — сетовал он.

Страшно ходить по заминированному полю воспоминаний. Трудно, но необходимо... И лишь когда мы вошли в Александрию, недоумение на лице Мудрова сменилось уверенностью.

— Да, здесь мы были! — Зоркий взгляд охотника схватывал все: старое дерево, поляну, ручей, уцелевший дом.

Как же сложилась дальнейшая судьба Николая Викторовича?

— Нас осталось трое: два Николая и Александр. Не знаю как, но утром седьмого октября сорок первого года

мы неожиданно оказались вблизи поселка Рошша. У дороги, на суку осины, висел человек. По виду мой одноклассник, хотя и оброс бородой. На груди табличка с надписью, я ее до сих пор перед глазами вижу: «Романов Николай Васильевич, 1918 года рождения. Повешен за связь с партизанами».

На дороге показались люди. Мы залегли в канаву. Это были беженцы. Впереди два немецких солдата. Больше конвоиров не видно. Сразу решили: надо затесаться в толпу. Как только прошли первые ряды, мы броском к ним. Тут же покидали бушлаты, переоделись с помощью добрых людей в гражданское. Немцы проверяли: у кого короткая стрижка, сразу уводили в сторону. У нас были чубы. Каждый получил в руки деревянную бирку с красной печатью, со свастикой.

Так начался тернистый путь трех кронштадтских дружков, полный постоянной опасности.

Мудров повезло: поселившись в деревне, он зарекомендовал себя мастером-механиком, одним починил часы, другим — швейную машину. Промышлял он и охотой: подстрелив однажды лисицу, Николай сделал себе из ее шкурки воротник. С той поры его стали называть в деревне «моряком в бабьей шубе».

Вскоре Мудров вместе со своими товарищами начал отыскивать пути к партизанам. В конце концов через пастуха, бывшего сельского учителя, наладить такую связь удалось. Но в лес моряки не уходили. Выполняя задания партизан, они оставались в деревне, жили в разных домах. Трудно сказать, знала ли старуха, приютившая Мудрова, о том, что его собираются арестовать. Только накануне она, раскинув карты, неожиданно сказала Николаю: «Беда тебе грозит... Уходить надо...» Так спасся Мудров. Другого Николая и Сашу предали два брата-дезертира, позднее расстрелянные партизанами. Моряки отчаянно

сопротивлялись. Когда у Николая отказал парабеллум, он, безоружный, ухитрился сбить с ног двух эсэсовцев.

Николая повесили вместе с хозяйкой дома, где он жил. Сашу живым закопали в землю.

В партизанском отряде Мудров участвовал во многих боях. И в том, когда партизанам Осьминского района удалось спасти советских людей, которых везли на расстрел. Тогда-то он и застрелил коменданта фашистского гарнизона.

Однажды Мудров вместе с группой из пяти человек получил задание взорвать мост, вблизи которого была расположена вражеская батарея.

Стоял декабрь. Партизаны продвигались на лыжах. Внезапно наступила оттепель. Пошел дождь со снегом. Лыжи пришлось снять. Оставив бойцов в засаде напротив немецкого караульного помещения, Мудров с товарищем взяли по пуду взрывчатки и узкой тропочкой пробрались к мосту. Взрыв был произведен удачно, но на обратном пути партизаны едва не погибли. Дорога завела их в болото. Больше суток пробирались бойцы вдоль трясины. Только опыт охотника помог Мудрову вывести товарищей к деревне. С боем прорвались они через фашистский заслон. Один из них был ранен. Ночью задворками удалось уйти.

С одного из дворов, где стояли постоем фашисты, Мудров увел огромного кудехвостого битюга. Взобравшись на лошадь, стал петлять, чтобы запутать следы, и в конце концов оторвался от группы, заблудился в лесу. Мучил голод. Проплутав день, Николай решил на крайнее: привязав коня к ели, завязал ему глаза и перерезал штыком горло. Горячая кровь возвратила Николаю силы. Через некоторое время он вернулся к своим.

Позднее Мудров стал командовать отрядом, входившим в 9-ю партизанскую бригаду. Здесь он был награж-

ден орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Николай Мудров не любит вспоминать о пережитом. Вот почему и в Петродворце бывает он так редко. Но мнущее не оставляет его. И тогда, чтобы обрести душевный покой, Мудров обращается за помощью к природе.

В свободные дни Николай Викторович со своей охотничьей собакой отправляется в лес. Иной раз он возвращается домой без добычи. Спугнутая исом дичь свободно улетает. А человек идет, глубоко вдыхает запахи леса, свежесть ветра. Под ногами прелость опавшей хвои и листьев.

Он должен побыть один, отвлечься от того, что приходит во сне... Просто ходить, глядеть на темно-зеленые ветви, на облака, плывущие между верхушками деревьев. И тогда тени прошлого рассеиваются, отголоски выстрелов смолкают, Николай Мудров возвращается в сегодняшний — добрый и светлый — день.

На встречу ветеранов в Петродворец приехал невысокорога худощавый человек. Все в этом городе было ему знакомо с детства.

Алексей Степанов — петергофский паренек. Уходя из Кронштадта в десант осенней ночью сорок первого года на катере, он думал о той, что осталась на занятом фашистами берегу. Тоня! Это она признала его убитым.

Но он не был убит!

— ...У меня остался в руке штык, винтовку раздробило осколком. Я спотыкался о трупы наших и немцев, помню окоп в парке, где нас оказалось несколько человек. Мы видели немецкую зенитную батарею, стрелявшую в упор по морьякам. Забросали артиллеристов гранатами. Я был тогда ранен в голову и руку. Рядом разрывной

пулей убило товарища. Шли уже вторые сутки боя, а может быть и третьи.

«Попробуем доплыть в Кронштадт», — сказал мне кто-то.

«Нет, сил не хватит»...

В окопчике возле «Шахматной горы» мы пролежали еще несколько часов. Раненая правая рука горела, она вся распухла. Когда к нам приблизились фашисты, я поднял в левой руке пистолет, хотел выстрелить. Гитлеровец выбил его. Нас повели к Большому дворцу. В подвале за столом сидел офицер в черной шинели. На столе — патефон. Они всё заводили пластинку с одной и той же нашей, русской песней.

«Бой давно кончился. Где же вы были?» — спросил меня офицер. «В парке гуляли!»

Сперва пленных держали в Петергофе. Есть почти не давали, выгоняли на расчистку парка. Тех, кто падал, пристреливали. На голубой тележке с надписью «Мороженое» заставляли возить трупы расстрелянных.

Из Петергофа пленных перебросили в Красное Село... Потом был гитлеровский лагерь смерти, люди, шатающиеся от голода, огромные сторожевые псы.

Из этого лагеря Алексею удалось бежать.

Ему и сейчас мерещится банька на краю села, где жила старая женщина, спасшая ему, беглецу, жизнь.

Тяжек был путь петергофского юноши, моряка-разведчика. Много страшного ожидало его впереди.

Снова плен. Теперь в этом изможденном, обросшем бородой человеку никто, даже самый близкий, не мог бы узнать молодого балтийского моряка.

Когда его везли в эшелоне, Алексей вновь совершил побег. Спрятался на окраине города, в подвале. Он слышал разрывы снарядов — это приближалась Советская Армия. Грохот близкого разрыва оглушил его.

Обрушилась стена подвала, Алексея завалило обломками. Из носа, из ушей потекла кровь.

«Прощай, родная земля, прощай, Петергоф», — думал он. — Неужели теперь, когда освобождение так близко, мне суждено умереть?»

Но советские бойцы нашли Алексея, отправили в полевую госпиталь, подлечили, дали оружие. Он успел еще участвовать в последних боях с фашистами.

А родных его — матери, сестры — не было уже в живых. Они погибли в немецкой неволе.

Младший брат, служивший в советских войсках в Германии, только тогда поверил, что Алексей жив, когда тот прислал ему фотографию, завернутую в части.

Лишь спустя двадцать один год встретился Алексей с той, о ком он вспоминал в ночь высадки десанта.

Прошла юность, отгорела в грозном пламени войны любовь.

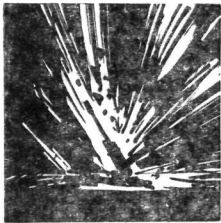
У каждого из них была теперь своя семья, да и жили они на расстоянии тысяч километров друг от друга.

А вот встретились вновь в Петродворце, у здания школы на улице Аврова, где учились когда-то.

Он дал ей давний снимок... «Не похож Я на того, с кем ты рассвет встречала?»
И передернувшая губы дрожь
Волненья человека выдавала,

Да колотилась жилка у виска
Того, кто умер и родился дважды,
А у нее в глазах была тоска,
И о любви сторевшей думал каждый.

1966 г.

Его помнит Милан

Мимо светлых дворцов, мимо серых кладбищенских степ,

По Италии, желтой от солнца и синей от моря,
Мы прошли, вспоминая балтийца, попавшего в плен,
Коротавшего здесь в одиночке жестокое горе.

По таким же дорогам шли узники в скорбных рядах,
Капли крови горячие почва сухая впитала,
Где сегодня закатное солнце на спелых плодах
Отражается в меркнувшей бронзе сиянием алым.

Да, мы тоже оттуда, мы помним суровый Кронштадт,
Где уходят на запад суда от крутого Буяна,
Где о храброе бойце, что уже не вернется назад,
Вспоминают друзья под печальную песню баяна.

Он погиб, защищая тебя, итальянский народ,
От гнетущего душу позора, от гибельной скверны,

И шиповника огненный цвет над могилой встает —
Благодарная дань моряку от товарищей верных.

Нам, седым, петергофский десантник годится в сыны,
Прислоните же к камню, где рдеют осенние розы,
Привезенную нами сюда от кронштадтской стены,
Дорогую для сердца матросского ветку березы!

1971 г.

Если бы начертить пути скитаний петергофских десантников по кровавым полям войны, они протянулись бы на тысячи километров.

От дорог в партизанских лесах России их маршруты вдут в Восточную Пруссию, в Австрию. Но, пожалуй, самый дальний из всех пока известных нам маршрутов прочертила бы стрела необычного пути кронштадтского моряка Василия Веселовского. Того самого Веселовского, с которым мы расстались, когда бойцы отряда Ворожилова уничтожили в Петергофе фашистскую агитмашину.

Мы не знаем точно, как вышел из Петергофа этот человек. Быть может, он вместе с бойцами пехоты прорвался к нашим частям у Оранienбаума. Может быть, долгими часами прячась в камышах за камнями прибрежной полосы в балтийской холодной воде, сумел миновать Урицк, выйти из окружения с бойцами 6-й бригады морской пехоты. Ведь, по свидетельству комиссара бригады Ксёна, были и такие...

Единственное нам известно: Веселовский в ноябре 1941 года находился в Балтийском флотском экипаже. Оттуда он вновь ушел на передовую, на Пулковские высоты, где красноармейцы и краснофлотцы отбивали одну за другой ожесточенные атаки фашистов.

У Веселовского, ленинградского мастерового, парня с набережной реки Фонтанки, было одно желание: отстоять свой родной Ленинград.

Здесь, как и в Петергофе, он чувствовал, знал: Ленинград за его плечами. Суровый, многотрубный, словно дредноут, город, в котором Ленин в 1917-м возвестил победу Октября.

Моряк стрелял из автомата по врагам до последнего патрона, до той минуты, пока фашистский снаряд не разорвался поблизости и что-то черное, обжигающее, душное не швырнуло балтийца навзничь, засыпав мерзлой землей.

Потом был плен, страшный, гнетущий, переброска из лагеря в лагерь, сознание того, что тебя пытаются превратить в раба, бессловесное существо с многозначным номером.

Но не таким был Василий Веселовский.

Несколько раз совершал он побег, но неудачно. Моряка ловили, нещадно избивали... И все же враги не смогли сломить его волю. Что давало Василию веру, внутреннюю силу? Память о свободе, о детстве, о том, что вошло в каждую клеточку его сознания.

«Мы не рабы. Рабы не мы...» — эти слова жили в нем с детства. И здесь, на «аппеле», когда их, голодных, в одежде каторжников, выстраивали для переклички, и в долгие часы бессмысленного, унижительного труда, и ночью в ящике черных нар, напоминавшем гроб без крышки, он повторял про себя: «Я не раб!»

В лагере люди не называли своих настоящих фамилий, своих профессий. Только самым проверенным, близким товарищам открывались — кто ты, откуда... Так требовали правила конспирации. Веселовский и в лагере был в числе самых непокорных. Там он обрел тех, кому верил, как самому себе, от которых мог не таиться.

Среди них был неунывающий рябоватый паренек. Фамилия у него была странная: Черный. Веселовский сперва даже подумал, что это кличка.

— Нет, в самом деле Черный я, и мой отец, и дед. А звать Семеном. Меня под Вязмой вязали...

С Черным Василий стал неразлучен. Рядом спали, вместе ходили на работу.

Вскоре к ним присоединился третий — стрелок-радист с подбитого самолета Андрей Петров.

Теперь, уже втроем, они стали замышлять побег. Экономили, тщательно прятали каждый кусок эрзац-хлеба. Решили, что, когда погонят на работу в каменоломни, Петров высмотрит там место, где они втроем смогут укрыться, пока пленных поведут обратно.

А потом... На каменоломнях, после окончания работ, оставалась совсем небольшая охрана. Веселовский и его товарищи предполагали, что там будут всего двое или трое часовых, рассчитывали напасть врасплох и перебить их.

Казалось, все было подготовлено. Но произошло непредвиденное. Накануне намеченного дня побега всех заключенных выстроили возле бараков. С правого фланга отсчитали пятьдесят человек.

Под усиленной охраной их отвели в сторону. В этой полусотне оказались Веселовский, Черный и Петров.

Прошел слух о том, что фашисты в отместку за свое новое поражение на Восточном фронте расстреляют эту группу.

И тогда заключенные, тесно прижавшись друг к другу, закрили «Интернационал».

Фашисты били беззащитных людей.

Нескольких тут же, на месте, застрелили, а остальных загнали в отдельный барак. Здесь каждому на руки были надеты стальные браслеты. Затем пленных построили по

двое и повели по обледенной дороге, прикладами загнали в товарный вагон. Поезд тронулся.

Гремели по стыкам рельсов колеса. Долгие, многочасовые остановки. Обрывки как чужой речи. И снова равномерный, долбящий душу стук колес: «Про-па-дешь, про-па-дешь, про-па-дешь...»

И как бы наперекор этому гнетущему стуку Василий Веселовский, приподнимаясь на локтях, начал читать друзьям стихи. Он любил стихи с детства, знал наизусть строки Пушкина, Есенина, Блока, а здесь, в этом страшном мире уничтожения, поэзия была особенно нужна людям.

Может быть, тот, чьи стихи читал сейчас друзьям Василий, уже лежит засыпанный во рву, сожжен или расстрелян. Но слово его человеческое продолжает жить.

Что грустишь ты, моя дорогая?
Где сейчас ты, голубка моя?
Ты меня не кляни, забывая,
Презирать не позволю себя.

Нет, я раненым пост не покину,
Нет, я трусом не сдался в бою.
Пусть меня этот плен не минул —
Я сражался в первом ряду...

Василий произносил эти строки, словно свою исповедь. И наверно, не знал, что сложил эту песню-быль такой же моряк, как он, мичман с крейсера «Киров» Василий Кучеренко, защищавший Таллин в рядах морской пехоты и тяжело раненным попавший в плен.

— Хорошо ты читаешь, друг, — вздохнул Черный, задумчиво грызя сухую травинку. — Скажи, Вася, а кто расскажет людям о тебе, обо мне? Как узнает мама, Наталья моя, что я и здесь был человеком, боролся?

— Узнают, непременно узнают, — сказал Веселовский убежденно.

Ехали несколько дней. Были немецкие селения на пути, кирхи с красными черепичными крышами, хутора, деревья, словно метлы, воткнутые в землю прутьями вверх. Все не русское, все чужое!

Когда вышли наконец под охраной эсэсовцев в каком-то тупике возле станции, изумились: зима, а солнце греет. Воздух какой-то необычный — пряный, деревья с необлетевшими серебристыми листочками и маленькими, то же серебристо-серыми, шишечками...

Военнопленный, родившийся, верно, на юге, сказал:

— Это маслины.

— Эх, и забросило нас куда, ребята! — протянул Черный. — Отсюда и дорогу домой не сыщешь.

— Найдем! — ответил Веселовский с уверенностью. Что за город? Какая страна?

В предутренней дымке тускло мерпали привокзальные фонари.

— «Милано», — прочитал кто-то надпись.

— Не Милано, а Милан, — поправил Петров. — И поверьте мне, друзья, как бывшему учителю, это — Италия.

Их вывели к полотну железной дороги. Семен Черный совсем обессилел, еле держался на ногах.

— Держись, Сема, — шепнул Петров. — А то пристрелят.

Друзей поставили в строй первыми, и Веселовский увидел, как много с этапом прибыло пленных.

Раздалась знакомая команда, и пленные, вытянувшись, нестройной колонной двинулись к виадуку.

Идти было тяжело, и Веселовский поддерживал плечом в конце обессилевшего Семена.

Сначала шли окраиной, где вдоль железной дороги тесными рядами стояли заводские и фабричные здания, лепились друг к другу дома. Остановок не было. Конвой подгонял отстающих. Свернули на большую улицу.

Можно было догадаться, что пленных ведут к центру города. Зачем? Верно, чтоб поиздеваться, показать итальянцам, как жалки пленные русские.

А они не хотели оставаться жалкими.

И хотя они были голодны, хотя их распухшие руки были закованы в кандалы, а тела избиты о железные настилы вагонных клеток, — с людьми что-то случилось. По печочке, один другому, они передавали: «Выше голову!»

В рваной одежде шагали по улицам Милана несдающиеся солдаты и моряки. Василий громко запел песню, знакомую еще с детства:

И без страха отряд поскакал на врага,
Завязалась кровавая битва.
И боец молодой вдруг поник головой —
Комсомольское сердце пробито.

Уже наступило утро. Улицы оживали. Встречалось много прохожих. Итальянцы не знали, о чем поет этот бородатый русский, но по лицу поющего и тех, кто вторил ему, угадывали смысл песни.

...Это произошло возле кафе «Эспланада», где на высоком пьедестале, набычась, выставив непомерно крутой подбородок, стоял высеченный из грязновато-зеленого камня дуче.

Конвойный в стальной каске заметил, как при виде чванливого каменного Муссолини блеснули злой усмешкой глаза высокого русского. Он наотмашь ударил пленного по лицу. И тогда русоволосый гигант шагнул к фашисту и обрушил на него удар с такой силой, которая казалась немислимой в этом изможденном человеке. Цепь, соединявшая браслеты на его руках, лопнула...

Выстрелы, звон стекол разбитых витрин, крики патрулей, топот сапог итальянских карабинеров...

Раненые пленные лежали на мостовой, заливая ее кровью.

В этой схватке уцелели немногие. Но судьба, видно, решила дать Веселовскому и его товарищам последнюю отсрочку.

Их привели в какой-то дом, где окна нижнего этажа были заделаны решетками. Веселовского бросили в карцер, в котором можно было только стоять.

Лишь после суточного пребывания в одиночке его перевели в общую камеру. Он упал на руки товарищей.

А в Милане о подвиге русских военнопленных уже слагалась легенда.

На другой день после уличного боя итальянская полиция обнаружила на бычьей шее каменного Муссолини накиннутую кем-то пеньковую петлю и картонку с надписью: «За русских!»

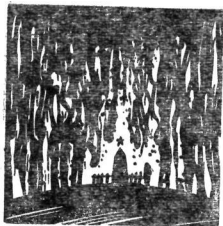
В эту зиму налеты англо-американской авиации на город стали особенно частыми. Не хватало рабочих рук для того, чтобы разбирать завалы. На работу во время бомбежек стали посылать русских.

Однажды ночью нескольких военнопленных направили в парк рыть щели.

Наметанный взгляд моряка-разведчика Веселовского, находившегося в этой группе вместе со своими друзьями Петровым и Черным, обнаружил скрытую деревьями и макетом колонпады, искусно замаскированную соломой мощную зенитную батарею.

...Налет авиации союзников был внезапным. Фашисты даже не успели снять маскировку со своих дальнобойных зениток.

И тогда русские пленные демаскировали батарею. Сбросив с себя рваную одежду, они облили ее маслом для чистки орудий и подожгли. В костер полетели и соломен-

Яблоньки на Урале

И еще одна судьба — Павел Добрынин.

Мы расстались с ним, когда балтийский разведчик, подорвав гитлеровское орудие, вел вместе со своими товарищами неравный бой против численно превосходивших сил врага. Мы не нашли его в списках высадившихся десантников. Позднее выяснилось: он значится в списке флотской разведки.

Где же этот отважный боец?

В марте 1966 года в Ленинград с Урала приехала группа работников Свердловской телестудии. Они снимали фильм об уральском рабочем, участнике петергофского десанта Павле Добрынине.

Путь их лежал в Петродворец, к местам отгремевших здесь четверть века назад боев. Со свердловчанами был парторг одного из заводов Павел Леонтьевич Добрынин.

Боль, волнение, тревога таились в глазах этого много пережившего человека.

Добрынин рассказывал:

— Седьмого октября, на третий день боев, в штыковой схватке с немцами я был ранен... Очнулся в каком-то

подвале. Пахло конским навозом, сеном. Рядом тревожно ржали, били копытами о земляной пол лошади. Ко мне подошел солдат в гитлеровской форме. Я застонал от боли. Солдат стянул с меня задубевшие от крови и грязи бушлат и тельняшку, промыл и перевязал рану на плече, отвинтил крышку термоса, налил мне кофе, потом угостил сигаретой.

Я удивился — фашист и так ухаживает за мной!

Но тот сказал: «Я чех, — и добавил: — Многих ваших уже расстреляли».

Топоча подкованными сапогами, вошел автоматчик, приказал выйти из подвала. На улице было пасмурно, моросил дождь.

Меня привели в небольшой каменный дом, возле которого стоял часовой. Здание было старое, может быть какое-то дворцовые службы. Повели по лестнице вниз. В узком коридоре — двери. За одной из них, в камере с зарешеченным окошком, у стола сидел немецкий офицер. На погонах с белой каймой у него было по два выпуклых ромбика. Он так чисто говорил по-русски, что я сперва не поверил, что это немец.

На столе стояла бутылка вина. Он предложил выпить, я отказался.

Потом начался допрос:

«Как живут в Ленинграде?»

«Не знаю, я там не был».

«Сколько потоплено кораблей в Кронштадте?»

«Не знаю».

Тогда офицер хлестнул Добрынина кожаной перчаткой по лицу и отдал какое-то приказание.

К моряку подскочили два автоматчика, поставили его лицом к стене.

«Будешь говорить?»

«Я ничего не знаю!»

С Добрынина сорвали тельняшку; стянув руки и ноги проводом, положили спиной на топчан.

«Будут пытаться», — подумал, вернее, почувствовал он каждой клеточкой своего тела. Моряк не боялся смерти. Может быть, она сейчас даже была мила ему на этом страшном, пахнущем кровью и потом топчане.

Человек не знает, никогда заранее не может знать, какие внутренние силы сопротивления живут в нем. Только одно желание владело в эту минуту Павлом: не струсить, не сдаться, не унижить своего человеческого достоинства, остаться верным своему званию бойца, балтийского матроса.

В руках одного из гитлеровцев был какой-то металлический предмет, напоминавший портсигар.

Фашист наклонился над Добрыниным. Страшная боль обожгла тело. Он не знал, что с ним делают, но чувствовал тошноту, запах горелого.

«Будешь говорить?» — опять крикнул офицер, стоявший рядом.

Снова острая, ни с чем не сравнимая боль...

Моряк потерял сознание. Он очнулся на цементном полу в том же подвале. Приподнялся, сел. На груди его справа и слева были выжжены две пятиконечные звезды. Теперь он будет их носить всю жизнь. А много ли ему осталось жить? И узнают ли мать, любимые товарищи о том, что комсомолец, балтиец Паша Добрынин не сдался и в плену, погиб, не нарушив присяги?!

Вскоре за ним пришли. Голова закружилась; тельняшка, которую он с трудом натянул, прилипла к кровавым ранам.

Гитлеровцы вывели вместе с Добрыниным еще двоих моряков. На улице возле дома они увидели танк. Был он горбат, приземист, на борту намалевана какая-то звериная морда,

На танке стоял фашист. Он ухмылялся, глядя на окровавленных советских бойцов. Сердце Добрынина заколотилось. Не помня себя, он стал взбираться вверх по гусеницам танка. Ему хотелось добраться до обидчика, ударить его. Эсэсовец сбросил израненного, шатающегося моряка с танка.

И тут Добрынин заметил стоявшую поодаль женщину. Была она немолодая, в шали, в старом пальто. И чем-то вдруг до боли напомнила Павлу его мать.

«Не сдавайтесь, терпите, сыночки!» — выкрикнула она громко.

Гитлеровец грубо оттолкнул ее.

Потом моряков повели по улице мимо разбитых снарядными домов, мимо пруда, над которым низко склонилась деревья.

Много лет спустя Добрынин со своими товарищами опять пройдет этим путем. Он узнает дом, подвал, где его пытали, узнает один из флигелей бывших царских конюшен, в который втолкнули его к группе моряков.

В Волосовском лагере, куда Павла привезли из Петергофа, пленных почти не кормили. Люди шатались от голода, многие умирали. Некоторые, собрав последние силы, пытались бежать.

Лагерь стерегли эсэсовцы.

Когда случался побег, выстраивали всех. Каждого десятого расстреливали. Добрынин помнил этот страшный счет и чувство облегчения: на этот раз пронесло...

И за то, что в Чудове, где очутился позднее Павел, пленные, заманив, убили овтарку и съели ее, кара была такая же — каждый десятый.

Спали в специально вырытых траншеях, на трехъярусных нарах. И в свидениях было то же: черные фигуры эсэсовцев, смрадные насти овтарок, неумолимый счет: «Десятый!»

Добрынин просыпался в липком поту. Тяжело дышали, глухо стонали во сне товарищи.

Фашистская неволя!

Иногда женщинам из окрестных деревень — солдаткам, у которых мужья воевали, а быть может, также маялись где-то в фашистской неволе, удавалось перебросить через проволоку что-либо съестное. Но за это тоже грозила пуля.

И пришел день, когда, набив до отказа тендушки, Добрынина и тех, кто был с ним, отправили на каторжный труд в Германию.

Их везли в лютый мороз. Замерзшие в пути оставались среди живых, которых ждала, скорее всего, такая же участь.

Прусский город Гумбинен, куда были доставлены русские пленные, в начале первой мировой войны стал ареной ожесточенных сражений. Богатые землевладельцы — «бауэры» — помнили, наверное, как отступали сюда от Шталлупёнена кайзеровские войска. Может быть, и битые вояки жили здесь на хуторах.

На бричках или в «фольксвагенах» прибывали они в лагерь. Богатые крестьяне выбирали людей поздоровее, смотрели не в глаза — на мускулы. Если бы они заглянули в глаза своих рабов, жгучая ненависть польхнула бы оттуда.

На фермах работали от зари допоздна. Ночью возвращались в лагерь. В бараках, оставшись наедине со своей бедой, пели старинные, тоскливые песни. Была среди них и та, что сложили русские солдаты, попавшие в плен к пруссакам еще в ту войну. Песня горькая, щемлящая:

Отбили мне руки,
Отбили мне ноги,
Наверно, придется умирать.
Как вырастут дети

И спросят у мамы:
— Скажи, где родимый отец?! —
А мать отвернется,
Слезую зальется:
— Отец ваш убит на войне.

Может, и о них так будут петь? Нет, не убитые здесь, а заживо погребенные... И все-таки теплилась в солдатских сердцах надежда. Ведь начиналась эта песня так: «Шли три героя из немецкого плена...»

Значит, можно и в плену быть героями...

Русские приближались к укреплениям Восточной Пруссии.

Пленные угадывали это по тревожным взглядам, по случайным обмолвкам немцев. А потом узнавали точно по бомбовым ударам наших красноразведных самолетов. И по сводкам. Они уже научились с грехом пополам читать немецкие газеты, угадывать за геббельсовской брехней истинное положение вещей.

И настал день, настал благословенный час, когда красноармейцы-разведчики первыми ворвались в лагерь, когда Павел прижался небритой щекой к лицу молодого бойца и целовал его, как целовал бы родного брата.

В запасном полку, куда понал после освобождения моряк-десантник Павел Добрынин, он попросил у товарища лист бумаги, написал матери в Харьков: «Я жив!»

Так узнала Елена Ивановна, прочитавшая в сорок втором: «Ваш сын пропал без вести...», что не напрасно верила, не напрасно ждала она сына все эти годы.

В 1946 году Павел Добрынин демобилизовался. Работал в Белоруссии, потом вернулся в свой родной Харьков. Здесь стал железнодорожником, кочегаром в особом резерве железнодорожной колонны. И хотя молодость была загублена войной, Добрынину очень хотелось наверстать упущенное. Павел обрадовался, когда ему предложили

поступить на курсы помощников кочегаров. Но учиться ему не пришлось.

Бригады паровозного резерва передвигались по разным направлениям железнодорожной трассы. С ними попал Павел Добрынин на Урал.

Все ему там понравилось: суровая природа, степенные и сердечные люди. И особенно один человек — дочь участника гражданской войны, партизана, Аня. Она стала его женой.

Павел Леонтьевич поселился за Свердловском, в большом городке Егоршино. Сначала поработал в депо, а позднее перешел на завод.

В Егоршине родились его дети: сын Юра, дочери Лена и Танечка, любимца отца.

В 1962 году Павел Леонтьевич Добрынин вступил в ряды Коммунистической партии. И все, что было с ним прежде, отступило, спряталось куда-то в тайники памяти, померкло перед ярким светом спокойного, счастливого дня.

Слесарь высокой квалификации Павел Добрынин добросовестным своим трудом, требовательностью к себе и другим снискал уважение товарищей.

У своего маленького домика Павел Леонтьевич разбил сад, высадил ягодные кусты. Четыре яблоньки, высаженные им, составляли его гордость. В землю он посадил зернышки. И каждая новая веточка, каждый листок вызвали в душе его нежность, радость. Он следил за тем, как неокрепшие деревья набирают силу, уходят корнями в землю. Нетерпеливо ждал, когда принесут они свои первые плоды.

В марте 1966 года мы встретились с Павлом Леонтьевичем в Ленинграде. Он и мечтал об этой поездке, и боялся ее. Побывать в Петродворце, пройти по дорогам, где до сих пор мерещатся ему разрывы гранат и снарядов,

вновь прикоснуться к тому, что он старался и не мог забыть!

Ему казалось: вот он приезжает в Кронштадт и на одной из улиц встречает мальчика, который когда-то подарил ему самодельную финку. И хотя волосы Павла Добрынина были подернуты сединами, хотя время и страдания оставили на его лице неизгладимый след, мальчик в обрамлении моряка оставался таким же, как двадцать пять лет назад, — худеньким, с испытующими глазами.

Увидев город, за который он бился, воскрешенным, Добрынин словно помолодел. И даже то, что фонтаны еще не работали, что статуи были спрятаны, словно египетские мумии, в деревянных коробах, не мешало ему видеть этот город прекрасным.

И родное море, Финский залив тоже были рядом.

Из дому Павел Добрынин прислал нам две свои фотографии. На одной он снят в 1940 году в Кронштадтской школе оружия. А вторая была напоминанием о том, что с этим человеком сделал фашизм.

«Эти звезды, — писал Павел Добрынин, — мне выжгли фашистские варвары, но добиться от меня они не могли ничего... Эти звезды — моя родина, СССР».

В своих письмах к нам Добрынин вновь писал о паренке из Кронштадта: «Я до сих пор его вспоминаю... Как хотелось бы мне его найти и женщину, что стояла тогда недалеко от танка».

Через несколько недель после возвращения ветерана домой мы получили от Анны Николаевны Добрыниной телеграмму о скоростипижной его смерти.

Словно мина замедленного действия, пролежавшая четверть века в земле, разорвалась у его ног. Или мертвый, невесте где закопанный в петергофском парке враг встал из-за своего уже не существующего бруствера и поразил моряка проклятой давней пулей. Воспоминания

опасны. Они убивают и тогда, когда война уже давно отгремела.

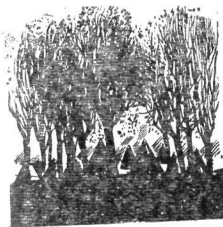
Павла Добрынина хоронили с почестями...

Теперь яблоньки будут расцветать уже без него. Он не успел увидеть розовую пену их первых цветов, собрать крепкие, созревшие плоды. И яблоньки, и все, что он создал в своем доме трудолюбивыми руками, осталось теперь как память о нем.

Моряк-балтиец спит в уральской земле.

Но если вдруг тот паренек из Кронштадта, теперь уже взрослый человек, или женщина, что помогла в черный день моряку добрым словом, узнают себя в этих строках, откликнитесь. Нанишите семье Павла Добрынина, чтобы дети его могли вместо отца передать вам свою благодарность!

На рубежах славы

Вот и закончился затянувшийся на тридцатилетие поход в прошлое.

Случилось так, что из всего пережитого за военные годы этот оставшийся неизвестным до последнего времени подвиг, этот десант стал для нас самым сильным, самым мучительным воспоминанием. И люди, ушедшие и погибшие с ним, словно зывали к нашей памяти: «Расскажи, не оставляй неизвестным то, что обязаны знать многие. Нет, не для нас и даже не для наших детей, не для брэнной земной славы. А для того, чтобы юноша, ставящий на заре здесь легкий парус, девушка в праздничном платье, приходящая в пору своих мечтаний знать многие. Мы тоже причастны к их счастью, к их судьбе, незримо следуем за ними, направляем их путь.

Мы были разными — нежными душой и грубоватыми, образованными и закончившими лишь четырехлетку: мы рано начали самостоятельно трудиться, раньше, пожалуй,

чем вы, современная молодежь, страдать и любить. Но мы такие же, как вы, со своими надеждами и мечтами, со своим упорством и стремлением повернуть жизнь по-новому. Мы лишь на тридцать лет, чем вы, старше и авечно моложе!»

В сердце каждого из живых голоса героев звучат денно и ночью.

Об этом хорошо сказал человек большого мужества, не раз водивший моряков в бой, комиссар бригады морской пехоты Петр Яковлевич Ксёиз.

Внук героя гражданской войны, соратника Серго Орджоникидзе, славных красных казаков Подтелкова и Кривошлыкова, балтийский комиссар Ксёиз обращается со стихами к тем, кто отдал жизнь за Родину, кто отстоял в бою завоевания Октября. И даже не со стихами, а с душой, какую пели кобзари, — неприятельской, простой, бесконечно искренней и чистой.

Не придирайтесь к корявости слов, неверным ударениям, неточным рифмам. Меньше всего думал комиссар Ксёиз о том, что он пишет стихи.

Это к вам, Ворожилов и Петрухин, к вам, дорогие командиры, комиссары, бойцы всех наших десантных отрядов, всех морских бригад, обращается ваш товарищ и соратник:

Помынем их тихим словом,
Человеческим теплом,
Обдадим дыханьем дома
Их могилы над леском.

Матерям спасибо скажем,
Кто воспитывал таких
Людей скромных, терпеливых,
И отважных, и лихих.

Помынем и командиров,
Кто водил матросов в бой,

Своей доблестной отвагой
Увлекал их за собой.

Помынем и комиссаров,
Кто с открытою душой
Слово партии нес к людям
В бой тот, страшный и большой.

Там, где отгремели бои, где земля и сегодня еще под зеленою дугою и желтизной нив таит в себе праведную кровь героев, в честь победы и тех, кто добывал ее, народ поставил памятники.

Они стоят на раздорожье, у приморских шоссе.

Подойдите к ним, вчитайтесь в надписи.

На дороге Ленинград—Петродворец, вблизи трамвайной остановки «Урицк», еще в войну, в 1944 году, был поставлен обелиск с надписью: «Здесь в жестоких сентябрьских боях 1941 года захлебнулись собственной кровью фашистские полчища, остановленные доблестными ленинградцами».

Далеко просматривается со стороны дороги Петродворец—Гостилицы и другой обелиск из розового гранита. Он воздвигнут на десятом километре шоссе в память о тех, кто шел на помощь кронштадтскому десанту, сражался в котловане у Английского дворца. Сверкают золотом буквы:

«На этом рубеже осенью 1941 года в составе войск 8-й армии вели ожесточенные бои и сдерживали яростные атаки противника, рвавшегося к Ленинграду, курсанты и офицеры Военно-морского хозяйственного училища ВМФ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу нашей родины!

Боевые друзья-однополчане».

За обелиском — березки. Вокруг — скрепленные цепью якоря. На мраморе список фамилий.

На окраине Петродворца, за оврагом, разделяющим Старый и Новый Петергоф, неподалеку от братских могил моряков и солдат, в двадцатый год победы над фашистской Германией поднялась десятиметровая стела из серого гранита. «На этих рубежах в 1941—1943 годах воины Ленинградского фронта и моряки Балтийского флота в жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками отстояли Приморский плацдарм. Отсюда и со стороны Пулковских высот в январе 1944 года начался разгром врата, завершившийся освобождением Ленинграда от блокады. Вечная слава героическим защитникам Ленинграда».

Там, где у Роиши и возле Красного Села, в районе Гостилиц и Петродворца в сентябре 1941 года проходила линия обороны, усилиями многих тысяч ленинградцев высажены парки и сады, воздвигнуты монументы. Они-то и составляют в своей совокупности величественный мемориал — Зеленый пояс Славы. Он начинается от Петродворца и уходит к Копорской губе, в даль бывшего Ораниенбаумского плацдарма.

Надписи на памятниках говорят: здесь сражалась морская пехота, бились насмерть воины 8-й армии, бойцы народного ополчения, курсантский батальон.

«Приморский», «Атака», «Якорь», «Январский гром», «Дальний рубеж», «Берег мужественных» — все эти названия могли бы стать заголовками стихов, здесь ими названы поэмы из гранита и бетона. И под каждым спят герои!

Фашисты пытались перед уходом уничтожить следы своих преступлений. Обугленная лепка парадных залов дворца, стены школы, превращенной в концлагерь, где на штукатурке пленные выводили перед расстрелом слова прощания, все было предано огню. Мертвые молчат, должны молчать и камни.

Но удар советских армий был так стремителен, что гитлеровцам не удалось довести до конца свои злодеяния.

Молодой советский офицер переступил порог помещения, где сложены были штабелями книги из дворцовой библиотеки, предназначенные, очевидно, для отправки в Германию.

Стекла огромных окон плавилась от огня, серые капли, словно слезы, застыли на почерневших рамах. Лютый январский холод успел уже выстудить опустошенный зал. Командиру показалось в первую минуту, что книги целы. Можно было прочитать на листе раскрытого фоллианта ровные ряды букв.

Но стоило дотронуться до страницы, стоило зимнему ветерку ворваться в выгоревшее помещение, и слова на сожженной бумаге распадались, исчезали.

Может быть, с подобными страницами приходилось иметь дело нам, когда мы по клочкам собирали историю исчезнувшего петергофского десанта.

Мы убежденно верили, что жизнь позволит, пусть не сразу, раскрыть подвиг десанта.

И вот первое издание книги вышло в свет. Но истории коллективного поиска истины на этом не прекратилась. Только теперь запрашивали уже не мы. Свидетели событий сами находили авторов повести.

В истории судеб участников петергофского десанта, о которых нам сообщали после выхода повести, не все удалось расшифровать до конца.

Есть среди них недосказанные, оборванные на полуслове. Но и такие, они представляют, нам кажется, значительный интерес. Мы публикуем их на заключительных страницах в надежде, что сможем узнать продолжение.

Вспоминают моряков, служивших на краснознаменном крейсере «Аврора» (он стоял в грозную годину войны

в Ораниенбауме), откуда в петергофский десант влилась целая группа.

Вот письма бывших авроровцев военных лет — трюмного машиниста Николая Арсеньевича Кострюкова и начальника санчасти крейсера Владимира Алексеевича Веселова.

Веселов вспоминает с грустью и любовью об ушедшем в десант своем боевом помощнике — санитаре Николае Михайловиче Силкине.

Он помнит моряка-комсомольца в дни, когда на «Аврору» пикировали фашистские бомбардировщики, когда корабль осыпал снаряды гитлеровских орудий.

Вода поступала в трюм. На корабле было много раненых и убитых. Молодой санитар оказывал помощь товарищам. Светловолосый, стройный моряк не терялся, он был незаменим в этой страшной обстановке. Трудолюбивый, дисциплинированный, Силкин проявлял спокойствие, умел подбодрить друзей шуткой.

Веселов виделся с ним в последний раз уже в начале октября в Кронштадтском учебном отряде, куда была переведена почти вся команда крейсера.

Веселов знал, что часть авроровцев была отобрана для выполнения какого-то ответственного задания. Целыми днями они отсутствовали, прохода подготовку.

«Я уверен, — пишет бывший командир Николая Силкина, — что и в десанте он был смелым, честным, настойчивым».

Прошло тридцать лет, но я его часто вспоминаю, от личного матроса».

Другой старый аврорец — Николай Арсеньевич Кострюков — помог нам узнать о судьбе участника десанта волжанина Василия Яшина.

Многие близкие друзья Кострюкова, в том числе и Яшин, ушли в морскую пехоту.

Котельный машинист Василий Яшин незадолго до ухода в десант оставил своему балтийскому другу фотокарточку с надписью: «Дарю копию, но помни оригинал. В. Яшин. Саратов».

Все эти годы Кострюков берег фотографию, помнил друга.

В саратовской газете «Коммунист» он опубликовал статью о петергофском десанте, рассказав в ней о своем друге.

Там было напечатано и обращение редакции: «Просим всех, кто знал Василия Яшина, откликнуться и сообщить все, что известно о нем и его семье».

И такие люди нашлись! Вскоре многотиражная газета саратовского нефтеперерабатывающего завода имени С. М. Кирова «Кировец» опубликовала целую полосу, посвященную бывшему слесарю ремонтно-механического цеха завода Василию Леонтьевичу Яшину.

Мы прочли выписки из книги личного состава завода, воспоминания заводского товарища Василия Кузнецова. «Я вместе с ним строил завод, вместе служили на Балтике. Я хорошо знаю его жизнь, его родных».

Первые годы пятилетки, комсомольская стройка... Вот где ковались верность и мужество. Ведь от пуска первого крекинга, от занятий военно-морским делом в заводском кружке Осоавиахима до последней, яркой, как вспышка выстрела, минуты жизни Василия Яшина один последовательный, прямой путь.

Живут в Саратове две младшие сестры Василия Яшина. Клавдия Леонтьевна работает на заводе щелочных аккумуляторов, Антонина недавно закончила техникум.

Отец и мать Василия, потерявшие на войне и второго сына — Александра, умерли, так и не узнав обстоятельств гибели моряка.

Отец — участник гражданской войны, сын — герой Балтики. Это тоже одна честная, прямая дорога!

Кострюков пригласил Клавдию Леонтьевну в Ленинград. Она побывала в Ломоносове, откуда Василий ушел на фронт, в Петергофе, где он погиб.

На «Авроре» сестре балтийца подарили книгу о крейсере с надписью: «Пусть этот альбом напомнит Вам о службе Вашего брата на легендарном корабле с 1937 года по 28 сентября 1941 года. В этот день он сошел с крейсера и покинул его навсегда...

В наших сердцах вечно будет жить память о моряках-авроровцах, отдавших свою жизнь в боях за город Ленина в суровом 1941-м».

О другом десантнике рассказало нам письмо, присланное в 1970 году из Харькова Анатолием Францевичем Наркелюком.

«...Я хочу назвать имя своего любимого дяди, Буняева Михаила Леонтьевича, 1911 года рождения, призванного на флот из Харькова.

В кипе ответов на запросы он числится пропавшим без вести, но мне кажется, что погиб он именно в кронштадтском десанте моряков в Петергоф в октябре 1941 года.

Вот письмо, которое получила его жена от фронтового друга моего дяди».

Смятый бумажный треугольник с адресом: «г. Харьков, ул. Ворошилова, № 102, тов. Буняевой Ю. Ф.». Обратный адрес: «Полевая почта 23000 «а». И. И. Ефименко». «3 сентября 1944 года.

Здравствуйте, Юлия!

Это письмо пишет вам Ефименко Иван, товарищ по работе, а затем по службе вашего мужа Миши Буняева. Уважаемая Юлия! В последний раз я видел Мишу в 1940 году, в июне месяце. В этом же месяце я с ним расстался.

В 1941 г., в декабре, я вернулся с Ханко сюда, где слу-

жил вместе с Мишей. Здесь я встретил своего друга Васю Цветкова, который рассказал мне такую историю: в октябре месяце отряд моряков был высажен десантом в Петергоф, где уже находился немец. Из этой операции мало кто вышел живой, мой друг Вася Цветков был тяжело ранен, его вынесли с поля боя, а Миша остался там. Хочу вам еще написать, что у Миши был друг Толя Шниаев, друг по футболу и по службе. Он убит. Все это мне рассказывал мой друг Василий Цветков, который высаживался с десантом на Петергоф с Мишей и Толей.

Вот и все, что я мог вам сообщить, Юлия.

Откровенно говоря, шансов на то, что Миша жив, очень мало, потому что он не из таких, чтобы быть в плену.

На этом свое письмо кончаю. Примите наилучшие пожелания в вашей жизни.

Ваня Е.».

Каким же он был, этот моряк из отряда полковника Ворожилова?

«До призыва на Балтику, — сообщает А. Ф. Наркелюк, — мой дядя работал электромонтером, хорошо играл в футбол в составе харьковской футбольной команды.

На флоте, куда его призвали в 1937 году, учли его специальность и направили в Электромеханическую школу.

Программу школы быстро сдал. По-прежнему играл в футбол, а зимой был хорошим игроком в русский хоккей. Зимой 1941-го он даже играл в составе ленинградского «Динамо», в ту пору чемпиона СССР по хоккею.

Служил он в Электромеханической школе в должности командира отделения, играл в футбол и за Учебный отряд и за сборную КБФ, участвовал в спартакиаде имени XX-летия РККА.

Игроков сборной на флоте хорошо знали, любили. И на грамоте, врученной Михаилу, не просто подписи, а подписи будущих героев Великой Отечественной войны...»

Анатолий Францевич прислал нам эту грамоту с подписями командира Учебного отряда Лежавы и комиссара Петрухина.

Дорогие для нас подписи. И на увольнительной, сбереженной в семье, подпись начальника школы Ворожилова.

Людей нет, а тоненькая пожелтевшая от времени бумага цела.

И фотография, снятая 15 сентября 1940 года в Таллине на футбольном поле, куда выбегает флотская команда.

Фото команды Электромеханической школы, в центре — Михаил Буняев с кубком.

Анатолий Наркелюк в семнадцать лет, после освобождения Харькова, пошел на фронт, первый бой принял 22 июня 1944 года южнее Петрозаводска, последний — в Германии в 1945 году, у Свинемюнде.

И то, что память о близком человеке, балтийском десантнике, всегда с ним, подтверждают заключительные слова письма: «Теперь мне сорок четыре года, а память о героях войны живет и в грусти и в долгу перед ними».

В грусти и в долгу перед павшими... Это чувство владеет всеми, кто откликнулся на наш рассказ.

Среди ушедших в десант политруками и замполитруками было много воспитанников Ленинградского военноморского политического училища.

В политучилище на Малой Охте учились и Герой Советского Союза Александр Посконкин, и участники десанта в Петергоф Михаил Рубинштейн, Александр Го-

мульский, Михаил Винокуров, Константин Федоров и другие.

Бывший начальник училища капитан первого ранга в отставке Алексей Романович Ващенко передал нам сбереженное им с марта 1945 года письмо участника десанта Константина Федорова.

Вот что говорится в этом письме:

«...5 октября 1941 года я ушел в десант в тыл к фашистам с отрядом полковника Ворожилова и комиссара Петрухина.

В данное время я серьезно ранен, нахожусь в Ленинграде в госпитале. Мой адрес: Ленинград, 11, почтовый ящик 838«а».

Очень прошу вас посодействовать мне вернуться в КВФ.

Извините, что пишу неподробно и неразборчиво, виной тому рана».

В 1944 году, бежав из плена, Федоров командовал стрелковым, а потом пулеметным взводом, с боями дошел до Кенигсберга.

Об этом он рассказал Ващенко, навещавшему его в госпитале. У Федорова, по словам Ващенко, были записи о десанте.

Итак, Константин Федоров рассказывал своему начальнику о десанте. На глазах Федорова погиб командир отряда Ворожилов. В бою Федоров был ранен. Где-то в петергофской земле остался его орден Красного Знамени, полученный в финскую войну. Это было, как вспоминал он, недалеко от фонтана «Самсон».

Потом, истекая кровью, он лежал в сарае, где находились жители Петергофа. Какой-то мальчик давал ему пить.

Несколько раз пытался Федоров бежать из гитлеровских лагерей.

В первый раз это было под Таллином. Побег был неудачным. Федорова схватили. И все же он снова бежал, попал в ряды Красной Армии.

После войны Федоров искал в парке Петродворца место, где закопал орден, но безуспешно.

Константин Федоров, Василий Цветков, шедшие с Вержиловым в десант, после окончания Отечественной войны были живы. Мы очень хотим, чтобы эти строки попали им на глаза и чтобы они откликнулись. Тогда наша повесть пополнится двумя ценными свидетельствами новых, ставших известными участников десанта.

„В грусти
и в долгу...“

А вот новые страницы, связанные с запиской «Живые, пойте о нас!».

В повести мы назвали предположительно имя того, кто мог ее написать, — политрука, комсомольского вожака Михаила Рубинштейна.

В двадцать пятую годовщину освобождения Ленинграда от вражеской блокады на торжественный вечер ленинградского завода «Знамя труда» были приглашены участники описываемых в повести событий. Там среди других заслуженных фронтовиков был и заведующий заводским кабинетом политического просвещения, балтиец-моряк, однокашник Михаила Рубинштейна по Военно-морскому политическому училищу Иван Михайлович Раснюк.

Раснюк был направлен в училище с Тихоокеанского флота. Он вспоминает, как 22 июня вместе с Мишей и другими курсантами они выехали рано утром в Петергоф для участия в традиционном открытии фонтанов.

— Миша, — рассказал нам Раснюк, — был обаятельным человеком. Высокий, плотный, с крупными чертами

лица. Немногословный, любил внимательно слушать собеседника. А глаза его в это время светились доброжелательством. Нетрудно было заметить, что он взвешивает каждое слово, поддерживая все доброе, верное и критически, с юмором отсеивая наносное, надуманное.

Мы учились в разных классах, но в кубрике наши койки стояли рядом.

В последний раз мы встретились с ним в конце сентября. Он рассказывал о своей работе в Политуправлении. За день или за два до высадки десанта в училище зашли на короткое время товарищи, отобранные в отряд Ворожилова в качестве политруков.

Миша Винокуров, Саша Гомульский, Авдеев... На них были бушлаты, брюки, заправленные в сапоги. Они рассказывали друзьям-одноашиникам, в том числе и мне, о своем назначении в оперативный морской отряд, которому предстоит пройти по тылам врага и возвратиться в Кронштадт.

«Вышибем из гадов фашистский дух!» — говорили друзья. Куда предстоит им высадиться, моряки не знали...

Иван Михайлович Раснюк твердо уверен, что записку «Живые, пойте о нас!» написал его товарищ Михаил Рубинштейн. Это в его характере.

По-иному думает подполковник запаса Константин Константинович Грицинский.

В то время Грицинский служил в разведотделе штаба КВФ. Ему довелось дважды, днем 5 октября и ночью 6 октября 1941 года, участвовать в попытке высадить балтийских разведчиков на занятый фашистами петергофский берег для того, чтобы связаться с десантом. Попытки эти не увенчались успехом. Один из кораблей был подбит; высаженные ночью с бронекатера на шлюпке разведчики не вернулись.

К. К. Грицинский считает, что автором записки мог быть командир группы разведчиков, шедших с отрядом полковника Ворожилова, лейтенант Михаил Зельтер.

После опубликования очерка Грицинского «Петергофская была»¹, связанного с событиями, описанными в нашей повести, он подучил из Кишинева письмо от брата лейтенанта Зельтера:

«Во время войны, когда перестали прибывать от брата письма, на запрос матери пришло извещение: «Пропал без вести».

С тех пор мы ничего не слышали и не знали о его судьбе. Не поступило известий и от жены брата (она была врачом). Полагаем, что она погибла на фронте.

И вот, через 27 лет Ваш рассказ».

«С Михаилом, — писал в ответ К. К. Грицинский, — я повстречался в июле 1941 года. Вначале наши подразделения находились в Петергофе. Зельтер со своими бойцами размещался в одном из домов Старого Петергофа.

Он командовал ротой эстонских моряков. Они готовились для переброски в Эстонию.

Я обучал их топографическим знакам на карте, умению ориентироваться на местности. Вот тогда-то я и познакомился с Вашим братом. Всех эстонцев забросили через линию фронта. Миша остался без «команды».

К этому времени Новый Петергоф был взят немцами. Наши разведгруппы перебазировались в Кронштадт. Около двух-трех недель я жил вместе с Мишей в Северных казармах, сдружился.

4 октября 1941 года был отдан приказ снарядить на ответственное боевое задание 40 краснофлотцев и старшин. Я и Миша отбирали и вооружали людей, не знал, куда они пойдут.

¹ «Нева», 1969, № 9.

Командиром взвода был назначен лейтенант Зельтер. Когда мы прощались с Мишей в Северных казармах, он сказал мне: «Костя! Вот адрес жены... Одесса... Сообщи ей, если не вернусь».

Подавив в себе минутную слабость, Млинка вытер слезы, попрощался.

Я помню, как, задержавшись на половине марша, он оглянулся и сказал: «Не поминайте лихом... Пойте о нас!»

Потом он быстро сошел по трану, догоняя своих моряков».

После того как в передаче Ленинградского телевидения «Страницы морской славы» было рассказано о петергофском десанте, ленинградка Полина Евдокимовна Калинина обратилась к нам с письмом. Она сообщала о своем брате, ушедшем в десант с линкора «Марат».

«Мишка — так была подписана записка моряка, найденная во фляге... И моего брата звали Миша. И я думаю, что это мой брат так подписал».

Рубинштейн, Калинин, Зельтер — все Михаилы. В списках ушедших в десант есть и другие, носившие это имя. И кто бы из них ни написал записку, мы уверены в том, что это был достойный, скромный, мужественный человек, кровью своей и жизнью, отданной в бою, заслуживший право обратиться к грядущему поколению от имени всех, кто сражался с ним рядом, погиб, но врага не пустил в Ленинград!

Письма... Каждое из них — рассказ о чьей-то оборванной жизни, каждое обито слезами матери, не дождавшейся сына, слезами жены, сестры, детей.

Прошло уже больше тридцати лет, а боль не утихает, заставляет обращаться к тем, кто вызвал из забвения образы близких.

Письмо Татьяны Ивановны Мамонтовой пришло из Свердловской области. «Прошлым летом, — сообщала

она, — в газете «Уральский рабочий» было написано о коммиссарском десанте. Меня это заинтересовало, и я обратилась в Военно-морской архив. Недавно получила сообщение, что мой брат Мамонтов Алексей Иванович проходил службу в десантном отряде имени Ворожилова (здесь ошибка, видимо, писалось «под командованием Ворожилова». — Авт.). Может быть, вам что-нибудь еще известно?»

Центральный военно-морской архив в Гатчине на все запросы отвечает сердечно и тщательно. Ни одного письма, связанного с историей, описанной в повести «Живые, пойте о нас!», не оставляем без ответа и мы.

Были письма, связанные с судьбами людей, ушедших служить на Балтику из мест, далеких от волн и морских штормов.

Длительная переписка завязалась у нас с педагогом Урмарской средней школы Чувашской АССР Владимиром Михайловичем Бурмистровым.

«Шлю Вам свой чувашский привет, салам!

По возвращении из Бреста (туда ездили отметить память своих земляков чувашские школьники) нас ожидала весть — архив из Гатчины сообщил, что в составе десанта в Петергофе был наш земляк, комсомолец Алеев. Сбылись наши мысли, мы словно сердцем чуяли...»

Поиск своего земляка школа и ее педагог начали в деревне Узбеби Урмарского района в 1966 году.

Сейчас его продолжает в другом близлежащем селе школьный клуб «Сокол».

Да, действительно комсомолец Хусметдин Алеев, 1921 года рождения, был призван на флот из деревни Урмаево Комсомольского района. Он был связистом. И должно быть, это его «почерк» распознал на Морском канале разведчик-радиот из группы Карпова утром 5 октября.

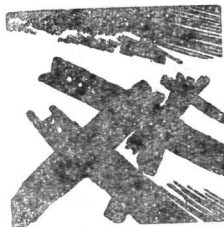
Распознал, но сразу же потерял. Что стало с Алеевым, мы не знаем.

Пионерская дружина имени Героя Советского Союза Константина Антонова на свой запрос об Алееве получила из Центрального военно-морского архива точный ответ.

Алеев окончил Школу связи Учебного отряда КВФ. После этого служил на крейсере «Петропавловск». В октябре 1941 года был зачислен в десантный отряд, который участвовал в боях в районе Петергофа. По учетным данным архива, краснофлотец Алеев Х. Г. значится пропавшим без вести в октябре 1941 года.

И в Башкирии красными следопытами уфимской школы № 11 обнаружен их земляк, причастный к событиям, описываемым в нашей повести. Это курсант Выборгского военно-хозяйственного училища Георгий Щепкин, шедший в курсантском батальоне на выручку морскому десанту.

Он погиб под Петергофом в октябре 1941 года.

Моряк с крейсера „Петропавловск“¹

Только после выхода первого издания повести мы узнали о том, что в десанте под командованием полковника Ворожилова принимала участие большая группа краснофлотцев и старшин тяжелого крейсера «Петропавловск».

Впервые мы прочитали упоминание об этом корабле в письме чувашских красных следопытов о своем земляке Алееве.

Недавно мы встретились с капитаном первого ранга, инженером запаса Я. К. Грейсом, бывшим офицером артиллеристом «Петропавловска», рассказавшим о боевых действиях своего корабля в годы Отечественной войны.

Крейсер «Петропавловск» к началу войны не был достроен. Бывший народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов в книге «Накануне» пишет: «По сути дела, крейсера, как такового, не было, мы получали лишь корпус корабля без механизмов и вооружения»¹.

¹ Н. Г. Кузнецов. Накануне. М., Воениздат, 1966, стр. 260.

Корабль достраивался в Ленинграде на Балтийском судостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе. Немцы задерживали поставку механизмов и вооружения, пытались всячески воспрепятствовать вводу корабля в строй.

И все-таки героическими усилиями рабочих и инженеров, при активнейшем участии команды корабля, в августе 1941 года крейсер был подготовлен к боевым действиям.

«Петропавловск», установленный на огневую позицию в Угольной гавани Ленинградского торгового порта, вместе с другими кораблями Краснознаменного Балтийского флота наносил артиллерийские удары по фашистским войскам, равнившимся к Ленинграду. Первый раз крейсер «Петропавловск» открыл огонь по противнику 7 сентября, когда фашистская танковая колонна вошла в зону досягаемости его орудий в районе деревни Кинень.

В течение одиннадцати дней артиллерия корабля вела огонь по наступающему врагу. Если первые стрельбы проводились на максимальную дальность тридцать два километра, то последние — только на четыре километра, уже прямой наводкой.

Семнадцатого сентября фашисты, сосредоточив орудия крупного калибра возле опушки леса в районе Сосновой Поляны, открыли по досаждавшему им крейсеру сильный огонь. В корабль попало свыше пятидесяти 210-миллиметровых снарядов. Несколько из них поразило сердце крейсера — электростанцию. Еще до этого в боевое отделение первой башни, которой командовал лейтенант Грейс, был подан снаряд. Чтобы выстрелить, лужен был еще и заряд. Но механизмы подачи не работали. Краснофлотцы и старшины артиллерийских погребов, в которые уже поступала вода, при тусклом свете фонарей вручную подняли два тяжелых полузаряда, навели орудие. Это был последний выстрел «Петропавловска» в 1941 году.

Фашисты считали, что с этим кораблем покончено. Случилось иное! Притопленный корабль был поднят, уведен из-под самого носа врага. Буксиры привели крейсер на Неву, в район Масляного Буяна.

Здесь, в тяжелых условиях блокады, под непрерывающимися обстрелами, крейсер отремонтировали, снова привели в боевую готовность.

Совершилось чудо: в январе 1944 года, во время разгрома немцев под Ленинградом, воскресший корабль произвел по врагу более тысячи выстрелов.

Капитан первого ранга Грейс, рассказы которого о любимом корабле можно слушать часами, принес нам хранящуюся в семье как дорогую реликвию последнюю весточку от своего старшего брата, ушедшего в петергофский десант командиром стрелкового взвода.

Вот что он писал:

«...Мне сказали, что в десанте есть ребята с Яшиного корабля, и я пошел туда узнать, нет ли среди них и его. Яшу не нашел, но встретил ребят, с которыми учился, и решил пойти с ними...

Друзья доложили начальнику штаба, тот комиссару. Я пошел и получил назначение. Из сухопутчика-артиллериста (брат Грейса служил в Кронштадте зенитчиком. — *Авт.*) попал в моряки.

Надеюсь, что вы одобрите мое желание. Целую крепко всех вас.

Дима.

3.10.41».

И в самом деле, после того как 17 сентября 1941 года фашисты вывели «Петропавловск» из строя, многие краснофлотцы, старшины и командиры крейсера отправились на сухопутный фронт. Около пятидесяти человек ушло с кронштадтским десантом в Петергоф.

Среди них были краснофлотцы и старшины всех специальностей — моторист Григорий Федорович Калько, артиллерийский электрик Борис Францевич Кейль, трюмный машинист Николай Федорович Кривоногов, рулевой Дмитрий Ильич Федосенко, торпедист Николай Макарович Шульга, связист Хусметдин Гасудинович Алеев и многие другие.

Ветераны крейсера «Петропавловск» считали, что пи один их товарищ из петергофского десанта не возвратился. Думали так и мы. Но после выхода книги, благодаря поискам наших друзей и помощников из Центрального военно-морского архива, было установлено, что один из петропавловцев, участников петергофского десанта, жив!

В селе Покровском Рязанской области работает садоводом инвалид Отечественной войны Гавриил Гаврилович Титунин. У него семья: жена, сын — студент медицинского института.

По праздничным дням ветеран прикрепляет к пиджаку солдатский орден Славы III степени.

Титунин родился здесь, в селе Покровском, в 1920 году, закончил семилетку, потом бухгалтерские курсы. До призыва на флот в 1940 году работал сельским бухгалтером.

Недавно Гавриил Гаврилович, в прошлом комсомолец, побывал в гостях у молодежи Петродворца.

— Службу я начал, — рассказал Титунин, — в Школе оружия имени Сладкова Учебного отряда КБФ. Помню командира нашей второй роты Ястребова, младшего политрука Андрея Зиначева. Я не знал тогда, что мне придется с моим командиром роты идти в бой и что с политруком, а теперь капитаном первого ранга. Зиначевым буду вспоминать много лет спустя и Ястребова, не возвра-

тившегося из Петергофа, и старшину Дороша, и многих других наших славных товарищей.

Я учился на дальномерщика. После окончания школы в апреле сорок первого был списан на новостроящийся крейсер «Петропавловск».

Корабль стоял в Угольной гавани в Ленинграде. Командовал крейсером капитан второго ранга Ванифатьев.

В начале октября сорок первого года группу петропавловцев направили с крейсера в Кронштадт, где был сформирован десантный отряд. Мы разместились в Школе связи имени Попова. Кронштадт обстреливался с занятого фашистами берега, и у нас были жертвы.

Четвертого октября весь отряд был собран.

Помню прощальный митинг. Помню, как выступал командующий флотом Трибуц и что самолеты «чайки» во время митинга все время барражировали над нами.

— Когда мы уходили в десант, — вспоминает Титунин, — мы все были приписаны к одному большому кораблю, Балтийскому флоту. Мы получили оружие, гранаты. Вместе со мною шли в бой Василий Костин из Смоленска и Матвей или Михаил Добровольский из Москвы. Они были, как и я, комсомольцы, краснофлотцы.

Потом я не раз вспоминал их.

В ночь на пятое октября, когда нас посадили на катера, командир роты техник-интендант третьего ранга Ястребов, бывший мой командир по Школе оружия, сказал: «Высаживаться будем в Новом Петергофе, в районе пляжа. Задача — соединиться с войсками Восьмой армии».

Катера шли кильватерной колонной, при подходе к Петергофу развернулись. У берега нас начали сильно обстреливать.

Как только катер коснулся дна, мы начали высадку.

На берегу много убитых и раненых. Весь берег в воронках от снарядов. Впереди, метрах в пятидесяти, в

несколько рядов протянута колючая проволока. Нас обстреливали со стороны дворца. Бушлаты были мокрые, стесняли движение, мы их сбросили.

Мы залегли за бугром и открыли ответный огонь.

Сперва огонь немцев был таким сильным, что продвигаться вперед казалось почти невозможно. По цепи передали, что убит Ворожилов. Мне удалось доползти до разрушенного здания. Отсюда был ясно виден дворец. Недалеке от здания за бугром я увидел повешенного человека. Разглядел, что на проволоке или на проводах висела девушка, с темными косами, почти пагая. Лицо молодое, грудь обезображена.

Я страшно выругался, как не ругался никогда.

Ведя огонь, мы продвигались вперед, некоторые ребята стали уже подниматься к дворцу. У меня кончились патроны, я подобрал немецкий автомат. Стрелял расчетливо, стараясь попасть в переползавших немцев. Наверху показались танки. Они стреляли по парку.

Ночь прошла в перестрелке. На другое утро на нас спустился овчарок. Одна кинулась на Костина. Я ее пристрелил.

Потом я увидел подползавших к нам гитлеровцев, офицера и рядового. Я выстрелил в них в упор. Солдата убил, а офицера — точно не знаю.

В этот миг мы все — Добровольский, Костин и я — были ранены осколками одного снаряда. Добровольский — легко, в грудь, Костин — в плечо, мне отбило кисть левой руки.

В это время фашистское радио загорланило: «Черные демоны, сдавайтесь!» Костин сказал им в ответ такое, что погромче радио было!

Хотелось пить. Рядом была канава, но вода в ней потемнела от крови. В это время ко мне подполз Добровольский. Мы уже несколько часов вели бой...

Далее Титунин рассказывает, как, истекая кровью, они стали пробираться к берегу. Поддерживая друг друга, добрались до стоявшего недалеке катера. Катер был подбит, моторист никак не мог его завести. Наконец мотор завелся, раненые помогли откачать воду. Фашисты заметили моряков, стали обстреливать, два снаряда разорвались почти что рядом. Костина убило сразу. Добровольский скончался от ран перед Кронштадтом.

В катере лежало много касок. Десантники при выдачке их не надевали, шли в бой в бескозырках.

Теперь каской Титунин вычерпывал воду.

Он ослабел от большой потери крови, но работал из последних сил. «За жизнь держался», — говорил он нам.

В Кронштадте Титунин был доставлен в госпиталь. Руку пришлось ампутировать выше локтя.

Моряку спасла жизнь кровь доноров — славных ленинградских женщин.

Все эти годы хранил он письмо, прибывшее в свердловский госпиталь, куда молодой моряк был эвакуирован из Ленинграда.

«Милый мальчик, — говорилось в письме. — Очень рада, что ты выздоравливаешь и чувствуешь себя хорошо. Все, за что ты благодаришь, является нашей священной обязанностью, долгом спасти жизнь наших защитников — воинов.

Да, мальчик, были у тебя трудные минуты, когда жизнь могла покинуть тебя. Но медицинская наука дала нам средство спасения жизни — переливание крови. Вам, Гавриил Гаврилович, дважды перелила кровь врач Васильева от ленинградских доноров Лабининой и Кунчинской (взята кровь у них 18/IX 41 г.). При первом переливании крови нам не удалось установить фамилию донора, знаем только, что это кровь кронштадтца.

Мы Вас запомнили и вспоминаем Вас. Ваше имя трудное, и мы называем Вас просто мальчик.

Не обижайтесь за нашу товарищескую фамильярность. Желаем здоровья и счастья.

По поручению начальника 2-го хирургического отделения т. Обухова

врачи Васильева и Камышанец.

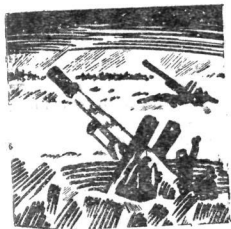
Гавриил Гаврилович рассказывал, как искал он доноров, отдавших ему свою кровь, как решил попытаться найти близких Добровольского.

Сперва он запросил в Московском адресном бюро адреса всех Добровольских, у которых по возрасту могли быть в сорок первом ушедшие на войну сыновья. Бюро нашло такие адреса. А потом Титунин начал их по порядку обходить. «Я помню, как он умер. И я должен рассказать об этом родным».

«У вас был сын на фронте? Жив?» Многие отвечали: «Погиб». Но только не в Петергофе. Под Москвой, под Ельней, в Новороссийске. При взятии Кенигсберга, во время освобождения Варшавы...

Так семьи своего фронтового друга Титунин и не нашел.

Отцы и сыновья

Пути отважных сходятся! Учебный отряд Кронштадта, в котором формировался десант, был родным и для другого славного балтийца — Героя Советского Союза Евгения Никонова. Никонов погиб в 1941 году в дни обороны Таллина. Тяжело раненный, под пытками он не выдал военной тайны и был заживо сожжен фашистами.

Ученик Петрухина, Ворожилова, воспитатель Никонова в Учебном отряде, Виктор Никитич Левченко связался с нами через редакцию газеты «Красная звезда».

«Саша Зорин, мой любимый командир роты.

Это тот Саша, с кем было много пропето песен... Кстати сказать, когда у меня в смене № 72 учился Женя Никонов, Зорин был командиром роты... Капли крови моей пролиты вместе с теми, кто вечно будет примером не только для меня, но и для восемнадцатилетнего моего сына и его сверстников».

Хорошие слова, достойная память!

Среди писем есть и такие, в которых рассказывается о тех, кто унаследовал дела отцов.

Помним, как взволновал нас во время одного из вечеров, посвященного героям десанта, рассказ мичмана-сверхсрочника Василия Андреевича Борисова. Он и сейчас служит в части, хранящей традиции создателей Дороги жизни.

Шестнадцатилетний школьник Борисов жил в начале войны в Кронштадте. Было в его рассказе о тех днях что-то напомнившее нам встречу Павла Леонтьевича Добрынина с мальчиком, подарившим ему финку.

— Я родился и вырос в Кронштадте. В июне сорок первого года перешел в десятый класс. Учился в школе вместе с Юлей Ворожилковым (он на один класс был младше), играли в одной футбольной команде, защищая честь нашей школы. После начала войны старшие школьники встали на посты воздушного наблюдения. Мы гасили «зажигалки», помогали вылавливать ракетчиков, которые каким-то путями попадали в Кронштадт.

Я в числе других ребят дежурил в школе около стадиона, рядом с Ленинградской пристанью. Теперь там городская больница. В той школе моя мать работала завхозом, там мы и жили.

В сентябре фашисты захватили Новый Петергоф. Кромехе тяжелых бомбежек прибавились жестокие обстрелы.

Возле нашей школы разорвалось много снарядов. Дежурство было круглосуточное. А так как я жил там же, то обычно стоял на посту ночью.

Немцы забрасывали фарватер минами, обстреливали корабли и город. Бомбили зажигательными и фугасными. Однажды на крышу школы попали три зажигательные бомбы. Нам удалось (на посту на крыше было по двое) сбросить зажигательные бомбы на землю, где они и догорели. В общем, школу спасли от пожара.

Стоять на крыше во время налета страшно: с диким воем падали бомбы, сыпались осколки от зенитных

снарядов. Вы ведь знаете, сколько в Кронштадте было артогня.

В одну из ночей октября сорок первого года, в двенадцать часов, я с крыши увидел, что двор школы стал заполняться вооруженными моряками. Я спустился. Все моряки как на подбор — рослые, крепкие, многие перепоясаны пулеметными лентами, обвешаны гранатами и вооружены самозарядными винтовками. Разговаривали вполголоса, курили в руках. Я понял, что путь их лежит на Ленинградскую пристань. К нам на квартиру зашли двое старшин попить воды. Мама и я разговорились с ними.

Один из них, развязав вещмешок, подарил мне рубашку и майку. При этом он сказал: «Помните нас, мы еще вернемся».

И еще кто-то из них сказал, что я буду жив и увижу нашу победу. И не знали десантники, что после них мне еще три года пришлось воевать. Да, бойцы верили в скорую победу...

Была подана негромкая команда, и они ушли, сердечно распрощавшись.

Под утро мы увидели, что весь петергофский берег сверкает взрывами, пулеметными трассами, иногда даже слышались выстрелы пушек.

Мы тогда догадывались, что там наши моряки.

При встрече Юля мне говорил, что отец в ту ночь ушел в бой и никаких вестей нет. Он очень переживал. А потом пришло сообщение, что его отец числится в списках без вести пропавших.

Вы спрашиваете, о чем я думал в те дни?

В Кронштадте тогда, как вы помните, много было событий. Таллинский переход, ханковский переход, круглосуточные бомбежки и обстрелы, петергофский десант — все это сплелось в общий узел грозного осеннего

сорок первого. О десанте, как мне помнится, знали немногие.

Коротко о себе.

В июне сорок второго года, после жестокой зимы, я семнадцатилетним добровольно (до этого меня не брали) пошел на службу и попал в морскую бригаду, которая незадолго перед этим прибыла с Невской Дубровки. Уцелевшие моряки рассказывали о тяжелых боях на Невском «пяточке».

Мы, кронштадтцы двадцать четвертого года рождения, пополнили бригаду. Она стала называться двести шестидесятой бригадой морской пехоты.

В зимние месяцы сорок второго, сорок третьего и начала сорок четвертого мы несли оборону на льду между Кронштадтом и Новым Петергофом. Потом — освобождение Петергофа, десанты на острова Койвистского архипелага, Выборгского, десанты в Таллин, Палдиски, на Эзель и косу Фриш-Нерунг. Ну конечно, в перерывах между боями были и медсанбаты.

Вот коротко и все.

Читатели заметили, должно быть, даты, стоящие под стихотворениями, дополняющими наш рассказ. Многие из них писались в военное время. К ним можно добавить еще одно — «Сыновья Кронштадта», опубликованное в газете «Красный Балтийский флот» весной 1942 года. Здесь описывался конкретный подвиг, совершенный под Петергофом.

...Не увидишь — глазам неверишь!
Дымно черен, безжалостно ал,
Петергофский замученный берег,
Как зажженная нефть, полыхал.

И уже расступались сугробы,
Но стремительный сдвинулся поток,
На пути, перекошенный злобой,
Лютый огненный дзота глазок.

Пули бьют! Не поднимешь голов.
Впереди краснофлотцев —
Зубков.

Непреклонный, в пылающей буре
Он броском исполинским одним
К пулеметной припал амбразуре
И закрыл ее сердцем своим.

Воскрешая отвагу твою,
В грозных схватках и подвигах новых
Пронесем, словно знамя в бою,
Мы бессмертное имя Зубкова.

Сохранилась с тех дней и фронтовая записка, сделанная в Кронштадте.

«... — Посмотрите, — протянул командир листок. — Пишет комсомолец Федор Несвириденко. «Три моих брата все на Балтике. Я самый младший, меня воспитал Ленинский комсомол. Пошлите меня в отряд моряков на защиту города Ленина. Я прошу Вас, товарищ командир, как дорогого своего отца, — удовлетворите мою просьбу».

— Позвать Несвириденко! — приказал командир вестовому.

Краснофлотец, совсем еще мальчик, пришел так быстро, словно он ждал где-то поблизости.

— Прибыл по вашему приказанию.

Командир, старый балтийский артиллерист, сражающийся уже третью войну, смотрел на юношу. Он закаш-

лялся, вытер рукой глаза. «Всем отказываю, ему не могу отказать. Пошло!»

...Зима в Кронштадте, зима на фортах.

Позднее на улице Ленина мы еще раз повстречали Невриденко. Его трудно было узнать. Маленький, в свитере, вязаной круглой шапочке, он пришел на лыжах в Кронштадт с южного берега.

— Я был в бою уже восемь раз. У нас ребята со всех кораблей, с крейсера «Киров», с плавбазы «9-е Января», с линкора.

Федя рассказал о недавнем бое:

— Готовились мы к операции. Вечер, сидим у костра в землянке, ждем приказа о выступлении. Сосны шумят, снега намело. О чем мы только не переговаривали. О Ленинграде вспомнили... Хороший у нас командир, смелый, лейтенант Зубков, душу каждого знает. Я сказал ему: «Хочу стать пулеметчиком. Ручной пулемет я изучил». — «Хорошо, поговорим после боя. А сейчас пора выступать!»

Пошли на лыжах. Впереди пулеметчик Вася Хозинов, бывший краснофлотец с плавбазы, за ним я.

А ночь светлая, луна демаскирует нас. Но мы сливаемся халатами со снегом — и незаметны. Сняли лыжи, подползли к самым вражеским укреплениям.

Здесь наш взвод натолкнулся на сильный огонь немцев. Хозинов выдвинулся вперед, — он решил уничтожить пулеметчика, засевшего в дзоте.

Через короткое время дзот перестал стрелять. Мне хорошо было видно, как, скошенные огнем пулемета, падали немецкие солдаты, спешившие на подкрепление.

В это время нас стали забрасывать минами. Мне показалось, я оглох, — такой был грохот. Вася продолжал вести огонь, искусно меняя боевую позицию.

Взрывной волной его швырнуло. Я подполз к другу. Вижу — он, раненый, пулемета из рук не выпускает.

Только когда подполз к нему связанной от лейтенанта Зубкова с приказанием отходить — передал он мне свое верное оружие со словами «держи крепко»...

Так заканчивалась эта фронтовая записка. А лейтенант Зубков? Где он?

Много лет спустя в газете дважды Краснознаменного Балтийского флота «Страж Балтики» была опубликована статья начальника Музея флота в Таллине полковника Гринкевича. Рассказывая о проводимых музеем настоящих поисках, Гринкевич вспоминал и морского пехотинца Петра Семеновича Зубкова, 11 февраля 1942 года закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота.

В истории Великой Отечественной войны это был девятый по счету подобный подвиг, совершенный за год до Александра Матросова. Всего же их было сто семьдесят два!

...Балтийцы — бойцы первого отдельного батальона — наступали на врага со стороны полосы обороны Приморской оперативной группы. Это было у деревни Порожки, в районе Петергофа, через четыре месяца после высадки кронштадтского десанта!

Да, это сражался другой, новый отряд. И пробился он в фашистское волчье логово не с моря, а с Ораниенбаумского «пятачка».

Вот что написал нам Владимир Иванович Гринкевич: «Около года мы бьемся над тем, чтобы как можно полнее раскрыть подвиг этого офицера. К сожалению, свидетели этого подвига не откликаются... Ваши стихи, если в них вдуматься, ни капли не противоречат известным нам фактам о Зубкове.

Зубков долго служил на флоте, войну встретил на плавбазе «Смольный», откуда 9 ноября 1941 года ушел в Балтийский флотский экипаж. Там формировался 1-й отдельный особый лыжный полк КБФ, Зубков был назна-

чен командиром стрелкового взвода. 11 февраля 1942 года Зубков героически погиб, а 19 февраля ему присваивается воинское звание — старший лейтенант.

Лыжный полк действовал на Ораниенбаумском плацдарме, но ведь это был лыжный полк КБФ, сформированный из моряков. И для всех лыжников Кронштадт был родным кораблем, который они покинули и ушли воевать на сухопутье. Только так прозвучали для меня строки Ваших стихов!»

И еще раз вспомнилось нам имя Петра Зубкова, когда мы ехали на встречу с ветеранами Ораниенбаумского плацдарма.

Автобус мчался по проспекту Стачек. Сколько здесь, в машине, знакомых, дружеских лиц!

Вот Александр Иванович Востриков, командир курсантского батальона, шедшего на помощь десанту.

Не отрываясь от полузамерзшего окна автобуса, глядит на проспект бывший командующий 8-й армией Владимир Иванович Щербаков.

Когда-то отсюда, из цехов Кировского завода, танки, только что созданные руками ленинградских рабочих, шли на близкую, различаемую невооруженным глазом передовую. Седоусые мастера и заводские юнцы Нарвской заставы уходили отсюда в бой. Среди них был и один из героев нашей повести Алексей Степанов.

В автобусе едет с нами на знаменательную встречу тот, кого ветераны-десантники с гордостью называют балтийским морским пехотинцем № 1.

Александр Оскарович Лейбович, кавалер ордена Ленина, пяти орденов Красного Знамени, в пальто, меховой шапке «пирожком» кажется сегодня таким далеким от грозных битв. Он сражался в сорок первом в этих местах и в сорок втором. Он участвовал почти во всех десантах Балтийской морской пехоты.

Внезапно в голову приходит мысль спросить Александра Оскаровича о Зубкове.

Лейбович вместо ответа достает из внутреннего кармана пальто пакет:

— Прочитайте!

— Что это?

— Материалы о Зубкове, я их везу Ломоносовскому военкому.

Мы листаем страницы, переписанные рукой Александра Оскаровича. Подробная справка о Зубкове, текст речи заместителя политрука роты краснофлотца Чекалина, произнесенной им по Ленинградскому радио в таком далеком от нас сорок втором году.

Смутно вспоминается теперь и Чекалин, в белом полушубке, перепопсанном ремнем. Вспоминаются фотографии моряков-лыжников, которые он нам показывал. Так вот, должно быть, откуда попал во фронтовой блокнот рассказ, переложенный потом в стихотворные строчки.

— Зубков служил со мной, — говорил Александр Оскарович. — И пожалуй, никто о нем не знает лучше, чем я. Мы познакомились с Петром Семеновичем, когда он пришел с плавбазы бригады подводных лодок «Смольный» командиром взвода в первую Особую Коммунистическую роту КБФ. В конце декабря из этой роты был создан первый Особый лыжный батальон, вошедший в состав первого лыжного полка КБФ. Зубкову было тогда тридцать шесть лет — зрелый возраст для командира. И сразу же лыжный батальон в полосе обороны Приморской оперативной группы Ораниенбаумского плацдарма начал проводить разведывательные операции. Новый Петергоф, Порожки, Низино... Вы слышали, наверное, еще в те времена, как это было... Лыжники в белых масках-латах, кашпоногах, наваленных на глаза, появлялись как призраки в расположении фашистов.

Слушая Александра Оскаровича, мы вспоминали, как морские пехотинцы, врываясь в землянки к фашистам, будили спящих: «Пусть посмотрят перед смертью в лицо Балтфлоту! Нас не уничтожили в Петергофе, мы живы!»

Лейбович хранит листок радиопередачи Ленинграда «Говорит Краснознаменный Балтийский флот» с выступлением Михаила Чекалина:

«Я только что приехал с фронта в город Ленина и счастлив, что имею такую возможность рассказать по радио о героических делах моряков-лыжников.

Никогда не забудут моряки-балтийцы мужественного и бесстрашного лейтенанта Зубкова.

Смелым и дерзким налетом он со своим взводом моряков ворвался в расположение немецких укреплений и беспощадно истреблял гитлеровцев. В это время в нескольких метрах от лейтенанта Зубкова затрещал пулемет. Это открыл огонь искусно замаскированный дзот противника.

Огонь не давал возможность поднять головы. И тогда, презирая смерть, поднялся во весь рост сильный и страшный в гневе балтиец Зубков.

Он бросился вперед, закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота и этим заставил замолчать пулемет противника.

Прозенный несколькими пулями, лейтенант Зубков в последний раз крикнул: «Вперед!»

Моряки ринулись в атаку, мстя за любимого командира...

Мы, бойцы-балтийцы, вместе с Красной Армией, вместе с ленинградцами отстояли от врага свой любимый город. Мы сражаемся, будем сражаться, чтобы каждый наш удар отбрасывал врага на запад.

— Мы, ветераны морской пехоты, хотим, — сказал полковник Лейбович, — чтобы подвиг старшего лейте-

нанта Зубкова стал достоянием нашего народа, особенно молодежи!

Петергофская земля хранила долгие годы тайну не об одном лишь десанте. Теперь мы знаем и о разведчиках, моряках-лыжниках, уходивших туда в зимние ночи блокады, и о бойцах морской пехоты, державших ледовую оборону, громивших фашистов на островах Балтики.

Ведь наш рассказ и о тех, кто пришел на смену петергофскому десанту, чтобы довести дело, завещанное кронштадтскими моряками, до конца.

Помнят героев-десантников и моряки нынешнего Военно-Морского Флота. Незабываемой была встреча с героями морских десантов 1941—1945 годов в гвардейской части балтийской морской пехоты.

Рослые, загорелые ребята в форме морских пехотинцев, в беретах с золотыми якорьками встретили сердечно, как старших, как своих отцов, тех, кто в годы Отечественной войны стоял насмерть на ленинградских рубежах, лежал в боевых «секретах» на кронштадтском льду; кто, выполняя завет погибших, шел с боями на запад в многочисленных десантах, взывая над поверженными фашистскими укреплениями опаленное боями знамя.

Ветераны с уважением и гордостью осматривали современную военную технику, плавающие танки, которые с десантных кораблей идут в кипящие волны, проходят по дну, чтобы ринуться в назначенную минуту на занятую «противником» землю.

Да, сегодня «противник» условен. Но, знакомясь с этой техникой и отличными волевыми моряками, умению которых доверена боевая мощь созданного советскими людьми оружия, участники сражений 1941—1945 годов по-хорошему завидовали своим сыновьям.

«Каждый наш удачный десантный бросок, выстрел, поражающий цель, наш слитный строй, — говорили на

обсуждении повести гвардейцы, — это продолжение дела погибших героев, песня о них!»

Мы рады и тому, что наши предположения и выводы подкреплены уже после опубликования повести авторитетными свидетельствами таких военачальников, как командующий Краснознаменным Балтийским флотом в годы Отечественной войны адмирал В. Ф. Трибуц, член Военного совета КБФ вице-адмирал Н. К. Смирнов, начальник штаба КБФ адмирал Ю. А. Пантелеев.

Командовавший в те дни Ленинградским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» также воздал должное действиям морского десантного отряда в Петергофе.

Он пишет:

«...Моряки действовали не только смело, но и предельно дерзко. Каким-то образом противник обнаружил подход десанта и встретил его огнем еще на воде. Моряков не смутил огонь противника. Они выбрались на берег, и немцы, естественно, побежали. К тому времени они уже были хорошо знакомы с тем, что такое «шварце тодт» («черная смерть»), так они называли морскую пехоту.

К сожалению, я не запомнил фамилию мужественного моряка-командира отряда морского десанта. Увлечшись первыми успехами, матросы преследовали бегущего противника, но к утру сами оказались отрезанными от моря, и большинство из них не возвратилось.

Не вернулся и командир.

Десантные отряды моряков неоднократно высылались в тыл противника. Везде и всюду они проявляли чудеса храбрости и высоко держали честь и достоинство советского Военно-Морского Флота»¹.

¹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., АПН, 1970, стр. 315.

Глава заключительная, но не последняя

С того времени, когда с нашей повестью познакомились ее первые читатели, прошло пять лет. Это были годы поисков новых достоверных свидетельств.

Авторы преднамеренно оставили тогда за собой право считать заключительную главу повести не последней.

Многочисленные читательские конференции, письма, полученные из далеких и близких городов и сел, укрепили нас в этом решении. То, о чем рассказываем мы в этой главе, тоже не конец, а продолжение истории десанта. Ведь и годовщина тридцатилетия подвига моряков, привлекая к себе внимание тысяч благодарных людей, становится теперь историей.

Мы хотим снова позвать вас за собой в петергофские парки.

Как чудесен Петродворец осенью! Его золотые статуи уже спрятаны на зиму в деревянные футляры. Лишь Самсон и бронзовый Петр да еще драконы на вершине «Шахматной горы» открыты взору.

Золото не только на могучем торсе Самсона и куполах дворцовой церковки и флигеля под гербом. Золото в осенней листве, шуршащей под ногами, устилающей склоны и дорожки парков, — желтое и бледно-розовое, оранжевое и цвета старого дуба. И есть в нем еще один оттенок — багровый. Так пылают листья, упавшие с кленов. И кажется, это следы матросской крови, когда-то пролитой здесь.

Внезапно нам почудилось, что где-то рядом, по тем же аллеям у моря, идет женщина с зачесанными назад седыми волосами — мать одного из тех, кто здесь погиб.

«Как хотелось бы мне повидать вас, услышать все, что вы знаете о Вадиме, хотелось бы побывать на месте, где он погиб. Но теперь это невозможно не только по возрасту и по здоровью, — это еще можно было бы преодолеть. Но на мне лежит забота о маленьком Вадимке, которому я должна дать хотя бы маленький задаток на будущее. Этот малыш как-то особенно дорог, и ему принадлежат мои оставшиеся годы».

Так писала друзьям в Петродворец Александра Николаевна Федорова, мать Вадима.

Мы знаем, она и сегодня думает о том же.

«Вера в победу, даже в самые тяжелые годы войны, была в сердцах наших воинов, и они творили чудеса мужества. Теперь очередь другого поколения с такой же верой мужественно преодолевать трудности на пути к конечной цели, к коммунизму».

Пусть подрастает Вадимка, внук Федорова. Пусть растут счастливо дети Павла Добрынина. Пусть никогда не повторится с ними то, что выпало на долю их дедам и отцам.

Тридцать лет хранила жена полковника Ворожилова листок со страшными словами: «Ваш муж пропал без

вести...» И рос его сын Юлий, стремившийся продолжить путь отца. Он стал военным моряком.

Юлий Андреевич не смог приехать в Петродворец в тридцатую годовщину десанта.

«После гибели отца, — рассказал он в письме, адресованном авторам книги, — я принял эстафету, о которой говорит в предисловии адмирал Гришанов. В ноябре 1941 года я надел военную форму, а с лета 1943 года служил на кораблях 12-го дивизиона «морских охотников»... Потом я ушел из Кронштадта, был в боях. И волею судьбы участвовал в высадке морского десанта в феврале 1944 года под Нарвой.

Я понял, каким мужеством должны обладать десантники, чтобы не дрогнуть под огнем врага. Моим девизом была месть за погибшего отца. А потом наш дивизион сражался до Дня Победы.

У меня растет сын — третье поколение Ворожиловых, — который готовится к морской службе, подобно его отцу и деду.

Двадцать лет прослужил я на Тихоокеанском флоте. В 1971 году переведен в Одесское высшее инженерное морское училище преподавателем...»

Сыновья петергофских десантников верны делу своих отцов!

Мы продолжали свой путь по Петродворцу. Теперь мы были уже не одни со своими воспоминаниями. Их разделяли с нами и другие люди.

Нас встречали молодые и старые деревья, встречали и провожали шумом листвы. Деревья, пережившие войну, первыми сбрасывают листья. Их верхушки срезаны огнем, в шершавой коричневой и серой коре змеятся осколочные шрамы. Если бы им, как ветеранам, давать нашивки за ранения, каждое такое дерево запестрело бы багряными полосками.

А молодые деревья, по жилам которых свободно течет подводимый корнями земной сок, не обронули еще алых и темно-зеленых листьев...

Парк жил. И думал свою вековечную думу, сберегал еще не раскрытые тайны.

По аллеям ходили люди, в одиночку, маленькими группами. Их было неизмеримо меньше, чем в летнее время, когда парк заполнен людским потоком.

Что же привлекло сегодня этих посетителей сюда, когда песня прекрасных фонтанов до будущего лета умолкла?

Мать везет в колясочке ребенка.

Пожилой человек, может быть в прошлом моряк, с площадки возле балюстрады Монплезира глядит на море. Там в белой дымке видны очертания Кронштадта, острова Котлин.

Мимо нас прошли иностранные туристы.

Немецкая речь... Немолодые... Что привело их сюда, какие воспоминания заставили после окончания сезона, в пасмурный, не располагающий к загородным прогулкам день, приехать сюда в Петродворец?

Они сказали что-то друг другу, потом, молча постояв, ушли.

И еще небольшая группа — отец, мать, двое юношей, наверное сыновей. «Нам, семерым, приказали разминировать Монплефир», — донеслись до нас слова старшего.

Разные дороги приводят людей сюда в осенний день к умолкшим фонтанам.

И вот эту старую, седую женщину, приехавшую, может быть, издалека, в места, где принял смертный бой ее сын или муж.

И моряка-курсанта со своей похожей на пичужку, задумчиво глядящей на искаленные стволы и возрожденный дворец подругой. И нас с вами.

Парки, несмотря на то что песня фонтанов смолкла, не безмолвны, шумит ветер в ветвях, вечную свою мелодию повторяет морской прилив. Волны набегают на сырой песок, трутся о валуны, потом отходят...

А теперь мы расскажем о праздничном торжественном дне в октябре 1971 года, когда трудящиеся Петродворца отмечали тридцатую годовщину морского десанта. Тысячи людей, среди которых были не только жители города, но и много приезжих, приняли в нем участие.

Специально созданная комиссия при исполкоме Петродворца превратилась в штаб, принимавший гостей, приехавших на торжества, — участников боев за Петергоф, родных и близких погибших.

В этой работе не было бесстрастных. Секретари райкома КПСС Борис Суворцев и Артур Веселов, председатель исполкома райсовета Николай Уланов, секретарь райкома комсомола Геннадий Осокин отдавали ей все время. Командование Высшего военно-морского училища имени А. С. Попова, педагогические коллективы районных школ, Дом культуры Петродворца, военкомат, Совет ветеранов — все внесли свою лепту, энергию, выдумку для того, чтобы этот день остался в памяти и сердцах людей надолго.

С волнением люди наблюдали, как заколыхались на ветру транспаранты, украсившие многие здания в городе: «Морскому десанту — тридцать лет!», «Никто не забыт, ничто не забыто!», «Пример Героев Балтики — молодежи!».

В пионерских комнатах школьники долгими вечерами, жарко споря, старались лучше оформить стенные газеты. И всюду они рисовали краснофлотцев в бескозырках, в бушлатах, перепоисанных пулеметными лентами. И часто писали заголовок: «МЫ ИЗ КРОНШТАДТА!» Да, они все шли из Кронштадта — и бойцы первых морских

отрядов времен гражданской войны, и эти молодые герои сорок первого!

Удивительными были «уроки мужества», проводимые в Петродворце в то утро во всех школах — у старшеклассников и у малышей.

Волновались ветераны и молоденькие учительницы, — ведь они говорили о любимом городе и о его героях.

Волнение передавалось детям. Школьники слушали своих учителей по-особому, угадывали в лицах ветеранов черты тех, из сорок первого года.

И город в этот день был особым — вглядывающимся, вспоминающим.

Районная газета «Заря коммунизма» выпустила номер, посвященный годовщине десанта, — газету трудно было достать.

Многое замечали жители Петродворца, они видели, как немолодой человек, приезжий, у «Шахматной горы», где находился последний штаб десанта, взял горсточку земли, спрятал в платок.

И самыми дорогими гостями в городе были те, кто воевал здесь, — бойцы 10-й и 11-й дивизий, бывшие народнцы ополченцы, зенитчики, летчики, морские пехотинцы. Среди них немногочисленные оставшиеся в живых бойцы десанта.

Приехал сюда и Гавриил Титунин. Он тридцать лет не был здесь. В памяти ожили огненные строчки трассирующих пуль, разрывы вражеских артснарядов, глухое хлопанье мин, вздыбленная земля и крики раненых... И как бы сквозь пелену лет этот мужественный, искалеченный в боях человек сейчас слышал голос своего комиссара: «Краснофлотцы, за мной!»

И в этот миг песня, негромкая и грустная, вошла в общий хор моря, земли и неба:

Мне часто снятся те ребята,
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три паката,
Сосна, сгоревшая над ней...

Многие встретились впервые после долгих лет разлуки. Расспросы, поцелуи... И неизменное: «А помнишь?..» Людей этих понять можно. Съехались фронтовики, которые когда-то лежали рядом в окопе, ходили в штыховые атаки, доскутами матросской тельняшки перевязывали друг другу раны, плыли в ледяной воде, надеясь добраться до родного Кронштадта...

Полдень. Бывшие десантники направляются на пристань, в Нижний парк, и, как бывало, споровисто и бойко поднимаются по трапам боевых катеров. На флагах расцвечивания они читают два слова: «Слава десанту!»

Многотысячная толпа замерла на пристани, когда катера, на борту которых были эти люди, по команде «Полный вперед!» отвалили от пирса.

Три посыльных катера выходят в залив, они идут тем самым фарватером, которым когда-то к петергофскому берегу шли катера с десантным отрядом полковника Воржикова.

Потом они ложатся на обратный курс, развернувшись «все вдруг». За кормой колеблется белый шлейф от взбитой винтами воды.

Показалась пристань.

В строю застыли с автоматами на груди курсанты Высшего военно-морского училища имени А. С. Попова.

С головного катера отдается команда: «Флаги прислужить». Застопорен ход. Слышно, как ударяют в борта невысокие волны.

Торжественно звучит траурная мелодия оркестра.

Ветераны десанта Николай Мудров, Борис Шитиков, Григорий Васильев, Гавриил Титунин, Алексей Степанов,

петергофцы, кронштадтцы стоят в одном строю с молодыми матросами.

Многие плачут.

На воду спускаются, поддерживаемые пошлавками, алые венки. На одном из них надпись: «Героям Петергофского десанта от моряков Кронштадта».

Это юность краснознаменного города-крепости воздает почесть своим отцам!

К венкам прикреплены бескозырки. И на ленточках каждой любимое, родное матросскому сердцу — «Балт-флот»!

Венки на воде. Люди с катеров и с берега пристально глядят на них.

С катеров сходят десантники. Их уже ждут трудящиеся города, моряки, солдаты, гости.

Здесь, у стены дома № 1 по улице Морского десанта, при огромном стечении народа начинается митинг, посвященный открытию мемориальной доски в честь балтийцев.

Руки ветеранов десанта стягивают полотно. На море четко выступают буквы:

«УЛИЦА МОРСКОГО ДЕСАНТА НАЗВАНА В ЧЕСТЬ КРОНШТАДТСКИХ МОРЯКОВ-ДЕСАНТНИКОВ, ГЕРОИЧЕСКИ СРАЖАВШИХСЯ С ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ В ПЕТЕРГОФСКОМ ПАРКЕ В ОКТЯБРЕ 1941 ГОДА».

Букеты роз, осенних астр ложатся у стены дома. Их привезли сюда из Ленинграда, Кронштадта, Таллина, Риги, с берегов Ладоги.

Защитники Петергофа вспоминают в эти минуты и тех, кто прошел войну, пережил бой, но кого нет сейчас с нами. Умер десантник Павел Леонтьевич Добрынин, не стало генерал-лейтенанта Михаила Павловича Духанова,

бывшего бойца курсантского батальона Ивана Тихоновича Иохина.

И мы, авторы этих строк, склоняем головы перед светлой памятью этих людей, а также ушедших совсем недавно бойца стрелнинского десанта Владимира Архиповича Токового, воина-корабела Виктора Александровича Бобикова, чье веское слово, дружеский добрый совет помогали нам в долголетней трудной работе.

...Теперь процессия движется к военным памятникам Петродворца, к Вечному огню.

Сколько здесь собралось людей! Они идут, идут, несут венки и пышные букеты цветов из своих садов.

Мы стоим у стены, где начертаны слова уважения и благодарности, слушаем выступления тех, кто был здесь тогда. Рядом такие знакомые нам теперь лица детей и взрослых, граждан Петродворца. Вот и Лида Иванова, заведующая детской библиотекой, та самая Лида, которая, только закончив десятилетку на пороге новой жизни, была брошена врагом во тьму, отчаяние, опустошение.

Спасибо вам, Лида, за то, что вы сохранили в себе мужество, твердость духа, спасибо вам и всем остальным друзьям из Петродворца за помощь, которую вы нам оказали при сборе материалов для этой книги. Мы рады, что она пришла по душе и молодым читателям вашей библиотеки. Ведь мы писали свою книгу и для них!

Смолкает оркестр. В благоговейной тишине возлагаются все новые и новые венки у Вечного огня, сменяется почетная вахта.

Когда последний из отыскавшихся десантников Гавриил Гаврилович Титуний вошел в наполненный людьми зал районного Дома культуры, глаза моряка растерянно скользнули по лицам.

Ему показалось вдруг, что вот та женщина у входа переживала ему тогда в кронштадтском госпитале кровь...

Нет, не она...

И весь вечер, пока на сцену, где он находился в преиздуме, моряки вносили овеянные славой знамена, пока сменялся у них почетный караул, Титунину казалось — прошлое возвратилось. Он глядел на экран, где проходили кадры документальной кинолетописи, посвященной Павлу Добрынину, и думал: «Это ведь и моя жизнь, моя боль...»

И слова старшего друга десантников, балтийца, адмирала Василия Максимовича Гришанова, направившего в Петродворец телеграмму, тоже относились к нему, впервые после тридцатилетнего перерыва возвратившемуся в строгий круг славного морского братства:

«Участники этой героической операции своим беззаветным мужеством и стойкостью вписали славную страницу в боевую летопись нашего Военно-Морского Флота. Они шли в бой с именем партии, с твердой верой в победу над фашистскими захватчиками. Бессмертные подвиги участников десанта будут всегда служить примером беззаветной преданности Родине, партии, делу военно-патриотического воспитания советской молодежи.

Прошу передать ветеранам войны, участникам десанта пожелания крепкого здоровья, плодотворной деятельности на благо укрепления военного могущества Советской Отчизны. Желаю трудящимся района больших успехов в претворении в жизнь решений XXIV съезда КПСС».

«Тридцать лет...» — думал Титунин.

В истории государства это период небольшой. Но в жизни человека, прошедшего по дорогам войны, своими глазами видевшего муки фашистского ада, он кажется долгим. А порою и тяжким, когда один за другим уходят в небытие твои боевые товарищи. И Гарилилу Титунину

захотелось снова прийти одному к пирсу, к морю, на волны которого он и его побратимы опускали в память десанта венки.

Он пошел туда по вечернему Петродворцу, городу, который сегодня увидел другими глазами...

Отгоревшее не вернется. Нам не поднять с этой земли уснувших в ней навсегда. Не увидать моряков, занимавших круговую оборону в бетонном кольце Римского фонтана. И тех, кто сражался насмерть у Самсоновского канала, шел в свою последнюю атаку возле «Шахматной горы».

Постоим возле нее, товарищ! И возле огромного разъятого пня, похожего на чашу Вечного огня. Рядом с ним возвышается стройное молодое деревцо. Красный лист, сорванный ветром, медленно парит в воздухе. У этого листа форма человеческого сердца. И куда бы он ни упал, лист укажет, где сражался насмерть боец.

Темнеет. Петродворец зажигает огни. Они всыхивают в каждом доме, старом и только что построенном, огни мира и счастья, огни благодарной человеческой памяти. Зажигает свои огни и Кронштадт.

Титунин проходит мимо Большого дворца, улицы Морского десанта, спускается в парк.

Где-то близко, невидимые во тьме, колышутся на воде венки.

«Значит, не забыли нас сыны. Значит, крепко держат в памяти и в своем сердце наше краснофлотское дело».

От моря веет осенним холодом. В небе прорезываются острые звезды. А он все глядит, вспоминая пережитое в этот поразительный день.

Вспоминает горячие слова друзей из Петродворца, их твердое обещание: героям десанта будет воздвигнут памятник. Это и его мечта, желание всех моряков, всех, кто сражался в петергофских парках.

Балтиец мысленно представил его себе.

Пусть встанет он на скалистом подножии, в воде, не-
вдалеке от пирса, где высаживался десант.

Пусть отлитый из бронзы моряк с оружием в руках
шагнет на берег.

Чтобы все, кто приезжает сегодня в Петродворец, в его
парки, к фонтанам, дворцам, помнили, что каждый кло-
чок, каждая пядь этой земли полита кровью отважных,
кровью тех, кто защитил Ленинград, отстоял счастье бу-
дущих поколений.

Помнили вечно!

И если вновь в Петродворце, в Кронштадте,
На опаленном смертью берегу
Тебе придется побывать, читатель,
Тех вспомни, перед кем и мы в долгу.

Останутся в сердцах потомков святы
Тех имена, кто бился до конца,
Пусть улица Матросского десанта
Хранит величье каждого бойца.

С оружием в руках войдут устало
Они в спасенный свой Петродворец.
Пересеченный зеленью кварталов,
Он светится, как голубой ларец.

И множество не без вести пропавших
Стремительных и молодых парней,
И множество с твоей земли не вставших
Глядят на небывалый блеск огней.

Бойцы погибли у твоих фонтанов,
Чтобы из праха встал цветущий сад,
И, вспоминая павших ветеранов,
Матросам салютует Ленинград!

1941—1971

Кронштадт—Петродворец—Ленинград

Предисловие	5
Орлиное гнездо	11
На Оранienбаумском направлении	19
«Выстоям, товарищ командир!»	33
Полковник Ворожилов получает задание	41
Прощание с Кронштадтом	54
Кронштадтцы в Петергофе	69
Красные ракеты	83
Вторые сутки	95
У Английского дворца	105
У Большого дворца и в Александрии	111
«Живые, пойте о нас!»	121
Третьи сутки. Переход в ночь	127
Петергоф свидетельствует	137
Огненный берег	145
Огонь и лед	155
Разведчик Карпов вспоминает	163
Пропавшие без вести — вечно живые в памяти!	169
В освобожденном Петергофе	177
На запад	191
Победа	201
Судьбы	207
Его помнит Милая	218
Яблоньки на Урале	228
На рубежах славы	237
«В грусти и в долгу...»	249
Моряк с крейсера «Петропавловск»	255
Отцы и сыновья	263
Глава заключительная, но не последняя	275

СХЕМА
ВЫСАДКИ
ДЕСАНТОВ
ПЕТЕРГОФ-
СТРЕЛЬНА
В ОКТЯБРЕ
1941 г.

